

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1977

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1977

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. ГАДЖИЕВА, Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ПРОБЛЕМА ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ЧЕРТ ИСЧЕЗНУВШИХ ЯЗЫКОВ

Многие языки некогда существовавших народов исчезли бесследно вместе с их носителями или оставили настолько скудные следы, главным образом в лексике, что они не дают сколько-нибудь определенного представления о грамматическом строе этих языков. Так, например, нам ничего не известно о грамматическом строе языков мери, муромы, камских булгар, фракийцев, галлов, бургасов, кавказских албанцев, гуннов, хазар и т. д.

Это не то

Казалось бы, восстановление грамматического строя этих языков представляет совершенно неосуществимую задачу по той простой причине, что у нас нет никаких опорных точек. Между тем такой пессимистический вывод не всегда оправдан. Конечно, полностью восстановить исчезнувший язык, его фонемный и словарный состав, так же как и грамматический строй, никогда не удастся. Однако возможно такое благоприятное стечение обстоятельств, когда, используя методы ареальной лингвистики, можно с известной долей вероятности высказать предположения о некоторых особенностях грамматического строя исчезнувшего языка.

В настоящей статье главным объектом рассмотрения избран нами хазарский язык, который в настоящее время считается, можно сказать, бесследно исчезнувшим. Существование самих хазар подтверждается многими историческими источниками, о них рассказывают в своих трудах и многие средневековые историки и их современники. Государство хазар возникло не позже IV века в низовьях Волги и на Дону, получив наивысшее развитие в VII—VIII веках, а во второй половине X века оно исчезло¹.

С наибольшей долей вероятности можно предположить, что хазары были тюркоязычным народом, этнически очень близким болгарам². Очевидно, и язык древних тюркоязычных болгар имел много общего с хазарским. Об этом сообщают и арабские авторы Истахри и Ибн-Хаукаль³.

Н. А. Баскаков относит хазарский язык вместе с болгарским и чувашским к особой болгарской группе тюркских языков⁴.

¹ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 237.

² С. А. Плетнева. Хазары. М., 1976, стр. 22.

³ Там же, стр. 15.

⁴ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 231.

Название хазарского города Саркел означало, по словам Константина Порфирородного, «белая крепость». Славяне его называли «белой вежей», то есть «белым домом». Это название хорошо соотносится с современным чувашским *шурӑ кил* (*шурӑ гил*) 'белый дом'.

Однако само по себе установление принадлежности хазарского языка к тюркским языкам еще недостаточно. Необходимо определить первоначальную территорию расселения хазар и родственных им тюркских народов. Вот что пишет по этому поводу автор книги «Хазары» С. А. Плетнева:

«В одном из отрывков „Истории“, написанной сирийским автором Иоанном Эфесским во второй половине VI в. и сохранившейся благодаря позднейшим пересказам Михаила Сирийского и Бар-Габрая, рассказывается, что в царствование византийского императора Маврикия из внутренней Скифии вышли три брата со своими родами. Один из них, Булгар, прошел к границам Римской империи, два других заняли страну алан, называемую Берсилия. „Когда над той страной стал господствовать чужой народ, они были названы хазарами по имени того старшего брата, которого имя было Хазарик“. Связь хазар со страной Берсилией подтверждается и сведениями византийских хроник Феофана Исповедника и Никифора. Феофан отмечал: хазары — великий народ, вышедший из Берсилии. Находилась Берсилия на современной территории Дагестана; араб ал-Балазури писал, что ал-Баршалия расположена к северу от Дербента...»⁵. И далее С. А. Плетнева приходит к заключению, что колыбелью хазар были прикаспийские степи Северного Предкавказья⁶.

Болгары первоначально занимали приазовские степи и Таманский полуостров. Их вождь и правитель Кубрат в 635 году после освобождения из-под власти тюркского каганата возглавил самостоятельное объединение — Великую Болгарию. Столицей Великой Болгарии стала разграбленная в IV веке гуннами Фанагория⁷. Все это свидетельствует о том, что первоначально болгары являлись соседями хазар и территории их поселений были смежными.

Н. А. Баскаков также полагает, что болгары были непосредственными соседями хазар⁸.

Авторы средневековых хроник нигде не упоминают о чувашах. Может быть, это объясняется тем, что первоначально чувашин не отделялось от болгар и чувашский язык был одним из диалектов болгарского языка. Сохранившиеся скудные письменные памятники языка камских болгар обнаруживают явную близость языков камских болгар и современных чувашей.

Изложенные данные дают основание предположить, что и предки современных чувашей в те давние времена также жили в регионе Предкавказья.

Византийские авторы первой половины VI века часто упоминают о савирах — гунском племени, жившем в то время вблизи Кавказских гор. По-видимому, язык савиров также был близок языку болгар и хазар. В настоящее время на Северном Кавказе проживают такие тюркские народы, как кумыки, ногайцы и карачаево-балкарцы. В истории этих народов еще много неясного. Существуют теории, сближающие кумыков с хазарами.

⁵ С. А. Плетнева. Указ. раб., стр. 15.

⁶ Там же, стр. 16.

⁷ Там же, стр. 21.

⁸ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 237.

Автор книги «Древнее население Дагестана» А. Г. Гаджиев считает, что тюркоязычные племена гунской федерации, по-видимому, сыграли определенную роль в этногенезе современных тюркоязычных народов Северного Кавказа: кумыков, балкарцев, карачаевцев⁹. Появившиеся вслед за хазарами, савиры и болгары, по его мнению, также имеют отношение к происхождению кумыкской народности¹⁰.

Н. А. Баскаков утверждает, что языки — караимский, карачаево-балкарский, кумыкский и крымско-татарский имеют в своей основе общее, исторически отложившиеся булгарские, хазарские черты. А содержащиеся в них кыпчакские (половецкие) элементы являются, по его мнению, позднейшими¹¹.

На основе всех этих данных можно заключить, что в первой половине первого тысячелетия нашей эры Северный Кавказ и прилегающие к нему степи составляли определенный тюркоязычный ареал близкородственных тюркских языков, обладающих рядом общих особенностей, установление которых даст возможность выявить и некоторые особенности каждого из этих языков в отдельности.

Исторические данные свидетельствуют о том, что этот тюркоязычный ареал не был стабильным. Имели место довольно частые вторжения части тюркоязычных народов этого ареала в бассейн Волги.

Судя по дошедшему до нас письму хазарского кагана Иосифа придворному кордовского халифа Абдаррахмана III Хасдау Ибн-Шафруту (середина X века), территория Хазарии к тому времени необычайно расширилась. Ее северная граница проходила где-то в районе устья Камы. Это подтверждается нижеследующим фрагментом из этого письма:

1. «Я живу у реки по имени Итиль в конце реки Гургена. Начало этой реки обращено к востоку на протяжении „месяцев пути“.

2. У этой реки расположены многочисленные народы: бург-с, булг-р, свар, арису и т. д.»¹².

Любопытно, что здесь упоминаются такие народы, как арису (мордва-эрзя), бург-с (буртасы) и булг-р (булгары).

«Восточная граница Хазарии в это время проходила где-то по волжским степям, южная — вдоль Кавказского хребта, а западная — по Крыму»¹³.

В районе бассейна Волги селились не только хазары, но и болгары. «Часть болгарских племен откочевала вместе с аланами в лесостепные районы, а оттуда еще дальше в Прикамье»¹⁴, где болгары, известные в истории под названием волжских булгар, основали собственное государство — Камскую Булгарию.

«По-видимому, в Прикамье были также савиры. О народе с-в-р упоминает каган Иосиф. Предполагается также, что город Сувар в Волжской Булгарии возвели савиры — выходцы из Восточного Предкавказья»¹⁵.

Причиной переселения многих тюркских народов Предкавказья в бассейн Волги, очевидно, послужили так называемые арабские войны.

⁹ А. Г. Гаджиев. Древнее население Дагестана. М., 1975, стр. 52—53.

¹⁰ Там же, стр. 53.

¹¹ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 272.

¹² Цитируется по книге С. А. Плетневой «Хазары», стр. 9—10.

¹³ С. А. Плетнева. Указ. раб., стр. 10.

¹⁴ Там же, стр. 43.

¹⁵ Там же.

Арабы в VII веке неоднократно завоевывали различные страны тогдашнего Закавказья — Армению, Грузию, Албанию и вторгались в земли хазар. Тюркоязычные народы Предкавказского ареала осуществляли экспансию главным образом в северном направлении (бассейн Волги). Исключение в этом отношении составляли хазары. Многие исторические источники указывают на то, что хазары неоднократно вторгались на территорию современного Азербайджана, Грузии и Армении.

Хазарская проблема занимает важное место в истории Азербайджана. Хазары около 150 лет хозяйничали в северной части страны и совершали опустошительные набеги на ее юг и далее в глубь халифата¹⁶. К началу VII века почти весь Средний Восток, в том числе и Закавказье, был поделен между двумя могущественными соперниками — Византией и сасанидским Ираном. Север Азербайджана, носивший общее название «Аран» (Албания, Агванк), будучи зависимым от Ирана полусамостоятельным княжеством или царством, постоянно являлся объектом захватнических вожделений своих более сильных соседей и хазар, каждый из которых стремился поработить и разграбить народ Арана...¹⁷ Хазары уже в VI веке (до 531 года) совершали опустошительные набеги на закавказские страны и поэтому упоминание о хазарах в период правления Хосрова Ануширвана едва ли случайно. В «Истории Агван» Моисея Каганкатвацци (Дасхуранци)¹⁸ говорится о многочисленных опустошительных набегах хазар на страну Албанию, об оккупированной ими территории Албании и длительном пребывании сорокатысячной хазарской армии в предгорьях Кавказа. З. Бунятов отмечает, что Албания была захвачена хазарами «на втором году царствования Арташира, сына Кавадова царя персидского, пока он продолжал управлять царством по своей воле, то есть в период между сентябрем 629 года и апрелем 630 года»¹⁹. Ануширван, согласно версии от Табари, победил хазар, когда они вторглись в Азербайджан, и поселил в стране 10 тысяч захваченных хазар. А для отражения в будущем натисков со стороны воинственных северян Ануширван построил город с крепостью Баб ал-аб-Раб (Дербенд), который вместе с Чога в течение многих веков был сильным форпостом на северных рубежах сначала сасанидского Ирана, а в дальнейшем арабского халифата²⁰.

Хазары при поддержке кыпчаков и других тюркских племен неоднократно проникали через Дербендский, Дарьяльский и другие проходы на территорию Арана и в период арабского халифата. Историки отмечают, что ко времени вторжения арабов северная часть Азербайджана — Аран и Сюник вместе с частью Грузии принадлежали хазарам²¹.

Приведенные исторические свидетельства говорят о том, что хазары не всегда полностью уходили из завоеванных стран. По-видимому, на территории Азербайджана, Грузии и даже Армении оставались их небольшие колонии. Особый интерес в этом отношении представляют хазарские колонии на территории Азербайджана. Ассимилируясь местным населением и усваивая тюркский язык предков азербайджанцев, хазары могли привнести в язык этого населения и некоторые черты своего языка. Скрещение языков здесь могло быть особенно эффектив-

¹⁶ Зия Бунятов. Азербайджан в VII—IX веках. Баку, 1965, стр. 29.

¹⁷ Там же, стр. 38.

¹⁸ «История Агван» Моисея Каганкатвацци. Перевод с древнеармянского К. Патканова. СПб., 1861.

¹⁹ «История Агван», стр. 131/104; Зия Бунятов. Указ. раб., стр. 52.

²⁰ Зия Бунятов. Указ. раб., стр. 41, 42.

²¹ Там же, стр. 141.

ным по той простой причине, что в данном случае контактировали родственные языки. Таким образом, некоторые азербайджанские диалекты и говоры могли воспринять отдельные особенности хазарского языка. И действительно, в ряде северных и восточных говоров азербайджанского языка отмечаются такие черты, которые никак не гармонируют с типичными особенностями языков огузской группы.

В настоящей статье делается попытка реконструировать систему глагольных времен хазарского языка. Для реконструкции нами используются следующие данные:

1) система глагольных времен чувашского языка, поскольку предполагается, что хазарский язык был родствен чувашскому языку и языку тюркоязычных болгар;

2) следы влияния хазарского языка в северных и северо-восточных говорах и диалектах азербайджанского языка.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов позволяет сделать вывод о наличии определенных типов глагольных времен в тюркском языковом ареале Кавказа, появление которых можно было бы объяснить влиянием хазарского языка.

Настоящее время с показателем -at-

Это время довольно ярко представлено в современном чувашском языке:

şyr-at-ăp	'я пишу'	şyr-at-păr	'мы пишем'
şyr-at-ăp	'ты пишешь'	şyr-at-ăr	'вы пишете'
şyr-at'	'он пишет'	şyr-as-şě	'они пишут'

Данное время образовано от своеобразной основы настоящего времени -at-, к которой присоединяются личные окончания.

Любопытно также отметить, что эта временная форма встречается и в некоторых азербайджанских диалектах северной и северо-восточной части Азербайджана. Сравните парадигму этого времени в кубинском диалекте:

al-ad-am	'я беру'	al-ad-yŋ	'мы берем'
al-a-san (< al-ad-san)	'ты берешь'	al-a-syz (< al-ad-syz)	'вы берете'
al-ad-y	'он берет'	al-ad-y ²²	'они берут'

Р. А. Рустамов отмечает, что настоящее время с показателем -уг- (-ir-, -ug-, -ŭg-) в кубинском диалекте отсутствует²³. Настоящее время с показателем -ad- зарегистрировано во многих говорах северо-восточной части Азербайджана: хачмасском, худатском, конахкендском, в районах Баку и Шемахи, а также в азербайджанских говорах на территории Дагестана — дербентском, табасаранском и др. Сравните дербентск.:

kitädäm	'я ухожу'	kitäsän (< kitädsän)	'ты уходишь'
kitädü	'он уходит'	kitädük	'мы уходим'
kitäsüz (< kitädsüz)	'вы уходите'	kitädü (lär) ²⁴	'они уходят'

Форма настоящего времени на -ad- зарегистрирована в говоре «Агамэммедли» муганской группы диалектов азербайджанского языка

²² Р. Э. Рустамов. Губа диалекти. Баки, 1961, стр. 150.

²³ Там же, стр. 148.

²⁴ Данные по дербентскому диалекту азербайджанского языка взяты в Отделе азербайджанской диалектологии Института языкознания им. Насими АН Азерб. ССР.

чуваш
чуваша
тогда
не бы

(распространен значительно южнее бакинского диалекта — вдоль восточного берега Каспийского моря). Ср. *aladam*, *alasan*, *alady*, *aladuh*, *alasuz*, *aladu*²⁵ 'я беру' и т. д.).

Прошедшее длительное время с показателем -attă- (-atty-)

В чувашском языке это время также довольно хорошо представлено:

šyr-at-tă-m	'я писал' и т. д.	šyr-at-tă-măr-ččě
šyr-at-tă-n		šyr-at-tă-r-ččě
šyr-at-čě		šyr-at-čě-ś.

Здесь присутствует та же своеобразная основа настоящего времени с показателем -at-, к которой, по-видимому, присоединялись формы первого прошедшего времени вспомогательного глагола ä- 'быть' — *ädim* 'я был', *ädiñ* 'ты был' и т. д.

Сходное по структуре образование имеется в диалектах азербайджанского языка. Ср. кубинский диалект:

al-at-dy-m	'я брал' и т. д.	al-at-du-h
al-at-dy-n		al-at-du-z
al-at-dy		al-at-di(lar) ²⁶ .

Р. А. Рустамов квалифицирует эту форму как *битмәмиш кечмиш заман* — незаконченное прошедшее время. Такая же форма отмечена и в диалектах муганской группы:

al-at-dy-m	'я брал' и т. д.	al-at-du-h
al-at-dy-n		al-at-du-z
al-at-dy		al-at-dy ²⁷ .

В азербайджанских говорах Дербентского района зарегистрирована форма прошедшего времени на -ytdy-, очевидно, как результат аблаута от -atdy-. Форма на -ytdy- участвует в смешанной парадигме с формой перфекта на -myš:

görmüşäm	'я видел' и т. д.	görmüşük
görmüşän		görmüşüz
gör-üt-dü		gör-üt-dü(lär) ²⁸ .

В агдашских говорах Прикуринской полосы форма на -atdy-, -ät-di- не имеет личных окончаний: *män alatdy*, *sän alatdy*, *o alatdy*, *biz alatdy*, *siz alatdy*, *olar alatdy*²⁹ 'я брал' и т. д.

В дербентских и в агдашских говорах Прикуринской полосы значения временной формы на -atdy- недостаточно четко определены: в дербентских говорах она имеет значение перфекта, а в агдашских — настоящего и будущего времени³⁰.

Обращает на себя внимание ценное наблюдение А. Г. Велиева, отмечающего, что в агдашских говорах Прикуринской полосы время на

²⁵ «Азербайжан дилинин Муған групу шивәләри». Баку, 1955, стр. 115.

²⁶ Р. Ә. Рустамов. Указ. раб., стр. 164.

²⁷ «Азербайжан дилинин Муған групу шивәләри», стр. 115.

²⁸ Упомянутая запись С. М. Бехбудова.

²⁹ А. Г. Велиев. Переходные говоры азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1975, стр. 42.

³⁰ Там же.

-atdy- может иметь значения желательного и условного наклонения³¹. Любопытно, что форма на -attā- в чувашском языке может означать условное наклонение: *şyrattām* 'я написал бы'.

Таким образом, хазарский язык мог иметь следующие глагольные времена: 1) настоящее на -at-, 2) прошедшее длительное на -atty-, 3) прошедшее на -ty-, 4) прошедшее на -yan-, 5) будущее.

Настоящее время

Характерным для этого времени был показатель -at-/et-. Доказательством его существования может служить наличие настоящего времени с подобным показателем в говорах северной и восточной части Азербайджана, где некогда могли существовать колонии хазар. В результате контактирования языков хазарский язык мог навязать свой тип настоящего времени азербайджанским говорам.

Прошедшее время на -atty-

Наличие этого времени в говорах и диалектах северного и восточного Азербайджана также дает основание предполагать возможность его возникновения в результате влияния хазарского языка. Следует также обратить внимание на наличие соответствующей модели в чувашском языке. Вторым элементом -ty- в показателе -atty- мог быть формой прошедшего времени вспомогательного глагола ā-, как и в чувашском языке. Следовательно, -ty- в данном случае восходит к ādi 'он был'. Эта форма также указывает на существование в хазарском языке прошедшего времени с показателем -ty-/dy- (типа турец. *aldy* 'он взял') и т. д.

Прошедшее время этого типа могло означать длительное действие, совершавшееся в определенный момент в прошлом (аналогичное англ. *Past continuous tense*), либо действие многократное, либо, наконец, действие, совершавшееся в силу обычая или привычки. Не исключена возможность, что это время могло также иметь значение условного наклонения.

Прошедшее время на -ty- (-ti-), -dy- (-di-)

Если хазарский язык принадлежит к тюркским языкам, то отсутствие в нем прошедшего времени на -ty-, широко распространенного во всех тюркских языках, было бы просто невероятным. Кроме того, введение второго компонента показателя прошедшего времени на -atty- к формам прошедшего времени вспомогательного глагола ā- 'быть': *ādim*, *ādin* и т. д. уже свидетельствует о том, что прошедшее время на -ty- в хазарском языке существовало.

Прошедшее время на -yan-

Учитывая распространение в современных тюркских языках Северного Кавказа и в чувашском причастия настоящего времени на -ayan-, можно было бы предположить наличие в хазарском языке причастия на -yan-, поскольку показатель причастия настоящего времени на -ayan- совершенно явно образован от причастного показателя -yan-. Однако категорически утверждать наличие в хазарском языке перфекта на -yan- — довольно трудно.

³¹ А. Г. Велиев. Указ. раб., стр. 42.

Будущее время

Будущее время в хазарском языке, безусловно, существовало, но как оно формально выражалось, сказать трудно.

Предлагаемая нами реконструкция глагольных времен хазарского языка, вероятно, может вызвать возражение. Предвидим те возможные аргументы, которые в связи с этим могут быть высказаны:

1) Элемент *-at* в 3-м лице единственного и множественного числа встречается в современных тюркских языках Северного Кавказа. Ср. к.-балк. *žazady* 'он пишет', разговорная форма — *žazad; biledi* 'он знает' ~ *biled*³²; ногайск. *barady* 'он пойдет'³³ и т. д. В данном случае может показаться, что влияние шло со стороны северных кавказских языков.

2) Тип настоящего времени, когда показатель *-at (-ad)* распространяется на все лица, встречается и в других тюркских языках. Сравните, например, в алтайском языке:

<i>bar-ad-ym</i>	'я иду, пойду' и т. д.	<i>bar-ad-ybys</i>
<i>bar-ad-yn</i>		<i>bar-ad-ygar</i>
<i>bar-at</i>		<i>bar-ad-ylar</i> ³⁴ .

В диалекте сибирских и барабинских татар:

<i>alatym</i>	'я беру' и т. д.	<i>alatyk</i>
<i>alatyn</i>		<i>alatynys/alatynys</i>
<i>alaty/alat</i>		<i>alaty/alat</i> ³⁵ .

В языке томских татар:

<i>pradim</i>	'я хожу, иду' и т. д.	<i>pradivis</i>
<i>pradiñ</i>		<i>pradiñnar</i>
<i>pradi</i>		<i>pradi(lar)</i> ³⁶ .

В юго-западноошском говоре южного диалекта киргизского языка диалектологи регистрируют форму 1-го лица множественного числа *baratabyz* 'мы идем сейчас'³⁷. Эта же изоглосса нашла свое отражение и в уйгурских диалектах. Сравните язык хамийцев: *kyladymän* 'я сделаю' (литер. *kilimän*)³⁸, или язык хотанских уйгур: *älätmäz* 'мы возьмем' (литер. *alimiz*)³⁹.

Прошедшее длительное время с показателем *-atty-*, распространенным на все лица, встречается и в современном уйгурском языке:

<i>alattim</i>	'я брал' и т. д.	<i>alattuq</i>
<i>alattin</i>		<i>alattynlar</i>
<i>alatti</i>		<i>alatty</i> ⁴⁰ .

³² «Къарачай-малкъар тилни грамматикасы». Нальчик, 1966, стр. 199.

³³ Н. А. Баскаков. Ногайский язык. М., 1940, стр. 96.

³⁴ Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 185.

³⁵ Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. Автореф. докт. дисс. М., 1969, стр. 31.

³⁶ А. П. Дульзон. Диалекты татар-аборигенов томи. — «Ученые записки Томского государственного педагогического института», т. XV, 1956, стр. 362.

³⁷ «Диалекты тюркских языков». М., 1968 (Рукопись). Хранится в Институте языкознания АН СССР (сектор тюркских языков).

³⁸ А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата, 1969, стр. 71.

³⁹ Там же, стр. 112.

⁴⁰ Н. А. Баскаков и В. М. Насилов. Очерк грамматики уйгурского языка. — В кн.: «Уйгурско-русский словарь». М., 1939, стр. 218.

Сравните еще язык западносибирских татар, тюменский говор:

alatyjtm	‘я брал’ и т. д.	alatyjtyk
alatyjtyŋ		alatyjtygys
alatyjty		alatyjtylar ⁴¹ .

Отмеченные выше параллели между глагольными временами чувашского языка и азербайджанских говоров северной и восточной части Азербайджана могут показаться также результатом чистой случайности. Действительно, само сходство временных форм еще ничего не доказывает и не может убедить в достоверности предлагаемой нами гипотезы. С другой стороны, и приводимые нами возможные контраргументы нельзя признать достаточно основательными.

Наличие элемента -t в 3-м лице единственного и множественного числа в ногайском языке и в диалектах кумыкского и карачаево-балкарского языков говорит о близости к среднеазиатской модели, а не к чувашской. Есть основания считать ногайский язык занесенным на Северный Кавказ из Средней Азии, на что указывает большое сходство его с казахским и каракалпакским языками. Кумыкский и карачаево-балкарский языки весьма близки по некоторым особенностям к тюркским языкам Поволжья — татарскому и башкирскому. Существование этих языков на Кавказе во времена хазар и тюркоязычных болгар весьма сомнительно.

Чувашский язык с говорами северного и восточного Азербайджана объединяет не только чисто внешнее сходство в образовании глагольных времен, но главным образом — сходство системы, заключающееся в том, что **основа настоящего времени, характеризуемая показателем -at-, употребляется для образования не только настоящего, но и прошедшего длительного времени.** В других тюркских языках эта система отсутствует, даже при наличии исходных по образованию времен. Если в диалектах киргизского языка есть время типа *baradym* ‘я иду’, то нет прошедшего длительного времени типа *barat-ty-m* ‘я шел’; в новотуркменском языке есть прошедшее длительное типа *alattim* ‘я брал’, но нет настоящего времени, где бы проходила по всем лицам основа настоящего времени на -at-.

Хорошо известно, что случайная конвергенция никогда не может образовать определенной системы. Если в чувашском языке и в северных азербайджанских говорах в образовании времен наблюдается определенная системность, значит она не может быть случайной. Эта системность сохранилась благодаря хазарам, усваивавшим азербайджанский язык. Есть определенные косвенные доказательства того, что эта система была азербайджанским говорам навязана извне.

Р. А. Рустамов отмечает, что настоящее время с показателем -yŋ-/-iŋ-/-uŋ-/-üŋ- в кубинском диалекте не встречается⁴². В то же время в говорах муганской группы наряду с формой настоящего времени типа *aladym* ‘я беру’ существует настоящее время, характеризующееся показателем -yŋ-, -iŋ- или -jyŋ-, -jiŋ-, например, *goryham* ‘я боюсь’, *duyŋ-saŋ* ‘ты стойшь’, *oŋuyŋsuz* ‘вы читаете’⁴³.

Контакты азербайджанцев с хазарами подтверждаются историческими документами. Как уже отмечалось выше, хазарские элементы

⁴¹ Д. Г. Тумашева. Язык татар Западной Сибири (тюменский говор). — «Ученые записки Казанского государственного университета», т. 116, кн. 11. Казань, 1956, стр. 118.

⁴² Р. Ә. Рустамов. Указ. раб., стр. 148.

⁴³ «Азәрбајҹан дилинин Муған групу шивәләри», стр. 112.

проявляются в тех говорах азербайджанского языка, которые распространены на территориях, расположенных на путях или прилегающих к путям возможного проникновения хазар. Это главным образом равнинная полоса, идущая вдоль Каспийского моря (ср. районы Дербента и южнее его — г. Чога)⁴⁴. Интенсивное проникновение хазар через труднопроходимый тогда Кавказский хребет менее вероятно.

Если считать, что носители хазарского и чувашского языков входили в предкавказский ареал, территориально граничащий с Азербайджаном, то придется также признать, что указанные нами черты, связанные системностью, локализуются в определенном ареале. Кроме того, они резко расходятся с основными признаками, характеризующими группу огузских языков в целом. В диалектах турецкого языка эти особенности не встречаются.

Наличие в северных и восточных диалектах азербайджанского языка следов хазарского влияния, очевидно, свидетельствует о том, что в эпоху господства хазар в ареале Предкавказья, может быть в более позднюю хазарскую эпоху, на территории современного Азербайджана отдельные островки азербайджанского населения уже существовали.

Следует также учесть и то, что, кроме чувашского, хазарского и диалектов азербайджанского языка северной и восточной части Азербайджана, сходная система образования времен совершенно явно прослеживается в языке западносибирских татар. Не оторвались ли предки западносибирских татар от особого тюркоязычного массива, представленного некогда в бассейне Волги такими языками, как булгарский, чувашский и хазарский?

Детальное изучение этих проблем может пролить свет на загадочную во многом историю тюркских языков Волгокамья.

⁴⁴ Зия Буниятов. Указ. раб., стр. 41.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф. УРМАНЧЕЕВ

ГЕРОИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ «АК КУБЕК»

Сказание «Ак Кубек» («Ак Кобок», «Ак Кобек») является одним из древних героико-эпических тюркоязычных памятников. Оно входит в состав алтайского героического эпоса¹. У абаканцев записан и опубликован несколько модернизированный, сильно сокращенный вариант, довольно близкий по жанровым особенностям к топонимическому преданию². Известно это произведение и у ногайцев, записанное и опубликованное П. А. Фалевым³. До нас дошли и два татарских варианта сказания в записи и публикации В. В. Радлова⁴. Эти варианты существенно отличаются по языку, ибо записаны у разных этнических групп сибирских татар — барабинских и тобольских, но по содержанию весьма близки друг к другу. Отличия здесь состоят лишь в перестановке отдельных эпизодов и отчасти в их поэтическом оформлении.

Не задерживаясь на характеристике каждого из известных вариантов татарской версии сказания, остановимся на особенностях содержания и поэтики памятника, попытаемся выявить специфику его отдельных мотивов и эпизодов.

В сказании сохранена последовательная, классическая сюжетная линия, начиная с мотива чудесного рождения героя. Находясь еще во чреве матери, Ак Кубек обращается к ней и говорит, что появится на свет, «разорвав ее бок». Он сообщает ей и о том, что будет делать после рождения.

*Мин туармын, туармын,
Тугач билем буармын,
Тонбоеклы тирэн суда
Тулман буюм юармын.
Мин туармын, туармын,
Бу дөньяны күрәрмен,
Көмеш шикелле жингәмнен
Авызын, борнын үбәрмен⁵.*

¹ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, часть I. СПб., 1866, стр. 204—212.

² Там же, часть IX. СПб., 1907, стр. 373—374.

³ П. А. Фалев. Ногайская сказка об Ак Кобеке. — «Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук», т. V, вып. I. Петроград, 1918, стр. 189—196.

⁴ В. В. Радлов. Образцы..., часть IV. СПб., 1872, стр. 45—58, 142—152. Имя богатыря Н. Ф. Катанов переводит — «Белая пена», что соответствует и казанско-татарскому значению слов «ак кубек»; см.: Там же, часть IX, стр. 374.

⁵ В. В. Радлов. Образцы..., часть IV, стр. 143. Цитируемые из В. В. Радлова отрывки, чтобы избежать полиграфические трудности, приводятся в несколько упрощенной передаче, приближенной к современному литературному языку.

'Я появлюсь на свет, появлюсь,
 Как только появлюсь, опояшусь.
 В глубокой воде с лилиями
 Весь искупаюсь.
 Я появлюсь на свет, появлюсь,
 Увижу этот свет.
 У снохи⁶, как серебро,
 Поцелую рот и нос⁷.

Будущий, еще не рожденный богатырь разговаривает не только с матерью, но и с находящимися рядом женщинами (снохами). Как своеобразный ответ ему звучат в барабинском варианте слова женщин, стоящих около роженицы⁸.

Лишь после обращенной к нему мольбы матери родиться по «богом установленному порядку» богатырь соглашается на это.

Первые же глубоко поэтические строки сказания придают ему лирико-эмоциональную окраску.

Своеобразное предомление в народном сознании мотива чудесного рождения встречается и в некоторых других, правда, немногочисленных сказаниях. Так, Гэсэр — герой тангутской версии эпоса ведет себя примерно так же: обращаясь из утробы к своей матери, он говорит: «Мать! Я выйду через голову!» Мать отвечает ему: «Нет, выходи естественным порядком». И Гэсэр рождается «по-обыкновенному»⁹.

Близкий к этому мотив встречается и в русском народном творчестве¹⁰.

Гиперболизация поведения эпического героя продолжается в сказании и далее. Только появившись на свет, Ак Кубек сразу уходит к глубокому озеру. При этом он берет с собой саблю отца, что, кстати, тоже является древним эпическим мотивом. У озера герой встречается с рыбаком, берет рыбу и т. д. Не останавливаясь подробно на этих эпизодах, заметим, что в них, очевидно, нашла отражение одна из древних форм хозяйственной деятельности сибирских татар — рыболовство.

На это указывает и то, что, возвращаясь домой, богатырь обращает внимание на поведение рыб: «окунь гоняется за окунем, щука за щукой». Увидев это, он говорит: «Я здесь родился, здесь и стану человеком и буду вести бои»¹¹. Эти слова как бы предопределяют будущую судьбу героя.

До сих пор повествование велось в распространенном в фольклоре эпическом плане. Со следующего эпизода завязывается конфликт произведения и начинаются героические деяния малолетнего богатыря. На пути героя к дому его поджидает Коден-хан (в тобольском варианте — Кидан-хан) на шестиногом аргамаке. В барабинском варианте встреча начинается с типичных для эпоса расспросов об имени, роде-племени героев. Далее разговор переходит к пререканиям, заканчивающимся взаимными оскорблениями.

Разгневанный богатырь отрубает отцовской саблей одну из шести ног аргамака Коден-хана. С этого начинается конфликт между героем и ханом.

Но для того, чтобы одолеть коварного врага, герою нужны богатырский конь и богатырский меч (в рассматриваемой версии — сабля).

⁶ Имеется в виду жена старшего брата.

⁷ Перевод наш. — Ф. У.

⁸ В. В. Радлов. Образцы..., часть IV, стр. 45.

⁹ Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, т. II. СПб., 1893, стр. 5—6.

¹⁰ Ср.: «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», часть II. М., 1862, стр. 306.

¹¹ В. В. Радлов. Образцы..., часть IV, стр. 46.

Вернувшись домой, Ак Кубек спрашивает у матери, есть ли у них конь, пригодный для него. На это мать отвечает, что когда она была беременна им, одна из кобыл готовилась ожеребиться. Сейчас у нее есть жеребенок Кызыл Ор.

Этот эпизод примечателен тем, что является отголоском древнего мотива одновременного рождения богатыря и его коня, что восходит к древним тотемическим представлениям.

В описании же того, как герой вторично добывает себе саблю, чувствуются позднейшие влияния. Этим же объясняются и некоторые мотивы, не вполне соответствующие общему героическому духу произведения. Так, в одном городе герой добывает 66 топоров, а в одном ауле 77. Потом находит мастера, который делает ему из них саблю. Здесь весьма показательна речь богатыря, напоминающая обрядовые благопожелания:

*Ишегеңнән так инсен — ай!
Төнлегеннән көн төшсөн — ай!
Атың, елқың бай булгыл,
Баеп, череп үләрсең — ай!¹²*

‘Пусть через двери войдет к тебе богатство,
Из окна¹³ пусть светит тебе солнце!
Пусть у тебя будет много лошадей,
Да умрешь ты в изобилии!’

Характерен этот эпизод и тем, что из него становится известным, что «богатырский меч выкован особо искусным (волшебным) кузнецом. Таких волшебных кузнецов знает эпическая поэзия всех народов, знакомых с обработкой металлов: образ этот подсказан бытовыми условиями, когда это искусство не имело еще широкого распространения, а потому особенно ценилось и было окружено суеверными представлениями»¹⁴.

Хотя в сказании ничего не говорится о возрасте Ак Кубека, ясно, что герой уже готов к богатырским подвигам. Но он их пока не совершает, а возвращается домой, садится на паршивого жеребенка, облачается в простую крестьянскую одежду и начинает пасти скот. Возможно, что данный эпизод включен в повествование позднее, чтобы контрастнее подчеркнуть столкновение богатыря — простого пастуха с ханом.

В этой ситуации появляется на сцене Салыр Казан — один из богатырей Коден-хана. В тобольском варианте он именуется несколько иначе. Участником событий он становится позже, и в обоих вариантах ему отводится одна и та же роль. Столкновение между богатырями заканчивается тем, что Ак Кубек убивает Салыр Казана его же мечом.

Салыр Казан описан в сказании богатырем, он глотает раскаленное железо, катит в гору огромный камень и т. д. Г. Н. Потанин сопоставлял этот образ с образом врага кавказского нарта Сосрыко¹⁵.

Расправа с могучим Салыр Казаном — это первый серьезный, но не главный подвиг богатыря. Основным врагом героя является сын Коден-хана — Мангуш. Ак Кубек отправляется ему навстречу, а, встретившись, ведет с ним долгий разговор. Причем разговаривают они не как враги, а просто как встретившиеся в дороге путники. В сказании немало строк посвящено психологической подготовке неизбежного столкновения противников и к его как бы неожиданной развязке. Мангуш просит богатыря, чтоб тот подарил ему своего беркута. Ак Кубек отка-

¹² В. В. Радлов. Образцы..., часть IV, стр. 148.

¹³ Имеется в виду дымовое отверстие юрты.

¹⁴ В. Жирмунский. Народный героический эпос. М.—Л., 1962, стр. 22.

¹⁵ Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая..., стр. 121.

зывается это выполнить. Тогда Мангуш просит подарить ему коня Кызыл Ор, но богатырь отвечает, что Мангуш не в состоянии купить такого драгоценного скакуна. Здесь же приводится поэтическая характеристика богатырского коня, что также находится в традициях тюркоязычного эпоса:

*Кызыл Орым кылыклы,
Койган камыш колаклы,
Тустыгандай тояклы,
Сарымсактай азулы.
Баясен житкерсэң алырсын,
Баясен син житкермэсэң
Кызыл Орым калыр үземэ¹⁶.*

‘Кызыл Ор мой норовистый,
С изогнутыми, как камыш, ушами.
С копытами, как чаша,
С клыками, как стебли чеснока.
Если сумеешь заплатить (сполна) — получишь,
Если не сумеешь заплатить,
Кызыл Ор останется мне самому’.

В обоих вариантах сказания диалог передан исключительно поэтично. Заканчивается он тем, что оба богатыря приступают к обильной трапезе, после чего Мангуш пьянеет и засыпает, а Ак Кубек решает, воспользовавшись этим, расправиться с ним. Следует подчеркнуть, что, по понятиям тех далеких времен, такое поведение Ак Кубека не считалось нечестным или коварным. Образ действия героя был освящен эпической традицией. Мангуш — непобедимый богатырь чудовишной силы и справиться с ним далеко не просто. Ак Кубек сначала связывает Мангуша простой веревкой — она рвется; опутывает ремнями, сделанными из кожи шестилетних быков, — их постигает та же участь; стягивает его тело железными обручами — безрезультатно.

Не зная, чем еще связать Мангуша, Ак Кубек выходит на дорогу. Здесь он встречает седобородого старика. Тогда Ак Кубек спрашивает его, чем можно связать богатыря. Старик отвечает, что для этого нужны ремни из человеческой кожи. Так в сказании появляется сказочно-мифологический мотив, происхождение которого восходит, видимо, к древнейшим верованиям и обрядам. Ак Кубек, услышав слова старика, убивает его и сдирает с него кожу. Свой бесчеловечный поступок он оправдывает тем, что старик уже достаточно пожил и съел положенный ему хлеб¹⁷. В оправдание такой жестокости богатыря П. А. Фалев приводит еще один важный довод. «Можно думать, — пишет он, — что этот мотив барабинского предания стоит в связи с темой ногайской сказки: в последней завязкой всего рассказа является приказ хана убивать стариков, достигших 60 лет»¹⁸. Действительно, ногайская версия сказания так и начинается: «В старину некий хан издал приказ: „Пусть всякий убьет своего отца, который достиг 60 лет“»¹⁹. Так завязка действия ногайского варианта сказания своеобразно вплетается в барабинский сюжет. Что касается происхождения древнего мотива расправы со стариком, то об этом немало данных в этнографической лите-

¹⁶ В. В. Радлов. Образцы., часть IV, стр. 51.

¹⁷ В сказании приводится выражение, основанное на пословице: *ашын ашаган* — *яшен яшэгэн* ‘то, что было ему положено, — съел, сколько следовало жить — прожил’.

¹⁸ П. А. Фалев. Указ. раб., стр. 190.

¹⁹ Там же, стр. 194.

ратуре²⁰. Не останавливаясь подробно на этом моменте, ограничимся лишь одним примером из древней истории Нижнего Поволжья. Вот что пишет Ибн-Фадлан о судьбе хазарского хакана: «Продолжительность (правления) их царя — сорок лет. Если он переживет их (хотя бы) один день, то подданные и его знать убивают его и говорят: «Он таков, что уже уменьшился его ум, и его суждение (стало) неосновательным»²¹. То есть историко-этнографические данные свидетельствуют о распространенности указанного обычая.

Чтобы в известной мере объяснить жестокий поступок богатыря, следует выяснить, против кого же он борется, кто такой Мангуш. В сказании он выступает как сын хана. Казалось бы, этого достаточно. Но при более глубоком исследовании выясняется, что некогда под именем Мангуша подразумевалось ужасное существо. П. А. Фалев сообщает, что «у монголов Мангусом называется злой дух. Такое же значение имеет слово Мангус у урянхайцев»²². Э. К. Пекарский переводит это слово с якутского и монгольского языков как «ненасытный, жадный, обжора, чудовище»²³. В современном монгольско-русском словаре это слово толкуется как «сказочное чудовище»²⁴. Именно в роли чудовища выступает Мангуш в урянхайской «Сказке о старике-карлике Калдазыне и злом духе Мангысе»²⁵. В первом томе издания «Героический эпос народов СССР» дается следующее обобщенное определение Мангуса: «Мангас (мангус) — антропоморфное существо, пожирающее людей. Принадлежит к добуддийскому, шаманскому пантеону. В отдельных песнях „Джангариады“, возникших в древности, богатыри боролись с мангасами, но впоследствии, когда „Джангариада“ оформилась как единая эпопея (середина XV века), под мангасами стали подразумеваться многочисленные враги калмыков (ойратов)»²⁶.

Если, основываясь на приведенных фактах, считать, что сыну хана приписываются все качества злого духа, становится понятной жестокость Ак Кубека в борьбе против Мангуша. Напряженность повествования нарастает по мере развития действия.

Расправа с Мангушем описывается с жестокими подробностями. Привязав злодея к хвосту коня, богатырь скачет по полю. Картина эта дана в типично эпическом плане и чрезвычайно выразительно. Ак Кубек произносит следующие слова:

*Кабыргасыннан ут чыккан
Атасы курсен бу кыен — ай!
Кукраклареннан ут чыккан
Инэсе курсен бу кыен — ай!*²⁷
Из ребер появляются искры,
Пусть видит отец эти мучения!
Из груди появляются искры,
Пусть видит мать эти мучения!.

Когда Ак Кубек дотасил Мангуша до озера Курляк и спросил: «Ну, Мангуш, здесь ли быть твоей смерти?», тот ответил песней:

²⁰ См., например: М. И. Кулишер. Очерки сравнительной этнографии и культуры. СПб., 1887, стр. 35—45.

²¹ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Перевод и комментарий под редакцией академика И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 85.

²² П. А. Фалев. Ногайская сказка об Ак Кубеке, стр. 190.

²³ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, т. I. Петроград, 1917, столб. 1527.

²⁴ «Монгольско-русский словарь». М., 1957, стр. 235.

²⁵ В. В. Радлов. Образцы., часть IX, стр. 169—171.

²⁶ «Героический эпос народов СССР», т. I. М., 1975, стр. 546; см. также: Джангар. Калмыцкий народный эпос. М., 1940, стр. 334.

²⁷ В. В. Радлов. Образцы., часть IV, стр. 53.

*Керлак дигән олы су — ай
Кер адамнең йорты иде — лай,
Керлак бичә бер алып — ай
Салып киткән йорты иде — лай*²⁸.

‘Большая вода по названию Керлак
Было обиталищем упрямого человека.
Женившись на строптивой женщине,
Был оставлен построенный им дом’.

Когда богатырь дотащил злодея до озера Шарлак и задал тот же вопрос, Мангуш опять ответил песней. Эпизод достигает кульминации, когда богатыри добираются до горы Манар-тау. На вопрос, заданный Ак Кубеком в третий раз, Мангуш отвечает, что ему суждено умереть здесь.

Все эти эпизоды производят сильное впечатление, что достигается не только нарастанием напряженности повествования, но и усилением эмоциональности произведения. Расправа с Мангушем ожидается давно, она должна произойти. Тем не менее строки, рассказывающие о приближении его гибели, художественно глубоко оправданы, они необходимы для психологической подготовки слушателя к восприятию акта самой расправы. Это тем более необходимо, что в следующем эпизоде Мангуш пытается прикинуться «великодушным». Для окончательной расправы с ним нужна не только богатырская сила, но и сказочное уменьье. Ибо, как уже отмечалось, Мангуш выступает в сказании не только как сын хана, но и как коварное чудовище. Зная, что Ак Кубек не обладает такой страшной силой, как он сам, Мангуш притворяется, будто желает богатырю добра и в ожидании смерти делает ему наставления: как его убить, что сделать с его головой, с сердцем, чтобы стать таким же могущественным, как он. Ак Кубек собирается прямодушно следовать его советам. Это традиционный мотив мифологически-героического характера. В этот момент появляется неизвестная до того третья сила, которая и спасает богатыря. В барабинском варианте это — Белобородый старик, в тобольском — пророк Хизр. Появление последнего объясняется, несомненно, позднейшим мусульманским влиянием. Отсутствие же его в первом варианте связано, очевидно, с тем, что барабинские татары приняли Ислам значительно позже тобольских.

Подробности казни Мангуша Ак Кубеком, следующим при этом советам Белобородого старика (или Хизра), вопреки коварным наставлениям казнимого, еще раз подтверждает, что по своему происхождению образ Мангуша близок к образу сказочно-мифологического чудовища, известного в мировом эпосе.

Однако, несмотря на то, что древняя мифологическая основа данного образа уходит в глубь веков, следует отметить и конкретную социальную характеристику персонажа — это сын хана, и именно ему свойственны жестокость и коварство.

После смерти Мангуша в борьбу с Ак Кубеком вступает сам Коден-Кидан-хан. Здесь опять проявляется прямая связь сказания с обрядами и обычаями сибирских (и не только сибирских) татар. Вообще в сказании много эпизодов, связанных с народными обрядами, обычаями и поверьями, что подтверждает его древность.

После эпизода предания Мангуша смерти повествуется о том, как по поручению стариков специально готовят двенадцатилетнего сына Мангуша к тому, чтобы он сообщил хану о гибели своего отца:

²⁸ В. В. Радлов. Образцы..., часть IV, стр. 53.

*Мангыш бием мартлан²⁹ тор — ай,
Манар тау башында йортлан тор — ай,
Салам бирсэм дэ, алар юк — ай,
Сакалдан капсам да, огар юк — ай³⁰.*

*'Мой бий Мангуш спит-ой,
Обитает на горе Манар-тау,
Не принимает и приветствия,
Если даже укушу подбородок — не отвечает'.*

Узнав о гибели сына, хан собирает войско, чтобы отомстить за него. Хан выступает во главе войска в семьсот человек, Ак Кубек собирает небольшой отряд, в который входит и его брат Солым.

Рассказ о битве между богатырем и ханом носит сугубо эпический характер и весьма близок к аналогичным эпизодам казахского и среднеазиатского эпоса. Своей богатырской саблей Ак Кубек один уничтожает все войско хана.

В заключительной решающей схватке противники ведут бой уже не саблями, а копьями. Коден-хан протыкает тело богатыря насквозь и поднимает его на копье. Но богатырь не умирает. Можно, пожалуй, согласиться с П. А. Фалевым, замечаящим по этому поводу: «... борьба Ак Кубека с Коден-ханом описана в самых фантастических красках»³¹.

Из жестокой схватки Ак Кубек выходит с шестидесятью шестью, а его конь Кызыл Ор с семидесятью семью ранами.

Возвращение домой израненного героя описано проникновенными лирическими стихами, глубокими по мысли и афористичными по форме, раскрывающими переживания и внутреннее состояние героя. Вот богатырь подходит к березе, возникает поэтическая ассоциация:

*Каен агачлар ботагыл — ай
Каешса да сынмас болгай лагай,
Исән булсам да килэймен — ай,
Төгәл торсам да алгаймын — ай³².*

*'Ветки березовых деревьев,
Если и гнутся, не ломаются,
(Если) буду здоров, я вернусь.
(Если) буду целым — возьму свое'.*

Потом богатырь подходит к дубу, и следует лирико-философское отступление. Разбитая повозка, встреченная на дороге Ак Кубеком, напоминает ему о том, как изранены он сам и его конь. Полна печальной поэтической аллегории встреча богатыря с погибшим белым лебедем. Весь этот эпизод подается весьма лирично и проникновенно, оставляя глубокое впечатление. Немало приводится и сказочных волшебных моментов: богатырь бьет плетью по развалившейся повозке — и она становится целой, ударяет плетью по перышку мертвого лебедя — и птица оживает и улетает.

Дальнейшее повествование носит трагический характер. На окраине города богатырь видит людей, собравшихся вокруг свежевыкопанной могилы. Подъехав к ним, Ак Кубек спрашивает: «Для кого роете вы могилу?» Те отвечают: «Ак Кубек возвращается израненным. Копаем ему могилу»³³. Чтобы выяснить, что его ожидает — жизнь или смерть, богатырь бросает свой боевой панцирь в вырытую могилу. Панцирь

²⁹ В языке барабинских татар *мартла* означает «спать». См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, кн. I. СПб., 1911, столб. 2031. В языке казанских татар есть выражение *мэрткэ киту* 'уснуть летаргическим сном'.

³⁰ В. В. Радлов. Образцы..., часть IV, стр. 54.

³¹ П. А. Фалев. Ногайская сказка об Ак Кубеке, стр. 191.

³² В. В. Радлов. Образцы..., часть IV, стр. 56.

³³ Там же, стр. 58.

падает на самое дно, значит герой обречен на смерть. Тогда он сам вместе с конем въезжает в могилу, и его зарывают.

Как своеобразную параллель этому редко встречающемуся в восточном народном эпосе мотиву Г. Н. Потанин приводит следующий эпизод из русского былинного эпоса: «Святогор примеривает гроб по своему телу, ложится в него, и гроб запечатывается навеки»³⁴. Что касается нисхождения Ак Кубека в могилу, ученый замечает: «Я думаю, что были редакции, которые заставляли ложиться в гроб не Кобока, а Кидана. Это на том основании, что тобольские татары древние чудские могилы и другие остатки древности приписывают народу кидан, а об этих могилах самое распространенное поверье, что они сложены людьми, которые сами себя зарыли в землю»³⁵. Хотя это толкование приведенного эпизода представляется интересным, все же, на наш взгляд, в сказании достаточно четко выдержана его логическая оправданность и мотивированность.

Перед смертью Ак Кубек сообщает своему трусливому брату Солыму о том, что Коден-хан снова собирает войско из семисот человек. Богатырь просит разбудить его, когда придет враг. После смерти брата богатыря Солым пьет на его могиле, пьянеет и хлещет плетью по могиле, полагая, что Ак Кубек больше уже не поднимется. Однако Ак Кубек появляется на коне из могилы, но нигде не видит Коден-хана. Разгневанный на брата, Ак Кубек со словами: «Пусть после меня не оживают мертвые»³⁶ уходит обратно в могилу. Так заканчивается повествование в первом барабинском варианте сказания.

Несколько иной, хотя и весьма схожий, сюжетный ход дан в тобольском варианте. Здесь рассказывается о том, как две жены брата богатыря затевают ссору. Брат приходит к могиле и просит, чтобы Ак Кубек разнял их. После этого богатырь, произнеся те же слова, возвращается в могилу и при появлении врага уже не может подняться³⁷.

* * *

Даже краткий анализ содержания сказания позволяет заключить, что в этом произведении нашли отражение отдельные черты жизни народа в различные исторические эпохи. При этом сразу же следует подчеркнуть, что в основе сказания заложены древнейшие мифы и верования. В этом убеждает не только целый ряд сказочно-мифологических элементов, но и сходство отдельных мотивов с древнейшими эпическими произведениями других народов. Один из них — добровольное вхождение героя в уготованную ему могилу.

Совершенно прав, на наш взгляд, Г. Н. Потанин, сопоставляющий этот момент с былинами о Святогоре, являющимися, по мнению ряда ученых, наиболее ранними образцами русского былинного эпоса³⁸.

Об этом же свидетельствуют и некоторые другие данные. В частности, известен вариант сказания из ан-Нувеири³⁹, который в конце

³⁴ Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая..., стр. 122.

³⁵ Там же. Говоря о поверье тобольских татар, ученый имеет в виду легенды, приводимые в кн.: Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства, кн. I. СПб., 1787, стр. 11—12.

³⁶ В. В. Радлов. Образцы..., часть IV, стр. 58.

³⁷ Там же, стр. 152.

³⁸ См.: В. Я. Пропп. Русский героический эпос. М., 1958, стр. 75—87; «Русское народное поэтическое творчество». М., 1969, стр. 155; «Русское народное поэтическое творчество». М., 1971, стр. 212 и др.

³⁹ Г. Н. Потанин. Указ. раб., стр. 121. В. Тизенгаузен переводит имя этого историка «Эннувеири» (В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 179); академик И. Ю. Крачковский называет его «ан-Нувеири» (И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. IV. М.—Л., 1957, стр. 400), так же он назван и в «Советской исторической энциклопедии» (т. 10. М., 1967, столб. 360).

XIII — начале XIV века (1279—1333) жил в Египте, отличался необыкновенным трудолюбием, о чем можно судить по созданной им тридцатитомной энциклопедии⁴⁰.

Вариант этого эпизода из энциклопедии ан-Нувейри, описанного как подлинно историческое событие, заключается в следующем. Однажды человек из племени Дурут по имени Мангуш — сын Котяна вышел охотиться. Его встретил человек из племени Токсоба Аккубуль, взял в плен и убил, ибо между обоими племенами существовала давняя вражда. Отец Мангуша не знал о смерти сына и послал гонца узнать о нем. Посланный вернулся и сообщил, что Мангуш убит. Тогда отец Мангуша собрал людей своего племени и пошел войной на Аккубуля, который тоже собрал своих соплеменников и приготовился к войне. Аккубуль и его племя потерпели поражение. Тогда Аккубуль отправил своего брата к Дусихану. Брат Аккубуля рассказал, какое зло причинило его народу кыпчакское племя Дурут, и сказал, что если Дусихан пойдет на них, то, кроме дурутов, не встретит ни одного противника. «Тогда он (Души) двинулся на них со своими войсками, напал на них и большую часть их избил и захватил в плен»⁴¹.

Как видим, сюжет этот близко соприкасается с рассмотренной версией сказания, правда, с некоторыми смещениями действующих лиц. Это своеобразное народно-эпическое отражение исторических событий XIII века, охвативших огромные территории. Ибо, судя по приведенному варианту, приглашение Дусихана братом Аккубуля «подавало повод к завоеванию кыпчацкой земли монголами»⁴².

Как отмечают В. Тизенгаузен, Г. Н. Потанин и П. А. Фалев, этот же сюжет приводится и в книге известного арабского историка Ибн-Халдуна (1332—1406) «Книга примеров... истории арабов, персов, и берберов и наций, живших с ними на земле»⁴³. Мангуш, сын Котяна, у него назван Манкушем, сыном Китмира, противник его — Ак Кибяком... «Ход рассказа, — пишет этот автор, — указывает на то, что племя дурут из кипчаков, а племя токсоба из татар, что все перечисленные племена не от одного рода и что тюрки, находящиеся в египетских землях, из кипчаков»⁴⁴.

Приведенные факты говорят о том, что наиболее древние варианты сказания впервые были зафиксированы энциклопедистом ан-Нувейри, жившим в Египте, и каирским ученым, позднее верховным кадием Ибн-Халдуном. Однако это не дает основания утверждать, что данное сказание было известно и в Египте или Тунисе⁴⁵. Г. Н. Потанин, например, считает, что «эти сказки жили у половцев в южной России, где их подслушал египтянин» и «сказка попала в мусульманский памятник Египта»⁴⁶.

Можно допустить, однако, и другой, на наш взгляд, даже более вероятный путь проникновения сказания в Египет. По имеющимся данным,

⁴⁰ Подробнее об этом см.: В. Тизенгаузен. Сборник материалов..., стр. 129.

⁴¹ Там же, стр. 641. Собственные имена сохранены так, как у Тизенгаузена.

⁴² Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая..., стр. 121.

⁴³ Данное название взято из энциклопедии Ф. А. Брокгауза и А. Ефрона, т. XII -а, кн. 24. СПб., 1894, стр. 743. В. Тизенгаузен переводит название книги несколько иначе: «Книга назидательных примеров и сборник подлежащего и сказуемого по части истории арабов, иноземцев и берберов».

⁴⁴ См.: В. Тизенгаузен. Указ. раб., стр. 541, 542.

⁴⁵ Ибн-Халдун жил и в Тунисе.

⁴⁶ Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая..., стр. 121.

ни ан-Нувейри, ни Ибн-Халдун⁴⁷ никогда не бывали в прикаспийских и сибирских степях. Следовательно, никто из них не мог «подслушать» сказание у половцев в Южной России. Значит, они либо заимствовали сюжет произведения из других, неизвестных нам источников, либо слышали его от представителей тюркоязычных народов в самом Египте. Последнее представляется более вероятным. Как известно, еще в XII—XIII веках в Египте были многочисленные (до 12 тысяч) воины-рабы тюркского происхождения — мамлюки⁴⁸. В XIII веке их предводители составили верхушку господствующего класса и захватили власть. Тюркская династия мамлюков правила в стране с 1250 по 1381 год. Возможно, что интересующее нас сказание принесли в Египет мамлюки и оно было зафиксировано египетскими учеными, один из которых — Ибн-Халдун «пользовался покровительством мамлюкских султанов»⁴⁹.

На это указывают и заключительные строки архаического прототипа сказания, представленного у ан-Нувейри. Как известно, слово «мамлюк» по-арабски означает «раб», в частности — «белый раб»⁵⁰, «невольник»⁵¹. «... Отряды мамлюков султана и эмиров комплектовались из купленных рабов — тюрков, черкесов, курдов и др.»⁵². Это значит, что мамлюки составляли особую касту людей, оторванных от родины и проданных в рабство на чужбину. Это явилось результатом не только беспрерывных межплеменных войн, но и, конечно, монгольских завоеваний. Именно поэтому вполне естественно звучат слова рассказчика об опустошительном набеге «Душихана», то есть монголов, в результате которого многие «из кипчаков»⁵³ разбрелись по разным странам света: «В это-то время купили их купцы и повезли их в разные города и Земли»⁵⁴. Кстати, заметим, что ан-Нувейри передает эти слова от имени третьего лица, поэтому их эмоциональная нагрузка несколько уменьшается. Тем не менее они довольно убедительно объясняют, видимо, появление мамлюков в Египте. Позже мамлюки усилились и уже «во 2-й половине XIII в. мамлюкские армии разгромили монголов (битва при Айн-Джалуте)»⁵⁵.

В данном случае важно подчеркнуть следующее. Ан-Нувейри, первым зафиксировавший сказание, как отмечалось, жил в конце XIII — начале XIV века. Сказание же на народно-эпической основе рассказы-

⁴⁷ Подробнее о них см.: В. Тизенгаузен. Указ. раб., стр. 128; И. Ю. Крачковский. Арабская географическая литература. — «Избранные сочинения», т. IV. М.—Л., 1957, стр. 402—405, 431—458; С. М. Бацеева. Социальные основы историко-философского учения Ибн-Халдуна. — В сб.: «Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского». М., 1958, стр. 192—201; Н. А. Иванов. «Китаб аль-Ибар» Ибн-Халдуна как источник по истории стран Северной Африки в XIV веке. — «Арабский сборник». М., 1959, стр. 3—45. Здесь же приводится и биография Ибн-Халдуна.

⁴⁸ Подробнее о мамлюках см.: БСЭ, т. 26, стр. 191; «Энциклопедический словарь русского библиографического института», т. 19, стр. 587; С. Б. Левзнер. Икта в Египте в конце XIII—XIV вв. — В сб.: «Памяти академика И. Ю. Крачковского», стр. 176—191; Л. А. Семенова. Основные направления развития феодального землевладения в Египте XV века. — «Советское востоковедение», 1958, № 3, стр. 83—90; *ее же*. К истории мамлюкского города. — «О генезисе капитализма в странах Востока (XV—XIX века)». М., 1962, стр. 228—241.

⁴⁹ «Советская историческая энциклопедия», т. 9. М., 1966, столбцы 16, 17.

⁵⁰ Там же, столб. 16.

⁵¹ «Словарь современного русского литературного языка», т. 6. М.—Л., 1957, столб. 581.

⁵² С. Б. Левзнер. Икта в Египте в конце XIII—XIV веков. — В сб.: «Памяти академика И. Ю. Крачковского», стр. 180.

⁵³ В. Тизенгаузен. Указ. раб., стр. 542.

⁵⁴ Там же, стр. 641.

⁵⁵ «Советская историческая энциклопедия», т. 9, стр. 16.

вает о поводе, приведшем к монгольскому нашествию на земли кыпчаков. Главный герой произведения погибает. На наш взгляд, это является художественно правдивым отражением трагических исторических событий. На основе этого можно заключить, что архаический прототип сказания еще в домонгольский период широко бытовал в центрально-азиатских и прикаспийских степях. Впоследствии сказание было приурочено к событиям, связанным с монгольскими завоеваниями и приобрело новое значение.

Без широкого распространения на родине сказание, конечно, не могло попасть в книги чужеземных энциклопедиста и кадия.

Распространение сказания у различных народов подтверждается не только конкретными историческими данными и существованием его национальных версий, но и некоторыми элементами его содержания. Скажем, по поводу имени Салыр Казана и его совпадения с именем известного героя «Китаби Деде Коркуд» П. А. Фалев замечает, что это свидетельствует о существовании взаимосвязи между северными и южными тюрками⁵⁶. По мнению этого ученого, отдельные моменты произведения роднят «это предание с шаманскими рассказами, окрашенными буддизмом»⁵⁷. Об этом же свидетельствуют, скажем, описанная в сказании чудодейственная плеть Ак Кубека, способная оживить мертвого лебедя и восстановить разрушенную повозку, и отголоски тюрко-монгольской мифологии, отложившиеся в сказании в образе Мангуша. И не зря Г. Н. Потанин сопоставляет произведение с тангутской версией «Гэсэра», распространенной среди кочевого населения Тибетского нагорья. Все эти данные позволяют сделать вывод о том, что создание эпоса относится, очевидно, к тому периоду, когда происходил «интенсивный исторический процесс тюркского этногенеза, который протекал с XI по XV вв. на обширных пространствах степей от Алтая до Крыма и Дуная»⁵⁸. Этот процесс был подготовлен ранее существовавшим тюркским каганатом (VI—VIII века). В последующее время под властью многочисленных тюркоязычных племен оказались степи Западной Сибири, Казахстана, северного Приаралья и Прикаспия, южнорусские степи до северного Причерноморья, Крыма и Дуная. Из этих племен «наиболее сильными оказались на некоторое время союзы тюркских племен в степях Приаралья и Прикаспия под главенством печенегов (X—XII века) и особенно кыпчаков в южнорусских степях»⁵⁹. С этим историческим периодом и можно сопоставить время создания сказания. К этой же эпохе относится, очевидно, и возникновение элементов древней тюрко-монгольской мифологии.

Как мы видели выше, позже, уже в тобольско-татарской среде XVI—XVII веков произведение испытало определенное влияние идеологии ислама.

* * *

Приведенные данные говорят о том, что сказание бытовало в народе в течение ряда столетий, по крайней мере с XI—XIII по конец XIX века, когда оно было записано В. В. Радловым, Н. Ф. Катановым и П. А. Фалевым. Следовательно, оно несет следы различных исторических эпох. Его архаический прототип отразил, как об этом свидетель-

⁵⁶ П. А. Фалев. Ногайская сказка об Ак Кубеке, стр. 191.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Л. П. Потанов. Героический эпос алтайцев. — «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 124.

⁵⁹ Там же.

ствуют материалы ан-Нувеири и Ибн-Халдуна, межплеменные распри и войны. Позже на содержании сказания сказались события, связанные с монгольскими завоеваниями (XIII век). С течением времени эти мотивы в сказании претерпели различные изменения, но их основа сохранялась, ибо Западная Сибирь, где была записана рассматриваемая здесь версия, и после установления власти монгольских завоевателей постоянно вовлекалась в межплеменные распри. Это продолжалось и впоследствии, так как в Сибири в течение многих лет вели войны калмыки. Г. Ф. Миллер, например, об этом писал: «После того, как окончательно распалась великая Татарская держава Чингис-хана, калмыки разделились почти на столько же мелких владений, сколько было между ними родов. Кочевья их раскинулись на далеком пространстве, и они часто вели между собой войны и иногда очень беспокоили своих соседей. В таком состоянии застало их завоевание Сибири»⁶⁰.

Указанные мотивы сказания, связанные с межплеменными войнами, а чуть позже с монгольскими походами, охватившими всю Азию и значительную часть Европы, для своего времени были достаточно актуальными. Ибо эти события имели прямое отношение к историческому развитию различных народов и трагически отразились на судьбах многих тюркоязычных племен.

Со временем эти мотивы были вытеснены на второй план, и сказание приобрело ту идейно-эстетическую направленность, которую оно имеет в записях XIX века. В чем же она заключается? В барабинском варианте сказания не говорится ничего о том, к какой прослойке общества принадлежит Ак Кубек. В тобольском варианте упоминается, что Ак Кубек является сыном бия. Однако народ, создавая образ эпического героя, придает ему и некоторые свои характерные черты. А то, что богатырь выступает под именем сына бия, — явление обычное в восточном фольклоре всех времен и народов. Важно здесь подчеркнуть другое: главная идея рассматриваемого произведения — это продолжительная борьба с ханом. Коден-хан с самого рождения богатыря видел в нем своего грозного врага. Поэтому он и послал для расправы с малолетним богатырем своего сына, а потом — богатыря Салыр Казана. Когда же Ак Кубек победил и его, хану самому пришлось выступить с многочисленным войском.

Борьба против феодального деспотизма во все времена поддерживалась народными массами. Именно поэтому многие народные борцы против феодальных ханов стали прототипами героев народного эпоса.

Идея каждого сказания всегда имела реальную основу в самой действительности. Поэтому народные сказители и хранили сказание в течение веков, передавая его из поколения в поколение.

История классовой борьбы в Сибири до XVII века почти не изучена. Тем не менее можно сослаться на отдельные факты, подтверждающие жизненность, реальную историческую основу ведущей идеи сказания, например, отношение простых людей к пришельцу — шейбаниду Кучуму, который правил в Сибири сорок лет (1555—1595)⁶¹. Еще А. Н. Радищев писал, что Кучуму, «чужестранцу, опричь пришедших с ним, повиновались из одной только боязни, как то бывает всегда в завоеванных странах»⁶².

⁶⁰ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1941, стр. 180.

⁶¹ Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства, кн. I. СПб., 1787, стр. 41.

⁶² А. Н. Радищев. Сокращенное повествование о приобретении Сибири, т. 2. М.—Л., 1941, стр. 151.

Для подтверждения актуальности главной идеи сказания уместно вспомнить о восстании 1609 года под руководством остяцкой княгини Анны Игичеевой. Под влиянием подготовки к восстанию «заволновались и татары. Они ездили друг к другу, убеждая готовиться к восстанию»⁶³. Но восстание не имело успеха.

Не менее значительные, с рассматриваемой точки зрения, события происходили и в XVII веке. Так, «в 1662—1665 годах народы Западной Сибири совместно с башкирами подняли очень сильное восстание... В восстании приняли участие башкирцы, татары, остяки, вогуличи, словом все народы Западной Сибири без исключения...»⁶⁴.

Еще более усилились народные выступления в XVIII—XIX веках.

Таким образом, основные идеи сказания сохраняли свою жизненную силу в продолжении всего средневековья и даже в новое время. Актуальность, историческая значимость идейного содержания, с одной стороны, глубокая поэтичность и художественная завершенность образов, постепенно усиливающаяся драматическая напряженность повествования, выразительность и яркость языка — с другой, стали закономерной причиной того, что сказание об Ак Кубеке бытует в народе в течение многих веков.

⁶³ С. Бахрушин. Из истории порабощения народов Сибири русским царизмом. М., 1937, стр. 12.

⁶⁴ Там же, стр. 13.

ОНОМАСТИКА

Г. Ф. САТТАРОВ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И РАЗРЯДЫ ТАТАРСКИХ ЛИЧНО-ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И СЕМЕЙНО-РОДОВЫХ ПРОЗВИЩ

Прозвища у тюркских народов издавна привлекали внимание как этнографов, так и тюркологов. Изучая прозвища у тюркок-османцев, В. А. Гордлевский классифицировал их, выделив несколько тематических разрядов¹. С. Ф. Ольденберг посвятил отдельную статью коллективным прозвищам жителей городов Восточного Туркестана². Н. А. Баскаков, исследуя русские фамилии тюркского происхождения, изложил результаты своих наблюдений в серии специальных статей и дал убедительную этимологию многих тюркских прозвищ, составляющих основу ряда русских фамилий³. Этнограф С. И. Вайнштейн, описывая личные имена и термины родства тувинцев, обратил внимание и на их прозвища. Он отмечает, что у тувинцев прозвище чаще всего давалось в связи с какой-нибудь особенностью внешнего облика человека, либо с его чином или званием⁴. Семантической характеристике якутских личных имен и прозвищ посвящена статья К. Ф. Гриценко⁵. Известный казахский ономаст Т. Ж. Жанузаков в своей монографии «Қазақ есімдерінің тарихы» (Алма-Ата, 1971, стр. 77—82) выделяет специальный раздел «Лақап аттар», посвященный рассмотрению лингвистических и историко-этнографических особенностей казахских прозвищ. Б. К. Шубаева в статье «Казахские прозвища» исследует прозвища села Буденовка Джамбульской области Казахской ССР⁶.

Научные работы, связанные с изучением татарских прозвищ, почти отсутствуют. Лишь в статье Ф. С. Фасеева «Путешествие в мир личнособственных имен» кратко объясняется образование и значение татарского антропонимического термина *quşamaŋ* 'прозвище'⁷. В журнале «Со-

¹ См.: В. А. Гордлевский. К личной ономастике у османцев. — «Древности восточные». СПб., 1913.

² С. Ф. Ольденберг. «Лакамы» — прозвища жителей городов Восточного Туркестана. — В сб. Музея антропологии и этнографии, т. V, вып. 1. СПб., 1918.

³ Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения, 1. — «Ономастика». М., 1969; II. — «Известия ОЛЯ АН СССР», 1969, № 4; III. — «Ономастика Поволжья». Ульяновск, 1969; IV. — «Советская этнография», 1969, № 4; V. — «Антропонимика». М., 1970; VI. — «Восточнославянская ономастика». М., 1972.

⁴ С. И. Вайнштейн. Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев. — «Ономастика». М., 1969, стр. 132.

⁵ К. Ф. Гриценко. Личные имена и прозвища у якутов. — «Антропонимика». М., 1970, стр. 155—166.

⁶ Б. К. Шубаева. Казахские прозвища — «Ономастика Поволжья, 2». Горький, 1971, стр. 100—103.

⁷ Ф. С. Фасеев. Исемнәр дөньясына сәяхәт. — Журн. «Казан утлары», 1966, № 10, стр. 139.

«вет мәктәбе» опубликована наша статья, посвященная лингвистическому и историко-этнографическому анализу татарских прозвищ⁸. Небольшая статья А. Г. Шайхулова посвящена изучению семантики личных прозвищ в татарских диалектах⁹.

Вошедший в литературный и научный обиход татарский антропонимический термин *quşamat* образовался путем слияния двух самостоятельных слов: *quşama* 'соединяемое, присоединяемое, добавляемое' + *at* 'имя', то есть добавление к официальному личному имени индивидуума.

Следует отметить, что в заказанских говорах среднего диалекта татарского языка слово *quşamat* употребляется в значении «дополнительный; добавленное». Например, *Quşamat bakçabyz tēgoçta*¹⁰ букв. 'Наш присоединенный сад на том конце'.

В языке сибирских татар значение «прозвище» передается диалектными словами: *ataq, atayāt*¹¹ букв. 'назывное имя', *ataqlau* 'называние, именование', в говорах и подговорах среднего диалекта татарского языка — *tauytma* 'придаток, придаточное имя', *jalyap isem* 'ложное имя', *ürtäm* 'дразнилка', *läqar* (из арабского لَقَب : 1) прозвище, звание, титул; 2) фамилия, псевдоним¹²), в хвалынском и темниковском говорах западного диалекта татарского языка — *ıgam aty*¹³ 'уличное имя', в чистопольском говоре того же диалекта — *mısqyl* 'оскорбление, унижение', *tellänü* 'злословие', *quşam isem*¹⁴ букв. 'прибавочное, добавочное имя', в сергачском говоре — *usal isem* 'злое имя' и т. д.

В старотатарском языке прозвища выполняли функцию фамилии. Присоединяясь к именам лиц, они, как и фамилия, уточняли, конкретизировали, индивидуализировали личности. Для конкретной номинации одного и того же человека во многих татарских селлах и в настоящее время употребляются двухчленные антропонимические системы типа: *Sälim Torna* — «Салим Журавль», *Sälim Jarullin* — «Салим Яруллин» или в виде *Torna Sälim* — «Журавлев Салим», *Jarullin Sälim* — «Яруллин Салим» и т. д.

Прозвища, употребляемые в татарском языке, по выполняемым ими функциям подразделяются на три группы: 1) лично-индивидуальные, 2) семейно-родовые и 3) коллективно-территориальные.

По своему происхождению все виды прозвищ являются мотивированными, то есть они весьма тесно связаны с реальной действительностью.

Лично-индивидуальное прозвище точно указывает на конкретное лицо, без отнесения его к определенной семье. Такие прозвища очень редко передаются по наследству и являются поздними по происхождению. Если новорожденному официально имя дается его родителями или родственниками, то прозвище может ему присваиваться обществом, коллективом в самые различные периоды его жизни (в детстве, в юности, в среднем возрасте, в старости), и мотивируется оно наиболее характерными внешними или внутренними данными и чертами человека, или же обусловлено связанными с ним событиями. Лично-индивидуаль-

⁸ Г. Ф. Саттаров. Татарларда кушаматлар. — Журн. «Совет мәктәбе», 1973, № 9, стр. 44—47.

⁹ См.: А. Г. Шайхулов. Семантика личных прозвищ в татарских диалектах. — «Ономастика Поволжья, 4». Саранск, 1976, стр. 57—60.

¹⁰ «Татар теленең диалектологик сүзлеге» (далее ТТДС). Казан, 1969, стр. 212.

¹¹ Д. Г. Тумашева. Көнбатыш Себер татарлары теле. Казан, 1961, стр. 105.

¹² «Гарәпчә-татарча-русча алымалар сүзлеге». Казан, 1965, стр. 242.

¹³ ТТДС, стр. 51.

¹⁴ Там же, стр. 259.

ные прозвища употребляются лишь в определенных условиях и в неофициальном плане как дополнительное наименование.

Семейно-родовые прозвища в языке местных жителей (в основном односельчан) представляют собой наименования определенного рода, состоящего из одного или нескольких семей (например, Kūkelār — «Кукушки», Toḡnalār — «Журавушки», Ajuḷār — «Медведи», Cуракпуḡulār — «Чупаковские» и т. д.), то есть это неофициальное дополнительное имя, общее для всех членов данного рода (например, Yabdulla Kūke — «Габдулла Кукушка», Yusman Kūke — «Гусман Кукушка», Ildus Kūke — «Ильдус Кукушка» и т. д.).

Семейно-родовые прозвища (патронимы) наследуются, переходят от поколения к поколению и являются древними по происхождению. Многие из них, по-видимому, возникли еще в эпоху патриархата. Имена главы рода, родового старейшины или родовой тотем становились названием всего рода. Таким образом, многие древние личные имена стали родовыми и племенными названиями. В связи с этим В. А. Гордлевский писал, что «вообще прозвища у огузов связаны были с племенным происхождением или с родовым тотемом»¹⁵. У татар (особенно у крещеных и у татар-мишарей), так же как и у других народов, большинство семейно-родовых прозвищ образовали фамилии. К семейно-родовым прозвищам восходят такие фамилии, как Salma 'клецки' — «Салмин», Tuḡmaq 'колотушка' — «Тукмаков», Quṣṭan 'льстец, подхалим' — «Куштанов», Kūke 'кукушка' — «Кукушкин», Taz 'парша, паршивый' — «Тазов», Būrekçe 'шапочник' — «Шапошников», Uḡambaṣ букв. 'начало улицы' — «Урамбашев», Qazaq 'казак, конный воин, служилый человек в Казанском ханстве и в царской России' — «Казаков», Sabdar (из монгольского ṣabidaḡ 'игренивый, лошадь игренивой масти') — «Чабдаров», Cуpaq||Cabaḡ 'плотва, сорожка, чебак' — «Чупаков||Чабаков», Cirtan 'щука' — «Чуртанов», Cebes 'цыпленок' — «Чебешев», Majur (из чувашского mājār 'орех') — «Майоров», Matur 'красивый, красавец' — «Матуров», Qarsaq 'карсак — степная лисица' (в чув. qarsaq 'заяц-русак') — «Карсаков», Šajkä 'маленький таз, тазик'¹⁶ — «Шайкин», Sarṣaq 'кадка'¹⁷ — «Чапчаков», Būge 'волк' — «Буриев». В результате калькирования прозвища-основы на русский язык образовались татарские фамилии: от Būge 'волк' — «Волков», от Borṣaq 'горох' — «Борчаков» и «Горохов», Bursuq 'барсук' — «Бурсыков» и «Барсуков», Kāžā 'коза' — «Козлов», Qaṣḡun 'беглец, беглый' — «Беглов», Salḡun 'мороз, холод, стужа' — «Морозов», Qujaḡ 'заяц' — «Куянов» и «Зайцев», Ozuḡ 'долгий' — «Долгов» и т. д.

С давних пор некоторые индивидуальные и семейно-родовые прозвища со временем становились названиями населенных пунктов, особенно комонимами¹⁸. Так, например, названия татарских сел Juḡaḡu Reḡäçe — «Верхние Пинячи», Urta Reḡäçe — «Средние Пинячи», Tübān Reḡäçe — «Нижние Пинячи» и Reḡäçe — «Пинячи» Тукаевского района ТАССР связаны с лично-индивидуальным прозвищем первооснователя села Reḡäçe — «Пинячи» (из reḡäçe 'обидчивый, попрекающий'). В основе названий татарских сел Qaṣḡun Мамадышского, Citaḡ Пестречинского, Sölek Сармановского, Quḡaz Елабужского районов ТАССР лежат лично-индивидуальные или же семейно-родовые прозвища: Qaṣḡun

¹⁵ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. I. М., 1960, стр. 84.

¹⁶ ТТДС, стр. 520.

¹⁷ Там же, стр. 475.

¹⁸ Подробнее об этом см. монографию: Г. Ф. Саттаров. Татарстан АССРның антропотопонимнары. Казан, 1973, стр. 133—179.

‘беглец, беглый’, *Čitaq* (в современном татарском языке *čataq* ‘уродливый, ненормальный’), *Sölek* ‘пиявка’, в переносном смысле ‘придиричий, придир’, *Qıgaz* или ‘здоровяк, подобный пиявке’, *Qıgaz* диал. ‘петух’.

Коллективно-территориальные прозвища относятся к определенной части или же ко всем жителям того или иного населенного пункта (села, поселка, городка и т. д.), то есть они связаны не с родственным, а с территориальным объединением людей и даются они обычно жителями соседнего населенного пункта. Основными мотивами возникновения подобных прозвищ являются: род занятий, ремесла, наиболее отличительные особенности характера людей данной местности, их быт или же редкий памятный случай, ярко выраженные физико-географические особенности ландшафта этого населенного пункта. Так, например, жители окрестностей села Аксу Буинского района ТАССР издавна возделывают морковь. В соседних селах и деревнях их прозвали *Kişerlär* ‘морковки’, а само село Аксу для того, чтобы не путать его с соседним *Qıg Aqsuy* ‘полевые Аксу’, называют *Kişer Aqsuy* ‘морковный Аксу’. Жителей села Мещеряково (тат. *Qarlıy*) именуют коллективным прозвищем *Säkmiälär* ‘прижимистые’. Коллективное же прозвище жителей села Кудашева Агрызского района ТАССР — *Qaratäpilär* букв. ‘черноножки’ (за хождение босыми). Жители села Чишмы Янаульского района Башкирии, расположенного в горной каменистой местности, получили коллективное прозвище *Tau-taşlylar* букв. ‘гористо-каменистые’ и т. д.

Татарские коллективно-территориальные прозвища в основном употребляются в третьем лице множественного числа: *Kişerlär* ‘морковки’, *Qaratäpilär* ‘черноножки, босыки’, *Jangalar* ‘новенькие’, *Qarçyklar* ‘мешки’, в переносном смысле ‘нищенки’, *Büreklär* ‘шапки, шапочники’, *Vaqalar* ‘лягушки’ и т. д.

В настоящее время в речи молодежи коллективно-территориальные прозвища почти не встречаются. Для обозначения жителей того или иного аула в совокупности все чаще употребляется название данного села с добавлением окончания множественного числа *-lar*, *-nar*: *qarlıylar* ‘карлинцы’, *qodaşlar* ‘кудашевцы’, *biektaulylar* ‘высокогорцы’, *nalasalylar* ‘нала-синцы’, *soqmanpar* ‘сукмановцы’ и т. д.

Примечательным является также и то обстоятельство, что в говорах татарского языка лично-индивидуальные прозвища могут употребляться как перед именем лица (в заказанских говорах и в мензелинском говоре среднего диалекта: *Täkärlek Bulat* ‘Чибис Булат’, *Tas Fäxri* ‘Паршивый Фахри’, *Rytımyr Mäxmüzä* ‘Тараторка Махмуза’, *Alty-biş Safi* ‘Шесть-пять Сафи’, *Čurtan Xalıq* ‘Щука Халик’, *Mişär Xösneruj* ‘Мишарка Хуснеруй’ и т. д., что соответствует литературной норме), так и после него (в говорах западного диалекта, то есть в говорах татар-мишарей, в нагорных говорах среднего диалекта и в говоре уральских татар: *Bari Täkärlek* ‘Бари Чибис’, *Räxim Taz* ‘Рахим Паршивый’, *Säkür Qaraq* ‘Шакур Вор (Конокрад)’, *Yaräf Qyryqteş* ‘Гараф Сорокозуб’, *Anvār Borça* ‘Анвар Блоха’, *Xäjäli Mişär* ‘Хаяли Мишар’, *Yujnijät Buyaz* ‘Гиният Горло’, *Sälimxan Öč-dürt* ‘Салимхан Три-четыре’ и т. д.). В первом случае между личным прозвищем и именем лица устанавливается прямой порядок слов, а во втором случае — обратный.

В татарском языке лично-индивидуальные прозвища присоединяются к именам лиц в основном при помощи конструкций изафета I, составляя модели: а) «лично-индивидуальное прозвище + имя лица»: *Teşsez İbraj* ‘Беззубый Ибрай’, *Aqsaq Şakir* ‘Хромой Шакир’, *Qujan Nail* ‘Заяц Наиль’ и т. д.; б) «имя лица + лично-индивидуальное прозвище»: *İbraj Teşsez* ‘Ибрай Беззубый’, *Şakir Aqsaq* ‘Шакир Хромой’, *Nail Qujan* ‘Наиль Заяц’ и т. д.

В изафете I основным средством связи между компонентами является обязательное соседство. Подкрепляется связь еще и интонацией, а именно произнесением обоих компонентов с одним фразовым ударением¹⁹. При этом лично-индивидуальное прозвище выступает в качестве зависимого компонента и выражает различительные признаки, внешние или внутренние отличительные особенности лица, обозначенного господствующим именем (именем лица) и тем самым еще более конкретизирует, индивидуализирует его. Ср.: Qağa Yalı 'Черный Гали', Suqur Yalı 'Слепой Гали', Quştan Yalı 'Подхалим Гали', Yalı Qajnar 'Гали Горячий', Yalı Şadra 'Гали Рябой' и т. д.

Татарские лично-индивидуальные прозвища отличаются своей обрзанностью, разнообразием и доходчивостью. Для большинства татарских лично-индивидуальных прозвищ характерно, как отмечалось выше, непосредственное отражение того или иного примечательного внешнего или внутреннего признака именуемого лица. Например, Qajnar 'Горячий', Küngelle 'Веселый', Qaşqun 'Беглец, беглый', Jülär 'Дурак', Qolaqsuz 'Безухий', Teşsez 'Беззубый', Keşkenä 'Маленький', Ozyn 'Долгий, длинный', Aqsaq 'Хромой', Culaq 'Криворукий, сухорукий', Telsez 'Немой', Suqrak 'Глухой', Uzçirle 'Припадочный' и т. д. Значительному количеству личных прозвищ присуща метафоричность, то есть очень четкое и меткое образно-оценочное выражение какого-либо отличительного признака, связанного с внешним видом, чертами характера и поведением человека, основанное на сходстве с другим лицом, живым существом, предметом или явлением. Так, например, прозвище Küse 'Крыса' дается за страсть к накоплению различных вещей; Boğça 'Блоха' — за низкий рост, за подвижность, шустрость (расторопность) и непоседливость; Şıgru 'Спичка' — за вспыльчивость и т. д. Многим лично-индивидуальным прозвищам свойственна прямая соотнесенность с профессией, с местом жительства или работы, национальностью, занимаемой должностью или званием, социальным происхождением, с наиболее памятным случаем в жизни человека, особенностью его разговорной речи и т. д., и т. п.

Исходя из значения прозвищ (то есть из лексико-семантической единицы, лежащей в основе данного прозвища и мотивов его присвоения), а также из источников их происхождения татарские лично-индивидуальные прозвища можно подразделить на 21 лексико-семантическую и тематическую группы. А некоторые из этих групп в свою очередь могут быть подразделены на более мелкие тематические подгруппы-разряды.

По характеру основы татарские лично-индивидуальные прозвища делятся на две группы: ономастические и апеллативные. Ономастические прозвища совпадают с другими видами собственных имен или образуются от них (в основном от топонимов, микротопонимов, этнонимов, патронимов, личных имен и фамилий). Апеллативные прозвища совпадают с различными нарицательными именами или образованы от них. Абсолютное большинство татарских лично-индивидуальных прозвищ возникло от апеллативных основ и представляет собой определенный класс собственных имен, стоящий наиболее близко к нарицательной лексике.

Остановимся на татарских лично-индивидуальных прозвищах, относящихся к разным лексико-семантическим и тематическим группам и разрядам.

¹⁹ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 180.

I. Прозвища-топонимы и микротопонимы. Прозвища-топонимы указывают на прежнее место жительства индивидуума, откуда он прибыл в данный населенный пункт или местность (город, область и т. д.) и где он долгие годы жил и работал. Например, *Matak İbraj* (приехал из села Базарные Матаки), *Tötän Xaris* (приехал из города Тюмени), *Donbass Rähim* (работал в Донбассе), *Mäskäü Qamalyj* (работал в Москве), *Samaga Näsimäse* букв. 'Самарская Насима' (приехала из города Самары — современный Куйбышев) и т. д. Прозвища-микротопонимы в основном совпадают с местными географическими номенклатурными терминами-ориентирами, обозначающими определенные географические объекты внутри данного населенного пункта. Они конкретно указывают на место, где живет данное именуемое лицо: *Çat Ravijäse* 'Равия из перекрестка', *Su bujı Yajša* 'Гайша, живущая возле воды', *Juıarı oç Yajni* 'Гайни с верхнего конца', *Tuıquı Yabdenur* 'Габденур, живущий в переулке', *Tau başı Yusman* 'Гусман, живущий на вершине горы', *Çoıuıt Ravil* букв. 'Овраг Равиль' и т. д.

II. Прозвища-этнонимы. Исходя из причин и мотивов возникновения, прозвища-этнонимы можно подразделить на три подгруппы: а) Прозвище, носитель которого по линии отца (деда, прадеда) или матери (бабушки, прабабушки) является представителем другого (не татарского) народа: *Ar Şärifä* (дед Шарифа был аром-удмуртом), *Urys Şärifäse* (прабабушка Шарифы была русская), *Mukşı Xäsän* (мать Хасана мордва-мокша), *Xäjälä Mişär* (прапрадед Хаялия был мишар из Арзамаса), *Başqort Morat* (прадед Мурата был башкир) и т. д.; б) Прозвища, возникшие на основе внешнего или психологического (характера, привычек и т. п.) сходства носителя прозвища с определенными чертами представителей того или иного народа: *Vali Negr* (за смуглое лицо), *Segän* (Цыган) *Yajša* (за проворство и хитрость), *Safrı Qytaı* (за узкие глаза) и т. д.; в) Прозвища, возникшие на основе долгого пребывания самого носителя среди того или иного народа: *Seı Vafa* (Вафа в 1914—1918 годах был в плену в Чехии), *Qurıuız Qamal* (Камал долго жил в Киргизии), *Qazaı Zäjnär* (Зайнаб жила в Казахстане и была замужем за казахом) и т. д.

III. Прозвища, образованные от личных имен и фамилий. Подобные прозвища также можно подразделить на три подгруппы: а) Прозвища, связанные с именем дальнего основателя рода: *Yusman Tuıuı* (прапрадед Гусмана был Тукий), *Xäjıulla Qaıaraı* (прадед Хайруллы носил имя Карабай), *Järkäj Gölfiıjäse* 'Гульфия Яркая' (отец Гульфий Яркая <Ярмухаммет) и т. д.; б) Прозвища, возникшие на основе сходства данного человека (внешнего или функционального) с другим лицом, сочетающиеся с личным именем или фамилией: *Arıimid Nuri* (за то, что давал односельчанам полезные советы и за способность изобретать), *Gulliver Änvär* (за очень высокий рост), *Haçaturjan Damir* (за умение сочинять мелодии и насвистывать их), *Yusman Puşkin* (за курчавые волосы, как у А. С. Пушкина), *Saraı Nägim* (за внешнее сходство с В. И. Чапаевым), *Xäjretdin Budennyı* (за ношение усов, придающих сходство с С. М. Буденным и т. д.); в) Прозвища, образованные от личного имени называемого: *Arış*, *Arıu*, *Arıu* — от Габдулла, *Şaıa* — от Шакир, *Qantjuk* — от Гайнетдин, *Patyı* — от Фатыйма, *Ärıä* — от Гафиза, *Ärıli* — от Мөхәммәтвәли, *Fäıris* — от Фәхрейслам и т. д.

IV. Прозвища, соотнесенные с названиями профессии, специальности и места работы (учреждения) носителя: Qomendant Ravil 'Равиль Комендант', Үәли Көтүҗе 'Гали Пастух', Таҗы Үәли 'Каменщик Вали', Рәмзизә Әkonomist 'Рамзия Экономист', Бурлак Сафа, Врач Сания, Сельсовет Зыя (работает в сельском Совете), Кәнсә Fatima (работает в канцелярии колхоза), Пуҗы Xalisä (работает на почте), Мәктәп Таҗсә 'Школа Гайша' (работает в школе) и т. д.

V. Прозвища, связанные с титулом, должностью, званием, социальным происхождением самого носителя или его отца (деда, прадеда):

а) Прозвища, относящиеся к прежним сословным названиям и титулам: Alput Үabdullasy 'Помещиков Абдулла', Тагхан Гәрәй 'Гарай Тархан', Qulaq Үәли 'Кулак Вали', Купец Хафиз, Мещанин Салих, Хәбир Морза 'Хабир Мурза', Пан Шакир и т. д.; б) Прозвища, относящиеся к мусульманским религиозным титулам: Үәли Иһан (иһан — глава религиозной секты у мусульман, имеющий своих приверженцев и последователей), Хәйдәр Хәзрәт *букв.* 'Хайдар Преосвященный' (устаревшее слово хәзрәт приставлялось к именам пророков, прославившихся своей святостью монархов, высокопоставленных религиозных деятелей, ученых мулл, например: Siһar Хәзгәт — уважительное обращение к известному татарскому ученому и мулле Шигабутдину Марджини и т. д.), Мәәзин Nizam, Möfti Afzal 'Муфтий Афзал' (*муфтий* — глава мусульманского духовенства определенного региона, толкователь шариата, законовед, дающий заключение по духовным и юридическим вопросам), Үәлимҗан Ахун 'Талимджан Ахун' (*ахун* — духовное лицо у мусульман), Qamal Mörit 'Камал Мюрид' (*мюрид* — последователь, ученик ишана или шейха), Үәлләм Хаҗи 'Галлям Хаджи' (*хаджи* — человек, совершивший паломничество в Мекку и Медину), Sara Abystaj 'Сара Абыстай' (*abystaj* — жена муллы), Zakirä Ostabikä [ostabikä уст.: 1) жена муллы; 2) учительница] и т. д.; в) Прозвища, относящиеся к воинским чинам, званиям и должностям: Зиннур Майор, Гариф Солдат, Капитан Харис, Матрос Газиз, Драгун Бикмәт, Гусар Зариф (восходит к венгерскому husz 'двадцать', в старой Венгрии, являвшейся родиной этого вида легкой кавалерии, брали в гусары каждого двадцатого), Взводный Кадыйр и т. д.

VI. Прозвища, характеризующие духовные особенности человека, его поведение: а) Прозвища, указывающие на положительные черты характера индивидуума: Batyr Zakir 'Богатырь Закир', Ungan Safa 'Умелец Сафа', Ütken Banu 'Бойкая, хваткая Бану', Mirovoj Ämir 'Мировой Амир', Ävan (от чувашского слова ävan 'хороший'²⁰) Fatix 'Хороший Фатих', Ölger Räsimä 'Проворная Расима', Säbur Zuja 'Терпеливый Зия', Röxtä Qamilä 'Аккуратная Камиля', Хәлил Көләс *букв.* 'Халил Улыбающийся' и т. д.; б) Прозвища, указывающие на отрицательные черты характера или поведение человека. Подобные лично-индивидуальные прозвища составляют абсолютное большинство и весьма распространены: Pytyrdavyk Mäxmüzä 'Тараторка Махмуза', Elaқ Majtap 'Плакса Майтап', Myštyr Zarif 'Неповоротливый Зариф', Qajnar Sadyjq 'Горячий Садык', Jalyançy Nurğali 'Обманщик Нурғали', Үәbdulla Atquç *букв.* 'Абдулла Стреляющий', в переносном смысле 'Абдулла Обманщик', Jalaуaj Mansur 'Подхалим Мансур', Seläü Samat 'Мямля Самат', Saуadaq 'Навязчивый, на-

²⁰ «Русско-чувашский словарь». М., 1951, стр. 824.

зойливый²¹ Каюм', Şyrdybaj 'Болтун²² Хаммат', Särsän Sälim 'Шалун, озорник Салим' и т. д.

VII. Прозвища, относящиеся к внешней характеристике. Татарские лично-индивидуальные прозвища, характеризующие внешний облик людей, можно подразделить на семь подгрупп: а) Прозвища, характеризующие маленький рост: Keçter 'маленький', Kārlā 'карлик', Alaşa 'низкий', Bütäkä *букв.* 'желудок (у птиц)', в переносном смысле 'низкорослый, коротыш', Ber qaryş 'один вершок', Kältä 'ящерица', в переносном смысле 'малорослый', ğir tartqan Xāmit 'Приземистый, *букв.* землею притянутый Хамит', Rāximulla Peçteki 'Рахимулла Маленький' и т. д.; большой рост: Ber ğarım Minulla 'Полтора Минулла', Ozuntogıyq 'Длиннорослый', Suzan 'Долговязый', Täwä *букв.* 'Верблюд', в переносном смысле 'Долговязый', Sülāj 'Долговязый' и т. д.; б) Прозвища, характеризующие полноту фигуры и тяжесть тела: Yomār Taza 'Гумер Здоровяк', Juın Fatıjma 'Толстая Фатима', Nuranıja Simertkä 'Нурания Упитанная', Tuıyz potly Motıyık 'Десятипудовый Мотыйк', *Центнер Сафа, Батман Сәлахи* и т. д.; в) Прозвища, характеризующие худощавость индивидуума: Candıyğ Roza 'Сухошавая Роза', Aryk Sara 'Тошная Сара', Bibinur Kinkān 'Бибинур Высохшая', Qaqlayın Yarı 'Копченый Гани', Qoruyın Bıkçantaj 'Засохший Бикчентай', Laşça 'Худощавый'²³ Xalik' и т. д.; г) Прозвища, указывающие на физические недостатки человека: Saqau 'Картавый', Telsez 'Немой', Cukraq 'Глухой', Çatan или Aqsaq 'Хромой', Suqıyğ 'слепой', Aqaj 'Пучеглазый', Altybarmaq 'Шестипалый', Bökre 'Горбатый', Teşsez 'Беззубый', Borınsyz 'Безносый' и т. д.; д) Прозвища, указывающие на внешние положительные черты и особенности человека: Qārtınqā Fäüzija 'Картинка Фаузия', Cibār Yajın 'Красивый Гаян', Synly Rämzija 'Статная Рамзия', Söjkemle

Sälīmā 'Миловидная Салима', Uspaj Samil 'Опрятный Шамиль' и т. д.; е) Прозвища, указывающие на отрицательные внешние признаки человека: Alama Safura 'Дрянная Сафура', Lystır Kārimā 'Некрасивая Карима', Säuikāl 'Плохой, Некрасивый'²⁴ Sabir, Syksıyğ Xätimā 'Невзрачная Хатима', Qıyafätsez Nailā 'Безобразная Наиля', Söjkemsez Söjembikā 'Несимпатичная Суюмбика' и т. д.; ж) Прозвища, связанные с цветом лица и волос: Çara Karım 'Черный Карим', Quzıl Xıza 'Красный Ходжа', Aq muıyğ Fail 'Белоусый Файль', Sary Sabir 'Желтый Сабир', ğırān Kābir 'Рыжий Кабир', Aqbaş Yalāu 'Белоголовый Галая', Yarı Sarısaqal 'Гани Желтая борода', Qaraqaş Yabdrahman 'Чернобровый Габдрахман', Ala Qamil 'Пятнистый Камиль', Suar Rämzi 'Пестрый Рамзи', Utbaş Gölfijā 'Огненная голова Гульфия', Utçäc Hatıyır 'Огненные волосы Хатип' (у казанских татар имеется также фамилия *Утчаев*) и т. д.

VIII. Прозвища, представляющие собою термины родства и уменьшительно-ласкательные слова. Живой разговорный татарский язык весьма богат терминами родства и уменьшительно-ласкательными словами. От некоторых из них образовались и лично-индивидуальные прозвища: Kijäu Yabdenur 'зять Габденур', Tüti Nasyır 'тетка Насыр', Änkäc Fatıjma 'Мамочка Фатима', Zingäcäz Zakir 'Снохушка Закир', Ata-

²¹ ТТДС, стр. 356.

²² Там же, стр. 519.

²³ Там же, стр. 292.

²⁴ Там же, стр. 523.

kaj Үалима 'Папенька Галима', Rizvan Băbkăšem 'Ризван Светик мой', Xalisä Jörägem 'Халиса Сердечко мое', Занум Sämiya 'Душечка моя Самига' и т. д.

IX. Прозвища, связанные с названием хронической болезни того или иного лица: Xalil Taz 'Халил Паршивый', Musa Kukša 'Муса Лысый', Qutyr Yali 'Короста Гали', Qorçanuy Salix 'Чесоточный Салих', Raxit Nail 'Рахитичный Наиль', Šadra Šarif 'Рябой Шариф', Jütäl Sanijä 'Кашель Сания' и т. д.

X. Прозвища, связанные с названиями мер веса и денежных единиц: Altmyš Salax 'Шестьдесят Салах' (умеющий считать только до шестидесяти), Salimxan Öč-dürt 'Салимхан Три-четыре', Öč tijen Zakir 'Три копейки Закир', Meng sum Xäbir 'Тысяча рублей Хабир', Alty-biş Safi 'Шесть-пять Сафи' и т. д.

XI. Прозвища, образованные от абстрактных понятий слов: Xäkimä Xäsrät 'Хакима Горе', Vafa Tavuyš 'Вафа Голос', Aqyl Šäräfi 'Разум Ша-рафи', Nağıma Juraui 'Нагима Предсказание', Ükenec Xäjalä 'Раскаяние Хаяли', Qytlyk Jomaqol 'Нехватка Юмагуль' и т. д.

XII. Прозвища, образованные от названий фауны, заменяющих путем метафоризации прямую характеристику лица: а) Прозвища, относящиеся к названиям домашних животных: Bozau Kälimulla 'Теле-нок Калимулла', Ugez Äxmät 'Бык Ахмет', Išäk Damir 'Осел Дамир', Kärimullä Mäçe 'Каримулла Кот', Yabdulla Kăžä 'Габдулла Коза', Baki Tăkă 'Баки Баран' и т. д.; б) Прозвища, относящиеся к названиям диких животных: Äyzam Äju 'Агзам Медведь', Yusman Poši 'Гусман Лось', Kerge Yujnijät 'Еж Гиният', Fäjez Qujan 'Фазез Заяц', Majmyl Junys 'Обезьяна Юнус', Büre Sadri 'Волк Садри', Bursyq Säyiga 'Барсуک Сагира' и т. д.; в) Прозвища, относящиеся к названиям домашних птиц: Yabdulla Kürkă 'Габдулла Индюк', Sebeš Zakir 'Цыпленок Закир', Yajnan Atağaz 'Гайнан Гусак', Ravil Tavuyq 'Равиль Курица', Salim Ätăc 'Салим Петух' и т. д.; г) Прозвища, относящиеся к названиям диких птиц: Sajysqan Šäixelislam 'Сорока Шейхелислам', Syjyğcyq Safi 'Скворец Сафи', Celän Sabit 'Цапля Сабит', Sapduyač Mansur 'Соловей Мансур', Xälil Tukran 'Халил Дятел', Kärim Cыр-çyq 'Карим Воробей', Körtlek Zinnät 'Куропатка Зиннат', Qozqun Xammat 'Ворон Хаммат' и т. д.; д) Прозвища, относящиеся к названиям земноводных и пресмыкающихся животных: Äxmät Baqa 'Ахмет Лягушка', Pingvin Ramil, Qroqodil Bari, Elan Zäjtünä 'Змея Зайтуна', Äkräm Tašbaqa 'Акрам Черепаха' и т. д.; е) Прозвища, относящиеся к названиям насекомых: Cerkі Bibinur 'Комар, Бибинур', Kăbir Cikertkă 'Кабир Стрекоза', Qyrmysqa Xädičä 'Муравей Хадича', Talpan Sadri 'Клещ Садри', Ceben Yalimulla 'Муха Галимулла' и т. д.; ж) Прозвища, относящиеся к названиям рыб: Cırtan Xalik 'Шука Халик', Käräkă Zarif 'Карась Зариф', Cabaq Mansur 'Чебак Мансур', Sazan Qadyir 'Сазан Кадир' и т. д.

XIII. Прозвища, образованные от названий частей тела: а) человека: Yujnijät Buğaz 'Гиният Горло (горластый)', Yabbas Boryn 'Таббас Нос (очень маленький нос)', Sanijä Mangaj 'Сания Лоб (лобастая)' и т. д.; б) животных: Razijä Kojryk 'Разия Хвост', Xälil Mögez 'Халил Рог', Qaz mujyn Yali 'Гусиная шея Гали' и т. д.

XIV. Прозвища-фитонимы: Ärekmän Šämsi 'Репей Шамси', Šajxulla Alabuta 'Шайхулла Лебеда', Yujlman Jasmyq 'Тильман Чечевица', Balan

Sara 'Калина Сара', Sabit Alma 'Сабит Яблоко', Qabaq Färit 'Тыква Фарит', Boryç Safura 'Перец Сафура' (злая, вредная) и т. д.

XV. Прозвища, относящиеся к названиям предметов материальной культуры, домашнего обихода: Buğa Xäbibrahtaп 'Сруб Хабибрахман', Būrek Yata 'Шапка Гата', Yomār Salma 'Гумер Клецки', Akram Quas 'Акрам Квас', Täl̆yat Baуor, Puşqa Vafa, Patefon Āsma, Āxat Qapaq 'Ахат Сливки' (в волжско-булгарском языке qapaq означало «сливки»²⁵) и т. д.

XVI. Прозвища, относящиеся к названиям явлений природы: Yujz-zat^v Zil 'Гиззат Ветер', Jäšen Xädiçä 'Молния Хадича', Yafur Tamçy 'Гафур Капля', Xäbibulla Joldys 'Хабибулла Звезда', Yali Tomaп 'Гали Туман' и т. д.

XVII. Прозвища, относящиеся к названиям минералов: Kükert Sakir 'Сера Шакир' (очень вспыльчивый), Ziz Ibraj 'Латунь Ибрай' (рыжеволосый), Selte Хаппап 'Щелочь Ханнан' (злостычный) и т. д.

XVIII. Прозвища, образованные от мифологических и религиозных терминов: Päri Vafa 'Бес Вафа', Surale Dauli 'Леший Даули', Xämidulla Doуa 'Хамидулла Молитва', Yäziz Sajtап 'Газиз Дьявол' и т. д.

XIX. Прозвища, данные по единичному памяtnому случаю в жизни человека: Ojukbaş Nadir 'Носок Надир' (Надир в детстве вышел на улицу играть, надев на руки носки) и т. д.

XX. Прозвища, связанные с речевыми недостатками, манерой речи или же с часто употребляемым словом: Da Ibraj 'Да Ибрай', Täk Borhaп 'Так Бурхан' (любил говорить «так»), Bette baş Safura 'Пропадающая голова Сафура', Xäjäl Utyl (Хаял не может выговаривать звука «р» и вместо utyг 'садись' произносит utyl) и т. д.

XXI. Прозвища, пока еще не поддающиеся интерпретации. Например, Тайнуи, Гопы, Пакун, Упын и т. д.

Дальнейшее изучение татарских прозвищ и привлечение исследователями новых фактических материалов, безусловно, поможет полнее осветить многие сложные вопросы как татарской, так и в целом тюркской антропонимии, а также решить некоторые аспекты проблемы истории татарского народа, его языка и этногенеза.

²⁵ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 647.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

О. П. АНЖИГАНОВА

АДЪЕКТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Имя прилагательное по своей лексико-грамматической природе обозначает признак предмета, явления, поэтому его основная функция — быть определением к именам существительным в именных субстантивных словосочетаниях. В этой функции выступают все разряды имен прилагательных. Между зависимым прилагательным и именем существительным устанавливаются атрибутивные отношения, выражаемые способом примыкания и осуществляемые порядком слов.

Прилагательные могут быть не только зависимым словом, но и главным компонентом в словосочетаниях. В этом случае, как известно, и образуются адъективные словосочетания.

В адъективных словосочетаниях между прилагательным и зависимым именем устанавливаются определительные, объектные отношения, реализующиеся порядком слов и падежными аффиксами. В отличие от субстантивных словосочетаний, в которых слова в основном сочетаются способом примыкания, в адъективных словосочетаниях управление наряду с примыканием является одним из основных способов связи слов. В качестве зависимого компонента могут употребляться все имена прилагательные, господствующим же компонентом могут быть только некоторые их разряды: качественные прилагательные, обозначающие цвет, различные физические качества предметов, указывающие на внешнее или внутреннее состояние, дающие различную оценку, пространственную и временную характеристику.

Главный компонент адъективных словосочетаний. Главный компонент дает ту или иную качественную оценку предмета в зависимости от семантики прилагательного. Это в основном производные прилагательные *артых* 'лучший', *улуг* 'большой', *тиң* 'равный', *табырах* 'быстрый', *сіліг* 'красивый', *пасха* 'другой', *арыг* 'чистый', *соох* 'холодный' и т. п., например, оценка того или иного предмета: *най ла хыныг* 'очень интересный', *угаа чапсыстыг* 'весьма удивительный', *харахнаң чітіг* 'острый на зрение', *хулахнаң сиргек* 'чуткий на слух'; оценка внешнего качества: *миннең улуг* 'больше меня', *аттаң кічіг* 'меньше коня', *сіліг-дең сіліг* 'красивее красивого'; внутреннего качества: *палаа паарсах* 'ласковый к детям', *тоғысха кјс* 'старательный в работе'; обозначающие цвет: *харадаң хара* 'чернее черного', *аннаң ах* 'белее белого', *пудургы-зынаң көк* 'более синий, чем этот'.

Очень часто стержневым словом в адъективных словосочетаниях являются относительные прилагательные, образованные от именных основ с помощью словообразовательного аффикса *-лыг*. Некоторые тюр-

кологи не все образования на *-лыг* относят к прилагательным. Так, Е. И. Убрятова считает, что большинство из них не могут быть отнесены ни к одной из известных частей речи, и составляют особую группу слов¹. Однако Ф. Г. Исхаков пишет, что «при всем своеобразии данной формы мы не считаем возможным выделить ее в особую часть речи в тувинском и в других тюркских языках»². Другие исследователи полагают, что к именам прилагательным следует относить только такие сочетания с *-лыг*, которые образуют слово с качественным значением, например: *күлкүстіг* 'смешной', *тадылыг* 'сладкий', *өріністіг* 'радостный', *нілдiстіг* 'понятный', *чапсыстыг* 'удивительный', *истіг* 'удобный'. *таныстыг* 'знакомый' в последнем случае прилагательные могут иметь при себе слова, усиливающие это качество; и, наоборот, если слову с *-лыг* сопутствуют те же пояснительные слова, употребление которых было возможно и при основе, от которой данное слово образуется, и оно не может иметь усилительных слов, то такие слова не могут быть прилагательными³. Действительно, такие прилагательные, как *хычыхтыг* 'жадный', *турыстыг* 'достойный', когда-то представляли собой одну из форм выражения принадлежности (обладания)⁴, но с течением времени, в результате семантического развития некоторые из них стали выразителями качественной оценки предмета, явления и тем самым превратились в качественные прилагательные. В настоящее время значение обладания в них почти полностью отсутствует.

Наоборот, такие слова, как *тағлыг* 'имеющий горы', *маллыг* 'имеющий скот', *састыг* 'имеющий волосы' и т. п., которые не принимают усилителей *тың*, *уғаа*, И. А. Андреевым не включаются в состав прилагательных. «Основное значение этой формы, — пишет Л. Н. Харитонов, — состоит в том, что она выражает обладание данным предметом, мыслимое как признак или свойство другого предмета»⁵. Однако выражение этими словами признака или свойства других предметов и то, что все они отвечают на вопрос *хайдағ?*, позволяет причислить их к относительным именам прилагательным.

Отсутствие единого взгляда на слова с данным аффиксом объясняется двойственным характером этих образований, сочетанием значений предмета и признака в одной именной форме⁶: предметность сохраняется в основе, в то же время вся форма приобретает адъективность за счет аффикса *-лыг*. В зависимости от того, насколько сильно выражена предметность в основе слова, определяется характер прилагательного, его качественность и относительность.

Если качественные прилагательные с показателем *-лыг* образуются от отглагольных основ, то относительные прилагательные со значением обладания предметом — от именных основ. Так как значения предметности такие прилагательные не теряют, то они сохраняют возможность приобретать точно такие же определения, что и именная основа этих прилагательных, ср.: *хуруғ чирлер* 'сухие земли' — *хуруғ чирліг* 'с су-

¹ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1948, стр. 194—195.

² Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 195.

³ И. А. Андреев. Структура простого предложения современного чувашского языка. Докт. дисс. Чебоксары, 1970, стр. 265.

⁴ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 68.

⁵ Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 134.

⁶ А. Г. Гасанов. Тюркские определения определений (об оборотах отыменных прилагательных). — «Вопросы тюркских языков и взаимоотношение их с другими тюркскими языками». Баку, 1972, стр. 99.

хой земель', *köp axça* 'много денег' — *köp axçалығ* 'имеющий много денег', *iki пала* 'двое детей' — *iki палалығ* 'имеющий двоих детей', *аар үлүс* 'тяжелая судьба' — *аар үлүстіг* 'с тяжелой судьбой', *махтанчых хылых* 'хвастливый характер' — *махтанчых хылыхтығ* 'с хвастливым характером'. Так как сочетательные возможности имен существительных очень разнообразны, то и относительные прилагательные с *-лығ* могут подчинять себе также различные части речи.

В других тюркских языках у прилагательных на *-луу* имеются антонимичные прилагательные с аффиксом *-syz*, означающие отсутствие чего-либо: тат. *akylsyz* 'неумный', *atsyz* 'безлошадный', *balasyz* 'бездетный' и т. п. В хакасском языке, как и в алтайском, тувинском, шорском и якутском языках, это значение передается сочетанием двух слов — слова в притяжательной форме и *чох* 'нет', то есть сложным прилагательным, ибо это сочетание «фактически является одной семантической единицей и выступает в речи как одна целостная лексема»⁷, например: *tili choh* 'немой', *пабазы чох* 'не имеющий отца', *сагызы чох* 'неумный', *кирек чох* 'ненужный'. Такие сложные имена прилагательные, сочетаясь с различными словами, также могут образовывать адъективные словосочетания, но сочетательная возможность их гораздо уже, чем у прилагательных на *-лығ*: *Пу туста апсахты көрерге хомай, ол удаа чидилче, тың хабырылыпча, аннаңар ағаа поэны даа тызы чох паза агырсынныстығ...* (М. Г., 48) 'В это время на старика тяжело смотреть, он часто кашляет, сильно корчится, ему самому неуютно и больно'.

Зависимое слово в адъективных словосочетаниях. Наиболее распространенными в адъективных словосочетаниях являются определения, выраженные именами существительными. Эти существительные, а также местоимения и различные субстантивированные части речи сочетаются с именем прилагательным способом управления, ставятся наиболее часто в дательном и исходном, реже — в орудном падеже. Способность имени прилагательного вступать в связь с другими словами зависит не только от того, какой частью речи является зависимое слово, но и от лексического значения как главного, так и зависимого слов. В одних случаях распространение имени прилагательного другими словами бывает необходимо, но иногда необходимость этого распространителя факультативна.

Словосочетания с зависимым именем в дательном падеже. Главным компонентом в них может быть только качественное прилагательное с различным лексическим значением; особенно часто употребляются прилагательные *töy* 'похожий', *пай* 'богатый', *örinistig* 'радостный', *ниик* 'легкий', *истиг* 'удобный', *чагын* 'близкий'. Имя в дательном падеже может обозначать лицо, предмет, которому присуще данное состояние, качество: *Пу сменада тоғынарға Тайраа уғаа ниик* (С. Ч., Пт, 18) 'В этой смене работать Тайре очень легко'; *Адайым даа ние зе хада поларчы, сагынчам істімде, чүрекке дее истиг поларчы* (С. Ч., Пт, 7) 'Хоть бы собака (моя) с собой была, думаю про себя, и на сердце было бы спокойно'.

В словосочетании с именем в дательном падеже может раскрываться содержание качества, признака, состояния, выраженного прилагательным: *Мының сылтаанда Миргеннің өзені өзімге пай* (С. Т., I, 6) 'В результате этого долина Миргена богата растительностью'; *Хара сеек мөөтке хычыхтығ* 'Мухи, жадные на мед'; *Ол чаңан даа сөске турыстығ* (АхТ., 19, 15) 'Он всегда верен слову'.

⁷ Ф. Г. Исхаков. Имя прилагательное. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Морфология, ч. II. М., 1956, стр. 152.

В хакасском языке многочисленны адъективные словосочетания, содержащие сравнение предмета, явления с каким-либо другим предметом, явлением: *Чиит ооллар читі кўнге сығара харбастырлар, улуғ аал улуғ аар уязына тиңніг полтыр* (К. Н., Хчч, 72, 114) 'Молодые парни до семи дней боролись, большой улус был, словно большой улей'. В таких словосочетаниях главным компонентом в основном выступает слово *төй* 'похожий'; например: *Искенде, прай сынга төй* (Лч) 'Когда услышал, похоже на правду'; *Араға іскен кізі айнаа төй* (Хс) 'Человек, выпивший вино, похож на черта'. Сравниваться могут не только сами предметы, иногда тот или иной предмет может сопоставляться с каким-либо состоянием, выраженным зависимым словом словосочетания: *Сах ол туста көлнің чар хазынзархы сари хайнапчатханға төй полыбысхан* (Лч). 'В этот момент прибрежная часть озера словно закипела'. Здесь зависимый компонент выражен субстантивированным participium в дательном падеже.

Особенностью подобных словосочетаний является то, что употребление зависимого слова при главном члене — имени прилагательном — обязательно. Этого требует значение, выраженное этими словосочетаниями: сравнение не может быть без указания на сравниваемый предмет, состояние.

Зависимое имя в исходном падеже. Пример: *Пір иргі нанчы наа ікі нанчыдаң артых* (Х.-р., 62) 'Один старый друг лучше двух новых друзей'.

*Ай Чарых Ханның хызы Чарых Тана
Читон ханның хызынаң
Прайзынаң артых, прайзынаң сіліг* (АА, 76)

'Дочь Ай Чарых хана Чарых Тана
Всех дочерей семидесяти ханов
Лучше, всех красивее'.

В таких словосочетаниях главный компонент выражает сравниваемое качество, а зависимый компонент в форме исходного падежа — сравниваемый предмет. Имя же, выражающее предмет, качество которого берется для сравнения, в само адъективное словосочетание не входит.

Очень часто адъективное словосочетание является зависимой частью сложного субстантивного словосочетания, где главный компонент выражает предмет, качество которого сравнивается в адъективном словосочетании. Например: *Ах чарыхта минің синнең артых, синнең аарлығ, синнең ирке нием чоғыл* (Ах Т., 17, 49) 'На белом свете у меня нет лучше тебя, дороже тебя, милей тебя [букв. ... тебя милей, вещь (моя) нет]'; *Миннең улуғ кізі чоғыл* (Лч) 'Нет человека старше меня'. Между адъективным словосочетанием и определяемым именем существительным устанавливаются определительные отношения, а в зависимой части этого сложного субстантивного словосочетания — отношения объектные. Иногда возможно выделение, актуализация главного компонента сложного субстантивного словосочетания, в этом случае он выносится на первое место, и словосочетание разлагается: между именем, выражающим сравниваемый предмет, и адъективным словосочетанием устанавливаются предикативные отношения: *Күстенербіс, — нандырган Паскир, — амды пістің күс андағадың артых* (И. К., Чх, 147) 'Постаемся, — ответил Паскир, — сейчас у нас силы больше, чем тогда'; *Оолғым синнең селей чи* (В, К., А., 43) 'Сын же (мой) рослее тебя'.

Для сравнения обычно берутся разнородные предметы. Такие словосочетания встречаются в языке различных по стилю произведений, а также в разговорной речи. Если сравниваются признаки однородных предметов, то такие словосочетания преимущественно встречаются в фольклорных произведениях и в живой разговорной речи, и они более устойчивы, лексически ограничены: как главный компонент адъективного словосочетания часто употребляется прилагательное *артых* 'лучший'; а сравниваемые предметы — это обычно слова *ат* 'конь', *алыг* 'богатырь', *ир* 'мужчина', *кӱг* 'мелодия', *ыр* 'песня' и т. п. По структурному типу эти словосочетания бывают обычными: адъективное словосочетание входит в качестве определяющего компонента сложного субстантивного словосочетания или же употребляется самостоятельно.

- 1) *Чалбах чирнӱң ӱстӱнде*
Аттаң артых ат пар,
Чарых тигір алтында
Ирдең артых ир пар
 (Алб., 15)

'На обширной земле
 Есть конь, лучший из коней,
 Под ясным небом
 Есть мужчина, лучший из мужчин';

Хайзы-хайзы чирде амды
Кӱгдең артых кӱг истілген,
Ырдаң артых ыр истілген
 (Алб., 88)

'Теперь в далекой-далекой земле
 Слышалась мелодия, лучшая из мелодий,
 Слышалась песня, лучшая среди песен'.

- 2) *Ат аттаң артых поладыр,*
Кізі кізідең артых тӱридір
 (Хс, 10)

'Конь бывает лучше коней,
 Человек рождается лучше людей'.

В языке хакасского фольклора, а также в разговорной речи часто встречаются словосочетания, в которых как главный, так и зависимый компоненты представлены одним и тем же прилагательным: *Тадылыгдаң тадылыг нимедір?* (загадка) 'Что вкуснее вкусного?'; *Атыгчы оол чоохтаныбысхан: «Арыгдаң арыг, сілігдең сіліг Пай оолның туңмазы, хадапірге сыххан пицезі»* (Хн, 1964, 37) 'Атыгчы оол проговорил: «Чище чистого, красивее красивого родная сестренка Пай оола». Реже подобные словосочетания употребляются и в нейтральном стиле: *Сағын хазырдаң хазыр паза пасхадаң пасха сағылып одырған, ідӱк кӱгӱрт кӱзӱрепчеткен* (Ах Т, 16, 251) 'Молния начала сверкать все сильнее и сильнее (букв. яростного яростней и другого другой) также грохотал гром'; *Столға ізігдең ізіг наа тамахтар салылча* (Лч) 'На стол ставятся новые блюда, горячее горячего'. Этим типом словосочетаний выражается не только сравнение качеств двух предметов, но и усиление качества; в этом случае они синонимичны словосочетаниям с усилительными словами *тың*, *уғаа*: *ізігдең ізіг ~ уғаа ізіг*, *сілігден сіліг ~ тың сіліг*, *уғаа сіліг*.

Словосочетания с именем в исходном падеже, помимо сравнения, могут иметь и другие значения. Так, признак или состояние, выраженное именем прилагательным, находится в зависимости от объекта, вы-

раженного зависимым именем в исходном падеже: *Чалгыс агас чилдең хортых, тидірлер чонда* (М. Ч., Кр, 16) 'Одинокое дерево ветра боится, говорят в народе'.

Иногда между определяемым и зависимым словами устанавливаются обстоятельственные отношения, это можно наблюдать в тех случаях, когда главный компонент выражается отглагольным прилагательным, и адъективное словосочетание соотносительно с глагольным словосочетанием: *ортызынаң одых* 'сломанный посередине' ~ *ортызынаң одыл парған* 'сломался посередине'; *алтынаң тизік* 'снизу дырявый' ~ *алтынаң тизіл парған* 'снизу продырявлен' и т. п.

Тип адъективного словосочетания с зависимым исходным падежом может лексикализироваться, превращаясь во фразеологическое словосочетание, например: *адамнаң даа абахай* 'очень красивый', *адамнаң даа күйстіг* 'очень сильный'. Эти фразеологизмы синтаксически уже нечленимы; значение всего фразеологизма не складывается из суммы значений каждого компонента; более того, один из компонентов уже утратил свое первоначальное лексическое значение. В них значение сравнения качества постепенно сгладилось, первый компонент приобрел значение усилителя качества.

Зависимое слово в орудном падеже. Пример: *Амды алны-кистиңерні пір көрісте тудыңар, чаада харахнаң чітіг, хулахнаң сиргек* *поларға кирек* (И. К., Чх, 116). 'Теперь будьте внимательны, на войне надо быть острым на зрение, чутким на слух'. В словосочетаниях *харахнаң чітіг* (букв. 'глазом острый'), *хулахнаң сиргек* (букв. 'ухом чуткий') признаки, выраженные определяемыми прилагательными, присущи объектам, представленным зависимыми именами *харахнаң, хулахнаң*. Иногда от объекта (зависимого компонента) может зависеть характер признака: *Кізі істеніснең сіліг паза сабылғ* (Лч) 'Человек красив и славен трудом'.

Словосочетания с орудным падежом встречаются гораздо реже, чем словосочетания с дательным и исходным падежами.

Все рассмотренные структурные типы образованы способом управления. Другим важнейшим способом синтаксической связи слов в адъективных словосочетаниях является примыкание, когда определяемая часть не требует постановки определяющей части в каком-либо падеже и оформления падежными аффиксами, а связь осуществляется с помощью порядка слов и интонацией.

Качественные имена прилагательные сочетаются способом примыкания с местоимением, наречием, глагольной формой — инфинитивом.

Указательное местоимение + качественное прилагательное. Пример: *Андағ арығ, андағ сіліг паза чоғыл* (Хн, 1964, 37) 'Больше нет такого чистого, такого красивого'. Кроме указательного местоимения *андағ*, другие местоимения в качестве определяющего компонента в простом адъективном словосочетании нам не встречались. В сложных словосочетаниях вместо местоимения *андағ* могут быть и другие указательные, а также личные, притяжательные, возвратные местоимения, причем осложненные частицей *ох, өк*. Обязательным компонентом в них выступает слово *осхас*: *тігөк осхас хызыл* 'такой же красный, как тот', *олох осхас узун* 'такой же длинный, как тот, как этот'.

Наречие + качественное прилагательное. Наречия обычно выступают определениями различных действий, но иногда могут определять и признак, являясь зависимой частью адъективного словосочетания: *угаа хысха* 'очень короткий', *тың соох* 'очень холодный', *сала чылығ* 'чуть теплый', *арығли сын* 'совершенно верный', *ырах пасха* 'совершен-

но другой', *кѳмес узун* 'немного длинный' и т. п. Наиболее часто встречаются наречия *угаа, тың*, сочетающиеся почти со всеми лексико-семантическими разрядами прилагательных. Эти наречия имеют значение общего указателя степени признака. Словосочетания с остальными наречиями в хакасском языке употребляются реже. Особенно ограничена сочетаемость имен прилагательных с наречиями *арыҕли, ырах*.

Инфинитив + качественное прилагательное. Пример: *Че чылгы хадарчызына тыстанарға сидік* (С. Т., 2, 64) 'Но трудно вытерпеть па-стуху'; *Оларның тоғызында чон темазы өдн темаа айлан парғанын та-ныхтирға өріністіг* (Лч) 'Радостно отметить, что в их работе тема на-рода стала основной темой'.

Иногда определяющей частью адъективного словосочетания может быть предикативно-атрибутивная группа; например: *Мин аны позым харағымнаң көріп аларға, кізілер чоохтасчатхандағ чахсы ба, турар ба минің прай алтыныма* (Аы, 32) 'Я на это своими глазами посмотрю, так ли хорошо, как говорят люди, будет ли стоить всего моего золота'. Здесь между словами в определяющем компоненте сложного адъективного словосочетания налицо полупредикативные отношения.

Существительное + качественное прилагательное. В этом типе имя прилагательное обозначает цвет, а существительное — конкретный предмет, с качеством которого сравнивается поясняемый, главный признак: *нымырт хара* 'черный, словно черемуха', *сикпен хара* 'черный, словно сукно', *тигір көк* 'синий, словно небо', *от көк* 'синий (зеленый), как трава' и т. п. Эти словосочетания отличаются по своему значению от сложных прилагательных, обозначающих оттенки цветов, образованных сочетанием двух прилагательных, например: *хара көк* 'темно-голубой', *ах көк* 'светло-голубой'. Такие сложные прилагательные могут обозначать также масти животных: *хызыл хоор* 'красно-каурый', *хызыл халтар* 'красно-бурый'. Сочетания существительного с прилагательным со значением цвета, на наш взгляд, не могут быть отнесены к сложным прилагательным, хотя они и ограничены в своих сочетательных возможностях: в них выражаются определительные отношения, зависимое существительное в них, не утратившее своего значения, уточняет имя прилагательное и выражает дополнительную качественную характеристику прилагательного, сравнивая его качество с качеством предмета, выраженного зависимым существительным⁸.

В хакасском языке иногда встречаются сложные прилагательные со значением оттенка, образованные в результате превращения существительного — зависимого компонента — в относительное прилагательное и потери значения сравнения: *оттығ хара* 'огненно-темный', *оттығ хызыл* 'огненно-красный'.

Имя прилагательное + прилагательное на -лығ. Прилагательные с аффиксом *-лығ*, в которых именная основа относительных прилагательных выступает весьма четко, могут определяться прилагательными, выражающими различные признаки предмета, обозначенного в основе прилагательного: *Сах андағох аймах өңніг, аймах көөліг, аймах сырлығ полған Арбаннаң килген аалқыларның ойыны* (Лч) 'Игра гостей, приехавших с Абакана, была также разнообразной по яркости, разно-

⁸ См. о сложных прилагательных, обозначающих оттенки цветов в русском языке: Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966, стр. 351.

образной по мелодии, разнообразной по цвету'; Олар чалгыс ла хойлыг полғаннар (Хн, 64, 54) 'Они имели единственную овцу'.

Существительное + прилагательное на -лыг. Имя существительное обозначает материал, из которого сделан предмет, выраженный в основе относительного прилагательного: Ус азыр хамчызы мүйс саптыг күймүснөң хоосталған (Н. Д., 110) 'С тремя концами плетъ (его) с костяной ручкой, инкрустирована серебром'; Отыгы күймүс хоостыг (Хчч, 72, 17) 'Огниво (его) с серебряным рисунком'; Оолагы аң терізі киптіг полған (Хн., 45) 'Сын (его) был в одежде из звериных шкур'.

Часто прилагательное на -лыг может сочетаться с именем существительным таким же образом, как это происходит при сравнении предмета, обозначенного основой прилагательного, предметом, выраженным именем существительным:

Алып Саадай улуғын тың улуғ алып,
Пүдізі уғаа кипсіс:
Иретке нурунның, сотка сырайлыг.

(АА, 18)

'Богатырь Саадай действительно большой богатырь,
їа внешность уж очень некрасив:
Нос редькой, лицо, словно соты'.

Эти словосочетания встречаются главным образом в фольклоре и разговорной речи.

Существительное может быть собственным именем: Аалны іскеркі саринаң үрчеткен чиллердең Монах аттыг тағ арачылапча (Лч) 'Гора с названием Монах защищает аул от восточных ветров'.

Числительное + прилагательное на -лыг. Пример: Чылғылар Чобаттың игірлерінде тоғыс пасха өңніг кизектернең харах өріндичелер (Н. Д., 134) 'Группы лошадей на излучинах Чобата радуют глаза (своими) разнообразными расцветками'; Аран-чула ах сабдар ат ікі ханаттыг хус осхас (Ач А, 84). 'Богатырский сиво-игрневый конь — словно птица с двумя крыльями'.

Наречие + прилагательное на -лыг. Пример:

Алтын Арыг хыс
Улуғ алып, көп күйстіг,
көп сағыстыг...

(АА, 106)

'Девушка Алтын Арыг —
Большой богатырь, имеющая много сил,
Много ума...'

...Пастап сурындах син суғ ээзінең, андағ ла чалахай, андағ ла күйстіг полза, ну одырған өкіс Миргенні Тулғу пайнинча маллыг ит салзын, анинча истіг ит салзын (Хчн, 55, 26) '... Вначале ты попроси у хозяина воды, если он такой отзывчивый, такой сильный, пусть сделает вот этого сидящего сироту Миргена имеющим столько скота, сколько у бая Тулгу, столько имущества, сколько у него'.

Причастие + прилагательное на -лыг. Пример:

Алтанып мүйнер аттыг пол,
Азыран чөрер тамахтыг пол.

(Хс, 42)

'Будь имеющим коня, чтобы ездить,
Имеющим пищу, чтобы есть'.

Ікізінең іңе көстеп атар анңы полтырлар, асхыр аңдара сабар кў-стіг полтырлар (Хчч, 72, 112) 'Оба были охотниками, умеющими выстрелить в иглу, имеющими силу, способную повалить жеребца'.

Звукоподражательные слова + прилагательное на -лығ. Пример: *Пур-пар чорыхтығ, пулан-сыын табыстығ* (Х.-р., 166) (Загадка. Ручная мельница) 'Имеющий ход пур-пар (звукоподражание шуму, грохоту), имеющий голос, как у лося и марала'.

Таким образом, в хакасском языке адъективные словосочетания употребляются очень широко и встречаются не только в литературном языке, но и в разговорной речи, а также в языке фольклора. Имена прилагательные, образуя адъективные словосочетания, могут распространяться путем присоединения к ним в качестве зависимого компонента всех именных частей речи. Между сочетающимися частями уславливаются определительные и объектные отношения, при этом способами связи сочетающихся слов являются примыкание и управление. Другими именами, чаще всего именами существительными и прилагательными, управляют только качественные прилагательные. Примыкают же к качественным и относительным прилагательным все именные части речи и глагольные формы — инфинитив, причастие, а также подражательные слова.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА.	— «Алтын Арығ». Абакан, 1958.
Алб.	— «Албынчы». Абакан, 1951.
Ах Т.	— журнал «Ах Тасхыл».
Ач А.	— «Ах чібек Арығ». Абакан, 1968.
Аы.	— «Алтын ыраға». Абакан, 1961.
В. К., А.	— В. Кобяков. Айдо. Абакан, 1959.
И. К., Чх.	— И. Костяков. Чібек хур. Абакан, 1966.
К. Н.	— Каркей Нербышев. Хорлаңа Хара суғ. — «Хакас чоохтарының чыындызы». Абакан, 1972.
Лч.	— Газета «Ленин чолы».
М. Г.	— «Рассказтар». Абакан, 1957.
М. Ч., Кр.	— М. Чебодаев. Крепин. Абакан, 1959.
Н. Д.	— Николай Доможаков. Ыраххы аалда. Абакан, 1960.
С. Т.	— Салчак Тока. Араттың сөзі. Абакан, 1960.
С. Ч., Пт.	— Сергей Чарков. Пастағы таныстарым. Абакан, 1959.
Хн.	— «Хакас нымахтары». Абакан, 1964.
Хппз.	— «Хакаские пословицы, поговорки».
Х.-р.	— «Хакасско-русский словарь». Москва, 1953.
Хс.	— «Хыйгаларның сөзі». Абакан, 1968.
Хчн.	— «Хакас чоңының нымахтары». Абакан, 1955.
Хчч.	— «Хакас чоохтарының чыындызы». Абакан, 1968.

И. М. ОТАРОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Значение исследования профессиональной лексики для изучения языка отмечалось многими учеными¹. Терминология в области отдельных ремесел способствует установлению связи семантики слов с обозначаемыми ими явлениями. В отраслевой народной терминологии исторический интерес представляют в первую очередь редко употребляющиеся слова, возникшие в процессе непосредственной трудовой деятельности людей и составляющие определенный пласт общенародного языка.

Изучение профессиональной лексики в тюркских языках ведется сравнительно недавно. Что же касается карачаево-балкарского языка, то здесь эта работа, можно сказать, только начинается.

В течение ряда лет нами собирались путем устного опроса местных жителей Карачая и Балкарии народные термины, обозначающие названия одежды, обуви, их частей, необходимых для их изготовления сырья и орудий труда, а также лексика, связанная с процессом производства.

Исследование этой тематической группы слов особенно важно потому, что она связана «с одним из подвижных элементов материальной культуры, что, в свою очередь, обуславливает ее чрезвычайную подвижность (сравнительно, например, с терминологией прядения и ткачества, с лексикой флоры и фауны, даже с лексикой жилища и строительства)»².

В данной статье рассматриваются основные наименования обуви и ее частей, дается этимологизация некоторых названий на сравнительном материале.

* * *

Несмотря на то, что сапожное ремесло в Карачае и Балкарии не получило большого развития, однако лексика, связанная с ним, довольно обширна.

Ajaq kijim (букв. 'ножная одежда') — общее название обуви, имеющее соответствия и в других тюркских языках: тат. *ajaq kijeme*, тур. *ajaqqaby*, якут. *atax tangasa*, гаг. *ajaq qaby*, кирг. *but kijim* и т. д.

¹ См.: С. Ибрагимов. Профессиональная лексика узбекского языка (на материалах ферганских говоров). Ташкент, 1961, стр. 5; Ф. П. Филин. Рецензия на книгу И. С. Вахрова «Наименования обуви в русском языке». — «Лексикографический сборник», вып. 6. М., 1963, стр. 166; А. А. Юлдашев. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972, стр. 87, и т. д.

² Ю. П. Чумакова. Об изменениях семантики в словаре одежды. — «Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия лингвистическая», вып. 68, 1964, стр. 152.

Yšym 'ноговицы'. Распространенный вид мужской обуви без носков, со штрипками. Ноговицы имели названия в зависимости от того материала, из которого были изготовлены: *šerkep yšum* 'ноговицы из домашнего сукна', *saxtijaп yšum* 'сафьяновые ноговицы'. **Yšum** — тюркское слово, имеющее различные значения. Ср. МК (III, 27) *jīšim* 'носки', ТАС *išijim* 'штаны, нижнее белье', СС *yšum* 'род панталон', РС (III, 529) *išim* 'носок, чулок', ног. *sum* 'ноговицы', кирг. *šum* 'брюки'. Ноговицы плотно охватывали ногу от щиколотки до колена. Под коленом их подвязывали ремешками *yšum bac*, напоминавшими поясной ремень.

Ujuq 'войлочные носки', которые обычно носят пожилые люди. Слово это исконно тюркское: МК (I, 425) *ujuq* 'нечто, подобное портянкам, наматывающееся на ичиги', ДТС *ujuq* 'войлочный чулок', каз. *ujuq* 'носки', тув., алт. *uq* 'чулки', ног. *ujuq* 'чулок'. В карачаево-балкарском языке *ujuq* в настоящее время обозначает также «валенки». Характерно, что валенки в других современных тюркских языках имеют иные названия: кирг. *kijiz ötük*, каз. *pima*, кумык. *kijiz etik* и т. д. В словаре В. В. Радлова (I, 1633) *ujuq* выражает оба значения: «чулок» и «валенки».

Mes || карач. *mesi* 'сафьяновые сапожки без каблуков'. Их также большей частью носят пожилые люди. Слово *mes* имеется во многих языках в различных фонетических вариантах, но с одним значением. Ср. РС (IV, 2108) *mese* 'татарские ичиги с мягкими подметками', азерб. *mäst* 'мягкие сапоги из тонкой кожи', каб.-черк. *mest* 'мягкие кожаные чуваки, охватывающие всю ступню и незначительную часть голени', арм. *masxer* 'сапожки из мягкой кожи, без подошв'³.

Gön čaryq 'мужская крестьянская обувь из цельного куска выделанной кожи'. Изготавливали ее из кожи крупного рогатого скота домашней выработки. У этой обуви имелся шов на заднике, носке и верхней передней части, от носка до подъема. В составном термине *gön čaryq* первый компонент — тюркское слово, означающее «кожа». Ср. тат. *kün* 'выделанная кожа', азерб. *gön*, чув. *šep* 'сыромятная кожа'. Второе слово *čaryq* — тоже исконно тюркское. Еще в словаре Махмуда Кашгари (I, 362) значится *čaryq* 'род обуви'. РС (III, 1863) *čaryq* 'грубая обувь крестьян', 'куски кожи, которыми обвязывают ноги'. Кирг. *čaryq* 'род обуви из сыромятной кожи'; в том же значении: ног. *šaryq*, кумык. *gön čaryq*, азерб. *čaryg*, гаг., алт. *čaryq*. Это же значение имеет данный термин в ряде нетюркских языков: курд. *čagex*, талыш. *čagux*, калм. *čärg*, дигор. *gopčaryx*. Об этом названии пишет и В. Бунашев: «Чарык — обувь, постолы (род сандалий), сделанные из лошадиной кожи, употребляемые бедными татарами в Крыму»⁴. *Čaryq* входит в состав названий различных видов мужских и особенно женских чуваков: *saxtijaп čaryq* 'женские сафьяновые чуваки с подошвами из сыромятной кожи', *ebze čaryq* 'мужские и женские чуваки из овечьей или козьей кожи' (букв. 'сванские чуваки'): *bystyr čaryq* 'тапочки на кожаной подошве с суконным стеганым верхом'. По М. Хабичеву, *čaryq* < *čaru* < *žaru* 'замша из овечьей шкуры'⁵. В селах Черкесского уезда *gön čaryq* имеет названия: *čerkes čaryq* (букв. 'кабардинский чарык') и *dügen čaryq* || *düger čaryq* (букв. 'дигорский чарык'). Это дает основание пред-

³ «Народы Кавказа. Этнографические этюды», т. II. М., 1962, стр. 519.

⁴ В. Бунашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, I—II. СПб., 1843, стр. 332.

⁵ М. Хабичев. Карачаево-балкарское именное словообразование (опыт сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1971, стр. 76.

полагать, что данный вид обуви был заимствован карачаевцами и балкарцами у соседних северокавказских народов.

Ѓабур 'чувяки из сыромяти с плетеными подошвами, чабуры'. О них еще в 1882 году О. В. Маргграф писал: «Переплет из ремня, заменяющий у горного поршня подошву, служит в горах хорошую службу, так как каждый ремешок цепляется за малейший выступ, причем нога не скользит на кручах»⁶. В настоящее время чабуры редко можно увидеть у пастухов и охотников. Как и чарыки, их тоже носят на босую ногу, с подстилкой из сухих трав. Следует отметить, что использование сухой травы в этих целях было распространено на Северном Кавказе и за его пределами⁷. Слово *Ѓабур* в значении вида обуви встречается еще в некоторых языках: осет. *dzabur* 'чувяк', дарг. *dabri*, сван. *Ѓебер* 'обувь для хождения по крутым склонам'.

Объясняя происхождение термина *Ѓабур*, В. И. Абаев (I, 387) пишет: «Исходное значение слова было связано, по-видимому, с понятием плетеной обуви. Переходное от „плетня“ к „обуви“ значение представлено в памирском рушском языке: *Ѓараг* 'плетенки из прутьев, употребляемые для ходьбы по снегу'. В пользу этой этимологии говорит и наличие в персидском языке слова *چتر* (*Ѓараг*) 'плетень' (РПС, 604). Ср. кирг. *Ѓабуга* 'корзина, плетенная из прутьев' (Юдахин, 832).

Названия основных деталей чабуров.

Хујун 'ремешок из сыромятной кожи для плетения подошв чабуров'. Несомненно, что это слово происходит от осет. *хујен* 'нити'⁸. Характерно, что ремешки для плетения подошв чабуров карачаевцы называют не *хујун*, а *tilimdi* (ср. *til-* 'разрезать на узкие полоски'), слово же *хујун* у карачаевцев означает 'нить из сухожилий животных'.

Ѓуц 'петля в чабурах, то есть отверстие, через которое пропускается ремешок при плетении подошв'. По Абаеву (I, 295), термин произошел от осет. *seg* 'звено', 'петля', 'узел'.

Бацур 'задняя часть чабура с петлей, с помощью которой натягивался чабур на ногу', 'натягач'. Эту деталь еще называют *Ѓабур қулақ* (букв. 'ухо чабура').

Балақ 'изгиб на поперечном своде стопы и на подошве'. Следует отметить, что данное значение это тюркское слово выражает только в карачаево-балкарском языке. Ср. РС (IV, 1432) *balaq* 'нижний край штанов', азерб. *balag*, кум. *balaq* 'нижняя часть брюк', ног., тат. *balaq* 'штанина'.

Табьлдурьц || табальдурьц 'широкая часть ремня, служащего для прикрепления чабуров к ноге'. Эта часть ремня проходила по изгибу поперечного свода стопы (см. выше *balaq*). Слово встречается в словаре В. В. Радлова (III, 966): *tabandyryq* 'подошва обуви' и (III, 968) *tabaldyryq* (от *tabandyryq*) 'подошва из травы'. Ср. МК (I, 482) *sakaldyryq* 'шелковый шнурок для прикрепления колпака к подбородку', кар.-балк. *burunduryq* 'намордник верблюда'⁹, кум. *aldyryq* 'фартук, передник', тув. *mojunduryq* 'воротник'.

⁶ О. В. Маргграф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882, стр. 171.

⁷ См.: С. Ш. Гаджиева. Каякентские кумыки. — «Кавказский этнографический сборник», II. М., 1958, стр. 43; «Материальная культура аварцев». Махачкала, 1967, стр. 225; Ю. П. Зыбин. Технология обуви. М., 1953, стр. 12 (говорится о подобной обуви, используемой на Дальнем Востоке).

⁸ В селах Черекского ущелья, пограничных с Осетией, *хујун* является названием суровых ниток из конопли. Ремешки же, употреблявшиеся для плетения подошв, там называются *угусхуп*.

⁹ М. Хабичев. Указ. раб., стр. 195.

Salam || **čabyr salam** 'сухая трава, которой набивали чабуры и чарыки для согревания ног'. РС (IV, 353) **salam** (из русск.) 'солома'. Виды травы, употреблявшиеся в этих целях, называются: **žipi salam**, **zaba salam**, **qara salam**, **geleu salam**, **zarak salam** (карач. **žarak salam**), **ajuučač salam**, **burdu salam**, **dommu salam**, **tuuuz salam**.

Midel 'мятая трава, повторно вкладываемая в обувь горцев для согревания ног'. Повторно могла быть использована только трава хорошего качества, такая, как **zarak salam**. В некоторых селах Черекского ущелья **midel** называют еще **fadauan**. Это слово, очевидно, осетинского происхождения: ср. осет. **fadxos** 'мягкое сено, которое кладут в обувь горцев' (**fad** 'нога', **xos** 'сено').

Ю. П. Зыбин совершенно правильно отмечает: «В классовом обществе даже к такому изделию первой необходимости, как обувь, разные классы предъявляют различные требования. Ввиду того, что обувь не только предохраняет часть тела человека от внешних воздействий, но и является предметом украшения, в ней в значительной мере отражается социальный заказ потребителей»¹⁰. Образцом такой обуви у горцев Кавказа были женские «ходули», у карачаевцев и балкарцев носившие название **ауаč ајақ** (букв. 'деревянная нога'). Эта обувь, представлявшая собой платформу высотой 20 см, украшалась серебрянными накладками и обшивалась бархатом. Такую обувь носили девушки княжеского происхождения, подчеркивая тем самым свою принадлежность к высшему сословию.

Čyndaj 'чулки'. Горянки изготовляли их сами из шерсти. Следует отметить, что слово **čyndaj** в других тюркских языках нам обнаружить не удалось. Это дает основание считать верной этимологию В. И. Абаева (I, 341): балк. **čyndaj** 'чулок' <осет. **čynda** 'носок, чулок' <груз. **činda** 'носок'. Ср. груз. **činda** 'вязанные шерстяные носки'¹¹.

Ауаč баšтақ 'деревянные башмаки' — обувь с каблуками, на деревянной подошве, без задников и с вышитым кожаным носком. Это домашняя обувь, в некоторой степени заменявшая галоши. Тюркское слово **bašmaq**, образованное аффиксальным способом (**bas** 'наступать' + аффикс **maq**), в значении 'восточная обувь на низких каблуках без задников' заимствовано многими языками.

Čuquq 'обувь на твердой подошве и каблуках; сапоги'. Это слово выражает также такие виды обуви, как ботинки, туфли, сандалеты и т. д. Сапоги иногда называют более точным составным словом **bašly čuquq** (букв. 'ботинки с голенищами') или **uzunbaš čuquq** (букв. 'длинноверхие ботинки'). По мнению В. И. Абаева (I, 326), **čuquq** произошло от тюркского **čaγuk**. С этой этимологией согласен и М. Хабичев¹². **Čuquq** в значении «сапог» бытует еще в нескольких языках народов Северного Кавказа: осет. **сугухх**, каб.-черк. **šугуқи**, адыг. **ššугуқи**. Вместе с тем следует отметить, что это слово в других тюркских языках не встречается.

Различные виды сапог имеют следующие названия: **kirza čuquq** (карач. **keten čuquq**) 'кирзовые сапоги', **xəmt čuquq** 'хромовые сапоги'. В художественной литературе встречается термин **zabit čuquq** 'хромовые сапоги высокого качества, со скрипом' (досл. 'офицерские сапоги'). Их носили в дореволюционную эпоху военные и чиновники, на это указы-

¹⁰ Ю. П. Зыбин. Указ. раб., стр. 17.

¹¹ Г. Г. Голетиани. Грузинская лексика в русском языке (Краткий тематический словарь). Тбилиси, 1972, стр. 121.

¹² М. Хабичев. Указ. раб., стр. 76.

вает и арабский этимон слова: ظابط (zaabitun) 'офицер' (РАС, 635).

Приведем названия основных деталей сапога.

Čuruq baš 'голенище'.

Taban 'каблук'. Следует отметить, что в древних источниках и в некоторых современных тюркских языках taban значит не «каблук», а «подошва»: СС taban, каз. taban, чув. tuṛan 'подошва (у ноги и обуви)', но азерб. daban и кум. taban 'каблук'.

Oltaŋ 'подошва, подметка'. МК (I, 116) uldaŋ 'подметка, подошва башмака', РС (I, 1323) ultaŋ 'подошва', алт. ultaŋ, тув. ulduŋ, кирг. ultaŋ.

Čulṣau 'портянка'. (По мнению И. С. Вахроса, от тюркского čulṣau произошло русское čulok)¹³.

Tobulduruq 'набедренники, — накладки на коленный сустав и нижнюю часть бедра для утепления'. Их носили (изредка носят и сейчас) в основном пожилые люди. Делались набедренники из овчины или домотканого сукна, стеганного из шерсти. Карачаевцы называют их tobuqluq от tobuq 'колено'. Tobulduruq также образовано от tobuq. Ср. рассмотренное выше tabylduruq 'часть ременной завязки чабура' от taban 'подошва'.

Galoš 'галоши'. Употребление двойной обуви было широко распространено у тюркских народов¹⁴. До недавнего времени у карачаевцев и балкарцев было в обычае ношение галош поверх обычной обуви. В селах галоши в дождливую погоду носят и сейчас, особенно с валяной обувью. Слово galoš заимствовано через русский язык без каких-либо изменений. Пожилые мужчины в селах носят tereŋ galoš 'остроносые глубокие галоши'. Их называют еще čüjüt galoš (букв. 'еврейские галоши').

В составе лексики, связанной с обувью, имеются и детские слова čakka и čarra 'обувь'¹⁵. От них, очевидно, образовано звукоподражательное слово šyrtčakka (карач. čyrtčarra) 'женщина с небрежной походкой, наступающая на задники башмаков'.

В настоящее время в карачаево-балкарском языке широко употребляются слова, заимствованные из русского или через русский язык, например: poski 'носки', sandal 'сандалии', portjanka 'портянка' (наряду с čulṣau), tuflı 'туфли', botinka 'ботинки' (наряду с čuṣuq), bosopožka 'босоножки', keda 'кеды' и т. д.

Таким образом, большую часть названий обуви и ее деталей составляют тюркские слова. Некоторые термины заимствованы из русского, осетинского, персидского и других языков. При этом русские и интернациональные названия, заимствованные в советское время, освоены карачаево-балкарским языком без каких-либо изменений.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Абаев — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958.
ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.

¹³ И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959, стр. 115.

¹⁴ W. Radlov. Aus Sibieren, I. Leipzig, 1884, стр. 460.

¹⁵ По мнению М. Хабишева, čarra < čar 'бежать'. См.: М. Хабишев. Указ. раб., стр. 160.

- МК* — Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк. Перевод С. Муталибова, тт. I—III. Тошкент, 1960—1963.
- РАС* — «Русско-арабский словарь». Сост. В. М. Борисов. М., 1967.
- РПС* — «Русско-персидский словарь». Под ред. А. Асадуллаева и Л. С. Пейсикова. М., 1965.
- РС* — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I—IV. СПб., 1891—1911.
- СС* — G. Kuhn. Codex Sumanicus... Budapest, 1880.
- ТАС* — А. К. Курышжанов. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века — «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.
- Юдахин* — К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
-

Д. Г. ТУМАШЕВА, М. А. УСМАНОВ, Ф. М. ХИСАМОВА

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ СТАРОТАТАРСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Старотатарский литературный язык, широко функционировавший по меньшей мере в течение пяти столетий (XV—XIX века), восходит, с одной стороны, к кыпчакско-огузскому (или золотоордынско-хорезмскому) литературному языку¹, сформировавшемуся в XIII—XIV веках и распространенному на огромной территории², а с другой — к местным диалектам Среднего Поволжья и Приуралья³. Несмотря на сложные и малоблагоприятные условия исторического и культурного развития татар в указанный период (завоевательные войны, многочисленные восстания и жестокое их подавление, отсутствие организующих светских центров, засилье мусульманского духовенства, предпочитавшего родной речи «язык Корана» и т. д.)⁴ — сохранилось значительное количество письменных памятников, созданных на старотатарском языке.

Эти памятники представлены различными жанрами. Среди наиболее характерных образцов литературных произведений можно назвать поэмы Мухаммедъяра (первая половина XVI века), «хикматы» Мавля Кулы (XVII век), произведения Абдурахима Утыз-Имяни (конец XVIII века), стихотворения Абдулджаббара Кандалий (XIX век) и др. В языковом отношении весьма своеобразны памятники полуписьменной и полупоэтической поэзии XVII—XIX веков, многочисленные образцы которых найдены за последние годы благодаря организации археографических поисков у населения. Несомненную ценность в языковом плане представляют памятники татарской исторической письменной традиции периода феодализма и прежде всего такие произведения, как «Сборник летописей» Кадыр-Алибека (1602 год), «Дафтари Чингиз-наме» анони-

¹ О вопросах терминологии, а также об основных памятниках литературы Джучиева Улуса см.: Э. Н. Наджип. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века. Автореф. докт. дисс. М., 1965, стр. 15—20; его же. О некоторых недостатках в изучении истории тюркских языков. — «Советская тюркология», 1970, № 6, стр. 48—55.

² См.: А. Н. Самойлович. К истории крымско-татарского литературного языка. — «Вестник научного общества татароведения». Казань, 1927, № 7, стр. 27—28; его же. К истории среднеазиатско-турецкого литературного языка. — В сб. «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 3—5, 20—23.

³ Как пишет А. К. Боровков, «...После монгольского завоевания процесс образования и развития тюркских литературных языков принял вполне определенный характер: в Поволжье, в Крыму и Закавказье, в Средней Азии и Малой Азии возникли литературные центры, и к XV в. сложилась диалектная основа литературных языков: татарского, крымско-татарского, азербайджанского, староузбекского („чагатайского”), туркменского и турецкого» (см.: А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тевфисира XII—XIII вв. М., 1963, стр. 21 (подчеркнуто нами. — Авторы).

⁴ О судьбе татарского литературного языка XVI—XIX веков см.: М. А. Усманов. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972, стр. 63—68.

ма (конец XVII века), образцы многочисленных татарских шаджара. Богатый лингвистический материал содержится в рукописных и печатных словарях XVII—XVIII веков⁵, в грамматических исследованиях ранних тюркологов и учебных пособиях по татарскому языку конца XVIII — первой половины XIX столетия⁶. Особое место среди старотатарских памятников занимают многочисленные образцы деловой письменности XVI—XVIII веков, на которых мы и остановимся подробнее.

Литературным и деловым языком в ханствах Восточной Европы XV—XVI веков, возникших на окраинах Джучиева Улуса, был традиционный кыпчакско-огузский письменный язык — официальный язык распавшейся империи, с одной стороны, и язык «большинства населения» этих ханств — с другой⁷, об этом свидетельствуют языковые памятники, например, ханские ярлыки Казани и Крыма⁸. Это обстоятельство обусловило своеобразие делового языка казанских татар в более позднее время.

В XV—XVI веках, в силу давней традиции, функциональным языком в русско-татарских сношениях служил турецкий письменный язык — официальный язык татарских ханств. Об этом свидетельствуют многочисленные факты приложения к великокняжеским дипломатическим грамотам, адресованным татарским ханам, их тюркоязычных противий, то есть равноценных оригиналам переводов-дубликатов, выполненных татарскими толмачами в московской канцелярии, одновременно переводившими также ханские ярлыки на русский язык⁹. Эти толмачи и переводчики «были татарскими или происходили из татар»¹⁰. Именно по этой традиции, а также в связи с тем, что «благодаря находившимся на русской службе татарам, русское правительство для сношений с правительствами мусульманских стран располагало готовыми кадрами переводчиков»¹¹, в XVII—XVIII веках в Посольском приказе в Москве служила целая группа из татар¹². Поэтому в сношениях России не только с Крымом, Турцией и ханствами Средней Азии, но также с правительствами Ирана, Индии, Монголии русские послы и посланники снабжались документами и грамотами, составленными на старотатарском языке (ответы на царские грамоты присылались из Ирана на староазербайджанском, из ханств Средней Азии — на староузбекском, таджикском, из Турции — на старотурецком языках и т. д.)¹³.

⁵ См.: *Мостафа Ногман*. XVII—XVIII йәзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр. Казан, 1969.

⁶ См.: *А. Н. Кононов*. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, стр. 180—200; библиографические материалы см.: «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период». М., 1974.

⁷ *А. К. Боровков*. Опыт филологического анализа тарханских ярлыков, выданных ханами Золотой Орды русским митрополитам. — «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка». М., 1966, т. XXV, вып. I, стр. 13.

⁸ Библиографию вопроса см.: *М. А. Усманов*. Официальные акты ханств Восточной Европы XIV—XVI вв. и их изучение. — «Археографический ежегодник за 1974 год». М., 1975, стр. 117—135.

⁹ Ханские ярлыки, выдаваемые русским князьям и митрополитам в XIII—XIV веках, составлялись, как правило, на официальном языке империи — турецком (*А. К. Боровков*. Опыт филологического анализа...); подробнее см.: «Сборник Русского исторического общества. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными». СПб., т. 41, 1884; т. 95, 1895.

¹⁰ *А. Н. Кононов*. История изучения тюркских языков..., стр. 21.

¹¹ *В. В. Бартольд*. История изучения Востока в Европе и России. Лекции. Л., 1925, стр. 182.

¹² *С. А. Белокуров*. О Посольском приказе. М., 1906, стр. 54—57, 131—152.

¹³ Образцы документов см.: «Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов». М., 1958; «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР» ч. I. Л., 1932; *М. А. Усманов*. Новый документ о Степане Разине (Татарский перевод неизвестной грамоты Алексея Михайловича). — «Вопросы историографии и источниковедения», сб. IV. Казань, 1969, стр. 321—328.

Судя по лексико-грамматическим особенностям этих документов, основной контингент татарской канцелярии в Москве составляли традиционно служилые татары-мишари Касимова, Романова и Темникова¹⁴, из среды которых иногда выходили крупные чиновники общегосударственного масштаба. К числу последних принадлежал, например, Кутлу-Мухаммад мирза Тевкелев — потомок касимовских аристократов, переводчик по секретным делам при Петре I, посол России в Казахстане, способствовавший мирному присоединению его к России, генерал-майор, правитель обширного Оренбургского края в 1751—1753 годах и т. д.¹⁵ Упомянутые выше источники по русско-восточным отношениям XVII—XVIII веков свидетельствуют о том, что К.-М. Тевкелев был лишь одним из наиболее крупных деятелей-татар, принимавших непосредственное участие в русско-восточной переписке вплоть до начала XIX столетия¹⁶. По этой причине не только в хранилищах Москвы, но также в архивах окраинных городов России того периода — Казани, Уфы, Оренбурга, Астрахани, Tobольска и др. отложилось огромное количество документов на старотатарском литературном языке, содержание которых представляет большую ценность для изучения русско-восточных отношений, а их лексико-грамматические данные — богатейший фактический материал, позволяющий проследить историю старотатарского литературного языка.

Наряду с сугубо историческими факторами (традиционность русско-восточной переписки XVII—XVIII веков, «промежуточное» положение татарского населения в русско-восточных контактах и т. д.), в развитии официального делопроизводства на старотатарском языке и накоплении большого количества официальных материалов в архивах названных выше городов большую роль сыграли и другие причины социального и культурного характера. Во-первых, вследствие переселения в XVII—XVIII веках части татар в восточные окраины России, прежде всего в такие города, как Уфа, Оренбург, Tobольск, Омск и другие, постепенно образовались своеобразные локальные центры татарской письменной культуры и просвещения¹⁷. Во-вторых, весьма существенное значение имело развитие в период XVIII—XIX веков практической тюркологии, призванной удовлетворить потребности администрации в соответствующих кадрах (татарский язык преподавался в гимназиях и училищах городов Центра, Поволжья и Западной Сибири)¹⁸.

Именно развитием практической тюркологии объяснялось то, что контингент тюркоязычных толмачей и переводчиков XVIII—XIX веков теперь набирался уже не только из татар-мишарей, но и из представителей этих новых центров средоточия татар. К переводческой деятельности наряду с татарами начали привлекаться и представители других народов, например, башкиры, казахи, обучавшиеся старотатарскому языку в учебных заведениях названных городов.

Одним словом, превращение старотатарского литературного языка в один из функциональных языков русско-восточной (а для XVIII—XIX веков — русско-тюркской) переписки — явление исторически вполне закономерное и понятное. В развитии этого процесса решающую роль сыг-

¹⁴ См.: С. А. Белокуров. О Посольском приказе, стр. 147, 152.

¹⁵ Подробнее об этом см.: «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Сборник документов и материалов». Алма-Ата, 1961, стр. VII—IX, 37 и след.

¹⁶ Следовательно, утверждение В. В. Бартольда, что «татарский язык был некоторое время языком дипломатических сношений между Россией и Персией», выражает лишь часть истины (см.: В. В. Бартольд. История изучения Востока..., стр. 182).

¹⁷ А. Фатхи. Мағрифат төбәкләре һәм әдәби бағланлылар. — В журн.: «Казан улары», 1968, № 2, стр. 103—122.

¹⁸ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков..., стр. 115—125.

рали историческая судьба этого языка, а также традиции русско-восточной дипломатии. Старотатарский язык в значительной степени удовлетворял практическим требованиям эпохи, ибо его близкое генетическое и культурно-историческое родство с другими старотюркскими письменными языками делало его доступным пониманию многочисленных тюркоязычных народов Приуралья, Казахстана и Средней Азии. Благодаря этим объективным причинам в архивах Уфы, Оренбурга, Алма-Аты¹⁹, в делах сношений русской администрации со ставками башкирских, казахских родо-племенных предводителей сохранилось огромное количество актовых документов на старотатарском языке, составленных, помимо Оренбурга, Уфы, также в других городах и степях от имени башкирских бийев, казахских султанов, старшин и беков.

Необходимо отметить, что в результате целенаправленной административной и языковой политики царизма в походные канцелярии башкирских и казахских правителей настойчиво включались в качестве официальных письмоводителей грамотные татары²⁰, у которых на родине оставались естественные заложники (семья, родственники). Стала проявляться также тенденция к искусственному торможению развития делопроизводства на языках местного населения. Так, например, официальные тюркоязычные документы, составленные собственно в Казахстане, в подавляющем большинстве были по фонетико-грамматическому строю и основной лексике (за исключением местных реалий) скорее татарскими или узбекскими, нежели казахскими, в то время как акты, составленные казахами в Восточном Туркестане (например, в Илийском округе Синьцзяна), содержали значительно больше казахских разговорных элементов²¹.

Поэтому естественно, что в соответствующих фондах архивов указанных городов хранятся тюркоязычные акты документы наряду со старотатарским языком, также на староузбекском, старотуркменском и собственно казахском языках. Начиная с середины XIX века, удельный вес таких документов заметно увеличивается. Это объясняется тем, что колониальная администрация царизма на Востоке устанавливает прямые контакты со среднеазиатскими ханствами и уйгурами Восточного Туркестана. Что же касается предшествующего периода, то есть второй половины XVIII — начала XIX века, то тогда в делопроизводстве колониальной администрации на Востоке старотатарский язык прочно занимал второе место после русского и сфера его функционирования выходила далеко за пределы расселения татарской народности. В третьей четверти XVIII века в обширном регионе Поволжья—Приуралья на старотатарском языке был создан целый комплекс интереснейших по содержанию и форме татароязычных документов эпохи крестьянского восстания 1773—1775 годов под предводительством Емельяна Ивановича Пугачева.

¹⁹ Часть Оренбургского архива, а именно фонды, имеющие непосредственное отношение к связям с казахами, в 20—30-е годы нашего столетия были переведены в Казахстан (ЦГА Казахской ССР, фонды 3, 4, 21, 641, 78 и т. д.).

²⁰ См.: образцы дел ЦГА Казахской ССР, ф. 4. (Оренбургская пограничная комиссия), оп. I, ед. хр. 1218. — «О назначении З. Рафикова муллой-письмоводителем к султану Джангерову», ед. хр. 2666. — «Дело о разрешении должностным лицам-казахам вести деловую переписку на татарском языке», ед. хр. 4640 — «Дело об определении на службу к хану Ширгазиеву Идиги письмоводителя С. Хабибуллина» и т. д., и т. д.

²¹ См.: ЦГА Казахской ССР, ф. 21, оп. I, ед. хр. 22, лл. 9, 11, 110б. Для казахов Кульдзинского района даже правительственные обращения составлялись на чистом казахском языке (там же, ед. хр. 20, лл. 2, 200б).

На первый взгляд, между делопроизводством правительственной администрации на Востоке и татароязычными документами, относящимися к крестьянскому движению, как будто и нет прямой связи. Тем не менее между ними существует самая непосредственная связь, ибо Е. И. Пугачев, выдававший себя за «царя Петра Федоровича», к своим «инородческим подданным» на востоке империи обращался на принятом в государстве старотатарском языке («татарском», по терминологии той эпохи). Именные указы и манифесты, адресованные казахам, башкирам и татарам, писались в ставке Пугачева на русском языке и там же переводились его сподвижниками-татарами на понятный тюркоязычным народам старотатарский язык. Из 46 известных на сегодня именных указов и манифестов Е. И. Пугачева, изданных на начальном этапе восстания, десять дошли до нас в обратном «переводе с татарского языка на русский»²². Пример этот, поданный «добрым царем» (который фактически поддерживал лишь традицию), был сразу подхвачен и развит повстанческими массами «инородцев» — башкир, татар, казахов. Поэтому в указанном сборнике, представляющем наиболее полное издание документов, исходивших из лагеря повстанцев, 115 из 565 единиц являются старыми русскими переводами документов, попавших в руки карателей в татарском оригинале²³. Опубликованные в данном издании русские переводы татароязычных документов составляют лишь небольшую часть материалов, сохранившихся в оригинале.

Впервые об этих документах широкой научной общественности стало известно лишь после Октябрьской социалистической революции из статьи В. Забирова, охарактеризовавшего одно из дел Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА, № 6, ед. хр. 416, ч. II), содержащее значительное количество материалов на старотатарском языке²⁴. В дальнейшем эти и другие аналогичные документы изучались историками и филологами Казани и Уфы²⁵. В настоящее время выяснилось, что в различных делах ЦГАДА²⁶ сохранилось около тысячи подобных документов на полутора тысячах листов.

Эти документы делятся на две большие группы: к первой относятся документы, составленные в лагере самих повстанцев, ко второй — изданные представителями местных баев-феодалов, сохранивших верность царскому правительству. Для историков и филологов, несомненно, представляют интерес обе группы материалов. Однако здесь мы ограничимся краткой характеристикой лишь первой группы, ибо эти документы как по содержанию, так и по своей форме и языку заслуживают особого внимания.

²² См.: «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг.». М., 1975, док. №№ 2, 6—8, 12, 22, 24, 25, 30 (датируются с 18 сентября по конец декабря 1773 года).

²³ См.: там же, стр. 23—41, 68—71, 110—128, 146—155, 179—180, 200—201, 213—214, 230, 237—242, 254—257, 290—300, 304, 309, 311—339, 347—353, 359—360.

²⁴ В. Забиров. Новые источники об участии националов в Пугачевщине. — «Проблемы источниковедения», вып. I. М.—Л., 1933, стр. 22—49.

²⁵ С. Х. Алишев. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973; М. А. Усманов. Источниковедческое значение документов на татарском языке времен Крестьянской войны 1773—1775 гг. — «Проблемы историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773—1775 гг.» (далее — ПИИКВ). Тезисы докладов. Казань, 1974, стр. 8—11; С. Алишев, М. Госманов. Боек крестьяннар сугышына 200 ел. — Журн. «Казан утлары», 1973, № 9, стр. 134—159 (публикация 29 документов в качестве приложения); Р. Х. Халикова. Язык башкирских исторических, юридических деловых документов XVIII века. Автореф. канд. дисс. М., 1963; Ф. С. Фасеев. Опыт анализа старотатарских документов деловой письменности времен Крестьянской войны 1773—1775 гг. — «ПИИКВ», стр. 41—44; Ф. М. Хисамова. Некоторые морфологические особенности татароязычных документов Пугачевского восстания. — «ПИИКВ», стр. 38—40.

²⁶ ЦГАДА, ф. 6, ед. хр. 416, ч. II, ед. хр. 507, 592, 593 и др.

По содержанию документы первой группы делятся на: именные указы и манифесты Е. И. Пугачева; распоряжения Государственной военной коллегии повстанцев; воззвания и обращения к населению предводителей отдельных соединений и группировок (Салавата Юлаева, Кинджи Арсланова, Бахтияра Канкаева, Канзафара Усаева, Караная Муратова и др.); рапорты, отчеты последних перед вышестоящими инстанциями; распоряжения, приказы пугачевских «полковников», «старшин» нижестоящим подразделениям; переписку между отдельными группировками и отрядами; билеты и ордера, выданные некоторым населенным пунктам или лицам по различным поводам; удостоверения, выданные посыльным и гонцам; списки составов некоторых повстанческих отрядов; рапорты разведчиков-повстанцев о действиях карателей; протоколы допросов и «полевых судов» над пленными офицерами царской армии и местной знатью и т. д., и т. п.

Большинство этих документов, как уже отмечалось, сконцентрировано в деле 416 (ч. II), включающем более 350 единиц на 444 листах различного формата²⁷.

Как показывает анализ состава этих документов по именам издателей, писцов, а также по содержанию, значительная часть их попала в руки карателей во время подавления крестьянского движения в Татарии, Пермской области и Башкирии. Так, например, в результате разгрома под Рыбной Слободой летом 1774 года отряда мешеряцкого «полковника» Бахтияра Канкаева в руках карателей оказалась его походная канцелярия²⁸. Отдельную группу составляют документы, связанные с деятельностью повстанцев из кунгуровских татар Пермской области. Затем идут акты, изданные на территории Башкирии и Оренбургского края. В новом сборнике документов по Башкирии представлены русские переводы (выполненные в XVIII веке) 38 документов²⁹. Несколько татароязычных актов относится к деятельности удмуртских и марийских повстанцев³⁰.

Эти документы весьма интересны и по своим внешним данным. Они написаны сравнительно мелким, небрежным почерком настилик на части или половине листа зеленовато-серой бумаги, изготовленной в середине или третьей четверти XVIII века. В большинстве случаев тексты трудно читаемы, что объясняется тем, что они составлялись зачастую недостаточно образованными писцами, нетвердо владевшими навыками каллиграфического письма и правильного изложения. Большинство документов составлялось в полевых условиях, в спешке, поэтому в языковом и стилистическом отношении они значительно отличаются от традиционных образцов старотатарских актов предшествующего времени: язык их демократичнее, ближе к разговорной речи, хотя и не всегда свободен от некоторых элементов старой письменной традиции.

Подобная особенность языка этих документов сложилась не сразу. Так, например, язык манифестов Е. И. Пугачева, изданных на начальном этапе восстания, видимо, не без помощи татарского духовенства из-под Оренбурга (например, известного Саидова посада, где одно время находилась ставка повстанцев), не отличается ни демократизмом, ни бли-

²⁷ Более подробную классификацию см.: В. Забиров. Новые источники об участии националов в Пугачевщине.

²⁸ «Советская историческая энциклопедия», т. 6. М., 1965, стр. 957—958.

²⁹ «Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов». Уфа, 1975, стр. 19, хотя в предисловии названа цифра 32, на самом деле представлены переводы 38 татароязычных документов (док. №№ 2, 4, 7, 8, 27, 29, 34, 35, 39, 42, 62, 63, 66, 70 и т. д.).

³⁰ «Документы ставки Е. И. Пугачева...», №№ 151, 488 и др.

зостью к разговорной речи (дело 416, ч. II, лл. 106 и 436)³¹, напротив, он даже слишком усложнен. По-видимому, ранние татарские секретари Пугачева, следуя старой традиции письменного языка, еще не учитывали возможностей аудитории, к которой обращались. Позднее, когда движение приобрело массовый характер, документы, издаваемые ставкой Пугачева, стали составляться на более доступном языке (лл. 14, 424, 53, 159, 185 и др.).

Что же касается документов, исходящих из среды самих повстанческих масс, то они еще ближе к разговорной речи, что совершенно естественно и закономерно. В целом, как показывают языковые данные документов, относящихся ко времени крестьянской войны 1773—1775 годов, в них наблюдается тенденция к демократизации старотатарского письменного языка. Таким образом, возник стихийный процесс образования нового литературного языка, более близкого и доступного народу.

Однако этот процесс не смог получить должного развития, ибо в результате жестокого подавления восстания наряду со свободолюбивыми устремлениями крестьянских масс были развеяны и мечты тюркоязычных участников восстания писать на своем простонародном языке.

Демократичность языка документов крестьянского восстания, близость его к народно-разговорному языку того времени подтверждается и лингвистическим анализом.

Лексика подавляющего большинства документов, особенно в их констатирующей и постановительной частях, является исконно татарской. Насыщенностью арабо-персидскими заимствованиями характеризуется лишь несколько документов, среди них упомянутый Манифест Военной коллегии Е. И. Пугачева, адресованный Бахтияру Канкаеву (л. 106). Отдельные малопонятные арабские слова встречаются в составе царского титула в начальных формулировках документов, традиционных для старотатарского делового письма.

Содержанием документов обусловлено частое употребление в них глаголов, связанных с военной организацией и делопроизводством. Подавляющее большинство этих глаголов по своей семантике и фонетическому оформлению (если исключить особенности традиционной орфографии) соответствует употребляющимся в современном татарском языке: *suıuşıduq*, *suıuşı itdük*, *suıuşı qylduq* 'сражались' *xidmät itdi* 'служил', (*äskär*) *jiarğa* 'собирает войско', *birüldi* (*bilit*) 'дан билет', *qaşıb qajıtan* 'сбежал', *jazdum* 'написал', *qulum qujdum* 'я приложил руку, я подписался', *patpisat* 'итдüm' 'я подписался', *tamğam saldum* 'я приложил тамгу', *biuruladur* 'приказывается', *qarşulyq itsälär* 'если окажут сопротивление', *qamady* 'окружил', *jandurdy* 'сжег' и т. д.

Некоторые глаголы в документах отличаются от тех же глаголов в современном языке объемом значения, сочетаемостью с другими словами или же их значение сохранилось лишь в диалектном употреблении: *juanı* в современном татарском языке означает 'утешаться, успокаиваться', диалектное значение его 'задержаться', *jüluıı* 'встречать, попасться навстречу', *qaru itü* в современном татарском языке *карулашу* 'возражать', *qystau* 'упрашивать, уговаривать гостя', сочетание *ärmigä atlanı* неупотребительно в современном татарском языке, но *atlanı* 'садиться верхом', *şabu* 'косить', 'рубить, разрубить', *basu* 'наступать, ступать', 'подавлять, усмирять', 'давить', диалектное значение — 'ограбить'. Проиллюстрируем употребление данных слов в документах: *...hičbir sa'ät juanmaıjuıça...* (л. 86) 'не задерживаясь ни на час'; *Şul jibärülgän jazı Qydracqa julyqqan* (л. 26) 'то письмо попало в руки Кыд-

³¹ С. Алишев, М. Госманов. Бөек крестьяннар сугышына 200 ел.

пача'; ...**qaru idüb** sızñı tuñlamas bulsa... (л. 92) 'если он, **сопротивляясь**, не будет слушаться вас', ...**jañadan monlapnu puxudqa däjü qystamaçajsyz** (л. 83) 'и снова их **не уговаривайте** идти в поход'; **üzgä ärmilärgä atlan-durmaçajsyz** (л. 83) '**не мобилизуйте** их в другие армии'; **Vä jänä Ruçaq avylynu çabqan** (л. 273) 'И еще **разорил** деревню Пычак'; **Kilmägäjsän, basmaçajsän, kamandanu mäşäqätländürmäğäjsän** (л. 375) 'Не иди на нас, **не наступай**, не беспокой мою команду' и т. д.

Изредка встречаются в документах также глаголы-архаизмы, традиционные для старотатарского делового письма: **äda qylyçu** 'исполняющий', **bitildü** 'написано', **istädük** 'мы искали', **baş ordu** 'бил челом' и т. д.

Военная терминология в большинстве случаев заимствована из русского языка, что по существу также является отражением в языке документов народно-разговорной речи того времени и объясняется многонациональным составом восставших: **vujannaj kulligä** 'военная коллегия', **pulkuvnik** 'полковник', **kamandir** 'командир', **vurğar** 'воры' (то есть 'противники'), **sutnä** 'сотня', **zur ärmü** 'большая армия', **iskü ärmü** 'старая армия', **vujaskavaj pisir** 'войсковой писарь' и т. д.

Реже употребляются арабские и собственно тюркские военные термины: **äskär** 'войско', **çigü** 'войско', **duşmanlar** 'противники', **başlyq** 'командир, предводитель', **dary** 'порох', **tub** 'пушка', **qylyç** 'сабля', **başaq** 'наконечник стрелы' и др.

В списках конфискованных вещей, в материалах о разорении имущества, в большом количестве представлены:

а) татарская бытовая лексика XVIII века: **çäjnük** 'чайник', **şikär savuty** 'сахарница', **çupajaq** 'чашка', **tärilkä** 'тарелка', **qomçan** 'кумган', **qaşyq** 'ложка', **ruçaq** 'нож', **çäñičkü** 'вилка', **tüşäk** 'перина', **timür kögäk** 'железная лопата', **çana** 'сани', **jurçan** 'одеяло', **tula** 'сукно', **sonduq** 'сундук' и др.

В этом ряду встречаются и диалектальные слова³²: **badian** 'небольшая миска', **qoştabaq** 'глубокое блюдо', **tazaçaq** 'круглый таз', **syğçan jabu** 'стеганая попона' и др.;

б) названия домашних животных: **at** 'конь', **jylqu** 'лошадь', **syuğ** 'корова', **qolup** 'жеребенок', **tana**, **baştaq** 'годовалый теленок', **üküz** 'бык', **sağyq** 'овца', **käzä** 'коза'³³ и др.;

в) слова, связанные с крестьянским бытом: **aşlyq** 'хлеб', **toz** 'соль', **süs** 'пакля', **igün** 'посев', **suça** 'соха', **soly** 'овес', **borçaq** 'горох', **tigirmän** 'мельница', **op** 'мука', **bal** 'мед', **ruğaç** 'фураж' и т. д.

В документах различного содержания встречаются термины родства, употребительные в татарском народно-разговорном языке того времени: **ätkäjiniz** 'ваш отец', **änkäjiniz** 'ваша матушка', **balalarumyz** 'наши дети', **quzu**, **qyz balasy** 'его дочь', **xatuny**, **žämä'atü** 'его жена', **qajnatasy** 'свекор, тесть', **inisi** 'его младший брат' и т. д.

Среди документов восставших, в многочисленных списках и реестрах команд, в большом количестве представлены татарские, башкирские, казахские, марийские, удмуртские и другие личные имена XVIII века. В числе татарских и башкирских личных имен встречаются имена неарабского происхождения, такие, например, как: **Balta**, **Baltaçy**, **Qačqyn**, **Turaç**, **Qaraçaj**, **Kükküz**, **Almuş**, **Julbars**, **Qoryç**, **Qydraç**, **Miqanaj** и т. д. Любопытно отметить, что в мензелинском говоре татарского языка

³² «Татар теленең диалектологик сүзлегә». Казан, 1969 (далее — ТТДС).

³³ Многие из приведенных слов характерны для поволжско-тюркского ареала. О словах **sağyq** и **käzä** см.: А. М. Шербак. Названия домашних животных в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961; К. М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.

сохранились в нарицательном значении как имена прилагательные: *qud-gaš* 'горячий, задира'³⁴, *tiqanaĵ* 'полный, тучный' (по данным Ф. М. Хисамовой).

Изучение морфологических особенностей языка этих документов также свидетельствует о массовом проникновении в деловую письменность народно-разговорных элементов и сосуществовании их наряду с традиционными нормами старотатарского литературного языка. Так, в склонении имен существительных, при явном преобладании падежных форм, свойственных народно-разговорному татарскому языку, употребляются также традиционные литературные формы, восходящие к чагатайским и реже — к огузским формам. Направительный падеж притяжательного склонения, например, представлен в документах двумя вариантами: *uĵupa* (народно-разговорная форма), *uĵujĵa* (чагатайская форма), винительный падеж употребляется также в двойной форме: *uĵup* и *uĵuppu*. В непритяжательном склонении в направительном падеже наряду с аффиксом *-ĵa* изредка встречается огузский вариант на *-a*: *kür ĵyllaĵa*, *bixisab aĵlaga*.

В употреблении глагольных форм наблюдается та же картина смешения народно-разговорных форм с формами, характерными для традиционного литературного языка.

Система времен изъявительного наклонения представлена формами на *-a*, *-du*, *-ĵan*, *-r*, *-a ide*, *-ĵan ide (irde)*, свойственными также современному татарскому языку³⁵. В языке документов еще не фиксируются формы будущего категорического на *-aĵak*, будущего прошедшего на *-aĵak ide* и прошедшего многократного на *-a torĵan ide*. Временная форма на *-r*, как и в современном татарском языке, выражает действие, которое должно совершиться после момента речи с оттенком достоверности и без него, и почти не встречается в значении настоящего-будущего.

В документах, написанных главным образом от имени Бахтияра Канкаева, встречается форма прошедшего субъективного на *-ur*, которая, как и в диалектах татарского языка³⁶, в 3-м лице контаминируется с формой на *-ĵan*.

Причастие настоящего времени представлено в документах двумя вариантами аффикса: традиционным вариантом *-ĵiĵu* и народно-разговорным — *-iĵu*: ...*Däxi bu Qazan öĵäziniĵ hiĵbir törlü xalajıqlardıñ qarşuluq qıjlıuĵı tabıaduq* (л. 91) '...Также из разного рода людей из этого же Казанского уезда мы не нашли **сопротивляющихся**'; ...*Urinburux tarafıyndan qajtıuĵı mösılmanlar*... (л. 95об.) '...Мусульмане, **возвращающиеся** со стороны Оренбурга'.

Наряду с повсеместным употреблением причастия на *-ĵan* встречаются огузские формы на *-tıuĵ* и *-dyk*.

Широко употребительны в системе глагола опатив на *-gaĵ* и обычная форма повелительного наклонения с нулевым показателем: ...*Qatıjı qaravullarıñız ilä torıajsız* ... (л. 341 об.) '...и стойте там с сильными караулами'; ...*Vä jänä izgülık tılägän urunlarıa jazu jazaşän, bız dustıña da jazıajsän* '...И еще напиши письмо доброжелателям, **напиши** и нам, другу твоему'; ...*häm Jajıq qazagı ataman äjtıkän ul urusqa: bar qait Bugulčanıa däjü*... (л. 25 об.) '...И атаман, яицкий казак, сказал тому русскому: **иди, возвращайся** в Бугулчан...'

³⁴ ТТДС, стр. 213.

³⁵ См.: Б. А. Сербренников. Система времен татарского глагола. Казань, 1963; Д. Г. Тумашева. Хазерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан, 1964, стр. 125—146.

³⁶ Данная временная форма употребляется в нукратском говоре среднего диалекта и в сергачевском, мелекеском, кузнецком, хвалынском говорах западного диалекта татарского языка. См.: ТТДС, стр. 636.

Непосредственным влиянием народно-разговорной стихии можно объяснить преобладание в документах инфинитива на *-rğa* и имени действия на *-u*, *-ü* вместо традиционной формы на *-mak*: ...*žiĥan qojaşu Şam-sinî qayidäcä alub kilürgä* (л. 89) '...Привести красу мира — Шамси по всем правилам'; *Aldy bizläрни suçuşurğa qarşulyq qyjlurğa däjü* (л. 106.) '...Взял нас сражаться, противостоять [врагам]'; *Sul baruında žiĥan kamandanu jiti-sikiz jöz qädäri* '...И в ту поездку собрал он команду численностью семьсот-восемьсот'.

В исследуемых документах имеется также богатый материал для изучения исторического синтаксиса татарского языка как в плане отражения народно-разговорной речи, так и в плане изучения структурных и стилиобразующих средств деловой письменности того времени.

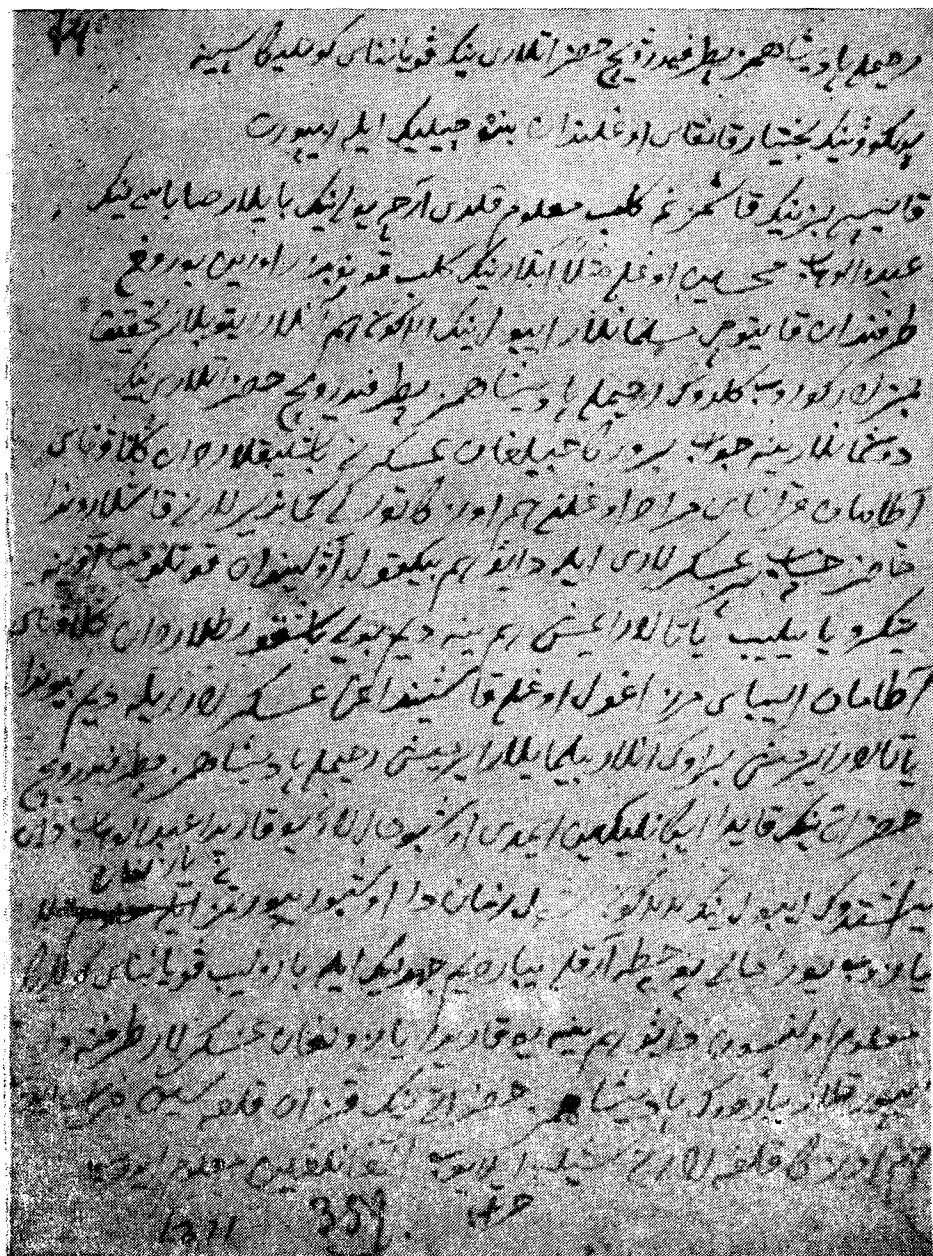
Проследивание особенностей исторического развития татарской письменной культуры периода позднего феодализма и конкретный анализ обширного материала документов деловой письменности свидетельствуют о том, что старотатарский литературный язык претерпел сложную эволюцию. В силу объективных на известном этапе исторических причин он имел широкое распространение и подвергался воздействию процесса демократизации. Однако благодаря прочности исторической традиции и завершенности этнической консолидации своего носителя в целом он сохранял присущие ему характерные особенности до середины XIX века. В результате последующего социально-исторического развития была подготовлена база для создания нового татарского литературного языка — языка национального.

В заключение хотелось бы коснуться и некоторых вопросов терминологии, в частности термина *тюркй*, содержание которого, на наш взгляд, некоторые лингвисты и историки литературы расширили до таких пределов, что он превратился в нечто внесторическое и абстрактное. Не вдаваясь пока в библиографические подробности³⁷, отметим, что термин *тюркй* как общее родовое понятие вряд ли приемлем для эпохи сложившихся народностей. Это понятие вполне допустимо для XI—XIV веков — эпохи различных родо-племенных объединений и политических конфедераций, то есть государственных объединений с пестрым и неустойчивым этническим составом самого тюркоязычного населения. В условиях же XV—XIX веков, когда имеющие старописьменную традицию народы (азербайджанцы, турки, узбеки, казанские татары, крымские татары, туркмены, уйгуры и многие другие) сложились в самостоятельные народности, этот термин становится явным анахронизмом, ибо в процессе их консолидации наряду с социально-экономическими и этническими факторами важная роль принадлежала и отдельным литературно-письменным языкам. Не меняет дела и предлагаемое уточнение — «региональное тюркй», так как известно, что региональными признаками обладают и ранние письменные памятники. Наконец, расширенное понимание термина *тюркй*, акцентирующее объективно общие моменты письменных памятников (общетюркская лексика, так называемые арабо-персидские интернационализмы и т. п.), чревато игнорированием специфических ареальных признаков, что в свою очередь уводит в сторону от выявления исторически конкретных особенностей предистории того или иного национального языка. Вот почему язык документов XV—XIX веков, созданных

³⁷ О вопросах терминологии см.: Э. Н. Наджип. О некоторых недостатках в изучении истории тюркских языков.; М. З. Закиев. О периодизации истории тюркских письменных литературных языков. — «Советская тюркология», 1975, № 5, стр. 10.

в Поволжье—Приуралье, назван нами конкретным термином старотатарский.

Ниже приводятся образцы документов эпохи крестьянской войны 1773—1775 годов³⁸ с транскрипцией и переводом.

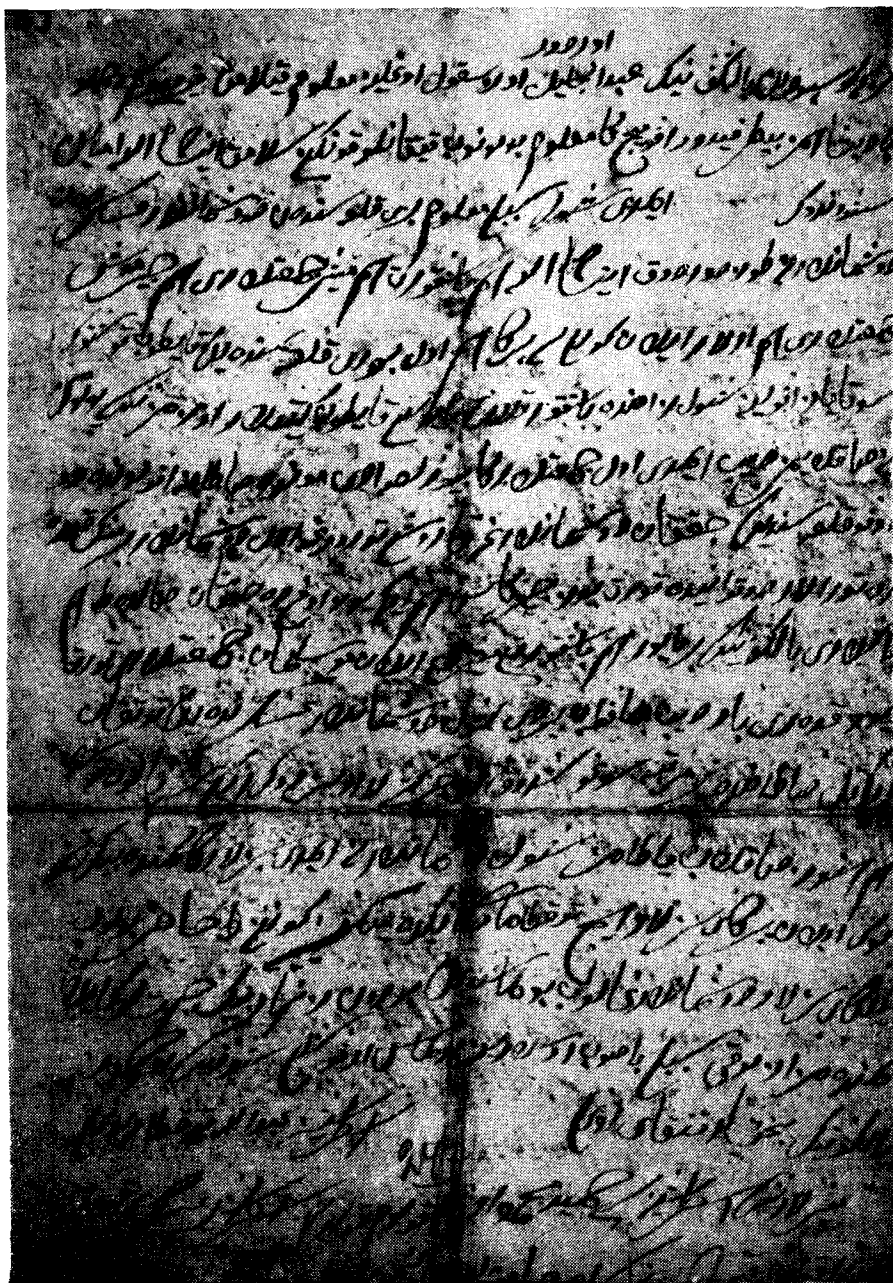
Факсимиле рапорта.

³⁸ В настоящее время историками и филологами Казани, при участии сотрудников Казанского университета и ИЯЛИ КФАН СССР, значительная часть документов из дела 416 (ч. II) подготавливается к печати.

РАПОРТ БАХТИЯРА КАНКАЕВА ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ С ДОЛОЖЕНИЕМ
О РАСПОЛОЖЕНИИ НЕКОТОРЫХ ОТРЯДОВ, О СЛУХАХ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ
НАСЧЕТ МЕСТОПРЕБЫВАНИЯ Е. И. ПУГАЧЕВА.

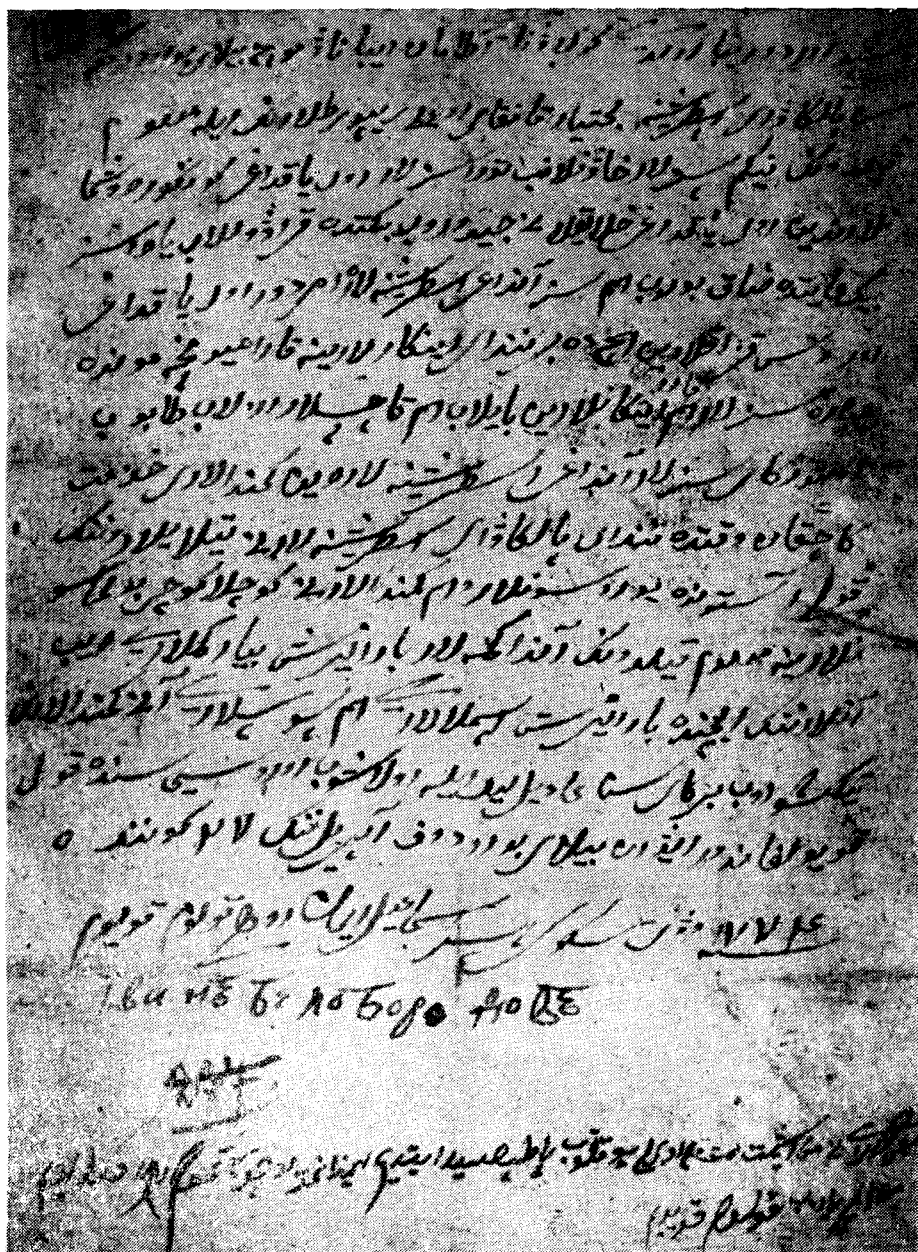
Транскрипция:

- (1) Rahimlī padīšahmyz Pitr Fidruvič häzrätläriñiñ vujannaj kulligäsınä
(2) pulkuvnik Bāxtiar Qanqaj uylıyndan bāndāçilik ilä ripurt. (3) Qajsy

Факсимиле ордера.

bizniñ qaşymyzya kälüb ma'lüm qyldy Arča julyynyñ Bajlar Sabasynyñ (4) 'Abdulvahab Mohsin uýly. Mäðälän, anlarnyñ [janyna] kälüb qurubdur Urinburux (5) tarafyndan qajtuçy mösilmanlar, ijülniñ 21 köni. Häm anlar äjtüblär: tähqiç (6) bizlär kürüb kældük rahimli padişahmyz Pitr Fidruviç häzratläriniñ (7) duşmanlaryna ǵavab birürgä ǵyjylıan 'äskärni. Başlyqlardan glavnaj (8) ataman Qaranaj Morad uýlyny häm üzgä törli kamandirlarny, gaşylarynda (9) hazyr xisabsyz 'äskärläri ilä däjäü. Häm Bikqul avylundän Qotlumät avylyna (10) tikrü jajylub jatalar imiş. Häm

Факсимиле ордера.

jänä Dim bujy başqortlardan glavnaj (11) ataman Alibaj Morzaŭul uŭly qaşyndayy 'äskärlär ilä Dim buiunda (12) jatarlar irmiş. Bırük anlar bıl-mäjlär irmiş rahimlı padişahmyz Pitr Fidruvič (13) häzratinñ qajda ikänligin. İmdı oşbu hallarnı juqaryda 'Abdulvahabdan (14) iştüdük ijül-nñ 22 köni. Şul zamanda oşbu ripurtymyzny (15) jazub, juramaly pučta arqyly jibärdim žähädlik ilä barulyb vujannaj külligägä (16) ma'lüm ulynsun дәјү. Häm jänä juqaryda jazulğan 'äskärlär tarafyna da (17) ripurtlar jibärdük padişahmyz häzratinñ Qazan qäl'äsin xarab idüb (18) häm üzgä qäl'älarnı söjlä äjläjäb alyanlyŭyn ma'lüm idüb...

л. 74.

Перевод:

Военной коллегии Его величества милостивого государя нашего Петра Федоровича от полковника Бахтияра Канкаева сына нижайший рапорт.

Как доложил, придя к нам, Абдулвахаб Мухсинов сын из деревни Богатые Сабы Арской дороги, у них почевали 21 июля мусульмане, возвращающиеся со стороны Оренбурга. И они сказали: «Мы действительно видели войска, которые собрались дать отпор врагам Его величества милостивого государя нашего Петра Федоровича, [видели также] из предводителей их главного атамана Караная Мурадова сына и других разных командиров с бесчисленными войсками при них. Расположились они, оказывается, от деревни Биккулово до деревни Кутлуметово. И также из придемских башкир главный атаман Алибай Мурзагулов сын со своими войсками находится на Деме. Однако они, оказывается, не знают о местопребывании Его величества милостивого государя нашего Петра Федоровича. А мы же об этих делах слышали от [упомянутого] выше Абдулвахоба, 22 дня июля, и тут же, написав сей рапорт, срочно послали его нарочно через почту, чтобы было известно Военной коллегии. Послали рапорты также в сторону вышеописанных войск, сообщая о разрушении Его величеством государем нашим города Казани и подобном же завладении другими городами.

л. 74.

ОРДЕР, ВЫДАННЫЙ БАХТИЯРОМ КАНКАЕВЫМ И ДР.
ПОЛКОВНИКУ АБДУЛДЖАЛИЛУ УРУСКУЛОВУ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ
ПОВСТАНЧЕСКИХ СИЛ, О НАСТУПЛЕНИИ ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ
ДЕР. САТАНА И НЕОБХОДИМОСТИ НОВОГО ПОДКРЕПЛЕНИЯ.

Транскрипция:

(1) Urdur.

(2) Sizki guspudin palkuvnik 'Abdulžalil Urusqul uŭlyna ma'lüm qyla-män, qajsydyr kım rahi:mlı (3) padişahmyz Pitr Fiduravička ma'lüm bulunub qajtqanluquŭnyzny sälämät inša alla imin (4) sävündük. İmdı şul säbäblı ma'lüm: Böri qäl'äsindän (čyqqan) duşmanlar 'äskäridän (5) duşmanlarny tuzdurduq inša alla häm başqort, häm mişär žämä'ätläri häm čirmüş (6) žämä'ätläri häm arlar ilän köllisi bırgä. Häm ul Böri qäl'äsindän qajtub kitdılär üzimizniñ julumyz (8)ny saqlajmyz dib. İmdı ul žämä'ätlärgä biurylsa idı monda Satana avulunda da (9) Öfü qal'asindin čyqqan duşmanlary qarşy torurça. Ul duşmanlar bır mñ qädäri (10) toralar. Duvanda türt жүз čirkäs häm iki жүз Öfidän čyqqan saldat, häm (11) başlary palkuvnik bır majur; häm başqorty, häm mişäri ilän mösilman žämä'ätläri türt (12) жүз qädäri bar dib žavub birdı şul duşman-

lar 'äskärindän totqan (13) ikī tīl. Satanada bīr märtäbä suṣuṣduq, öc kīšilä[rin] ültirdük, ikīš palun töšdī, (14) häm hānüz saqlab jatamyz šul dušmanlarny. Imdī bīzlārgä monda bik tizlūk (15) ilān jibārgäjsiz-lār hič tuqtamaj taṇda jäkšānbī kōnī hazyr bulub (16) kilgäjsizlār, duš-manlar ṡalıb bulmasdin burun, zinhar bik žähätlūk ilān (17) Kamandamyz azluqy säbäblī öslärinä basub* bulmas irävišlī.

Synuy öcün:

(18) Palkuvnik Bāxtiar Qanqaj uyly,
ystaršina 'Abdulla Tuqtar uyly,
mišärlärnī ystaršinasy Xamid Möxämmäd uyly qulum qujdum,
ystaršina Järkaj Qädirmät uyly qulum [qujdum], sutnik Ramazan
Urmančy uyly tamṡam saldum.

л. 189.

Перевод:

Ордер.

Сообщаю вам, господину полковнику Абдулджалилю Урускулову сыну, что мы обрадовались вашему благополучному возвращению после представления милостивому государю нашему Петру Федоровичу. Слава аллаху, аминь!

Теперь сообщаем о том, что мы: и башкиры, и мишары, и черемисы, и ары — все вместе объединившись разбили вражеские силы, [вышедшие] из армии в городе Бирске, а затем из того города Бирска возвратились в деревню Сукаяз. После этого все башкиры ушли, говоря, что «будем охранять свои дороги». Если бы им было приказано, чтобы они и здесь, в деревне Сатана, противостояли врагам, вышедшим из города Уфы. Численность этих врагов доходит до тысячи. В Дуване находятся около четырехсот черкесов и еще двести солдат, вышедших из Уфы, во главе полковник, один майор; да еще мусульманская команда из башкир и мишарей, всего около четырехсот человек. Так сообщили два «языка», захваченные нами из вражеского войска.

В Сатане мы один раз сразились с врагом, убили их трех человек, двоих захватили в полон, и до сих пор продолжаем противостоять этим врагам. Нынче срочно, без промедления высылайте нам команды, прибудьте в полной готовности в воскресенье на рассвете же, пока враги не сделали нас, пожалуйста, поторопитесь.

Из-за малочисленности нашей команды мы больше не сможем идти на них.

К сему:

Полковник Бахтияр Канкаев сын.

Старшина Абдулла Туктаров сын.

Я, старшина мишарей Хамид Мухаммадов сын, руку свою приложил.

Я, старшина Яркай Кадырматов сын, руку свою приложил.

Я, сотник Рамазан Урманчиев сын, тамгу свою приложил.

л. 189.

ОРДЕР И. Н. БЕЛОБОРОДОВА БАХТИЯРУ КАНКАЕВУ
О МОБИЛИЗАЦИИ СИЛ И ПОРЯДКЕ В ОТРЯДАХ.

Транскрипция:

- (1) Ošbu urdur jibärüldī guluvnaj ataman Iba[n] Naumuč Bilajburudufqa.
- (2) Šān palkavaj ystaršina Bāxtiar Qanqaj uyly ripurtlaryn ilā ma'lum

* В подлиннике: basub öslärinä.

(3) qylduñ, nikim sizlär xäwiflanüb torasyzlar ul jaqdañy Kuñur duşman
 (4) laryndin; ul jaqdañy xalajyqlarny židurub bikitda qaravullab jadasyz
 (5) bik ʔajät dā saq bulub. Hām siz andañy ystarşinalara ämirdür: ul
 jaqdañy (6) urus qazaqlaryn hiç dā bir nindäj inkarlaryna qaramiunça
 monda (7) jibäräsizlär hām qaru itkänlärin bājlab, hām qačsalar izlāb
 tabub (8) ültürgäjsizlär. Andañy ystarşinalardin kamandalary xidmätkä
 (9) çyqqan waqytta nindäj palkavaj ystarşinalarny tiläjlär, anyñ (10) qu-
 ly astunda жүрүсүнлär, vä hām kamandalarny köčlägüçi bulmasunlar (11).
 Vä jänä ma'lüm qylduñ: anda kāmälär bar irmiş, bajar kāmälärī dib,
 (12) anlarnyñ ičindä bar irmiş smalalary hām süslärī. Any kamanda-
 laryña (13) tikšürüb birgäjsän 'adillik ilä öläšüb. Urusisindä (?) qul (14)
 qujulyandur: Uvan Bilajburuduf. Aprilniñ 27 könindä, sänä 1774. Vujska-
 vaj pišir Ismä'il Iman uñly qulum [qujdum].

Иванъ Белобородовъ.

(17) *Bu ukazny män Išmat Mämätqulyj uñly patpisajt' itdīm, inanmaq
 öčün tamğam saldum.

(18) Män Älmöxämmäd jazub qulum qujdum.

л. 199 об.

Перевод:

Послан сей ордер главному атаману Ива/н/у Наумовичу Белоборо-
 дову. Своими рапортами ты, полковой старшина Бахтияр Канкаев сын,
 доложил о том, что там опасается неприятелей из Кунгура и, собрав
 тамошние народы, очень бдительно и зорко несете пикетами караулы. И
 приказывается вам, тамошним старшинам: русских казаков, находящихся
 там, невзирая ни на какие оговорки, отправляйте сюда, сопротивляю-
 щихся, связав, и бегущих, отыскав и поймав, убивайте.

Когда команды тамошних старшин выходят на службу, то пусть бу-
 дут под руководством того полкового старшины, которого они пожелают,
 и пусть не чинят насилие [командам].

Еще доложил ты, что там есть лодки, боярские лодки, оказывается,
 есть смола и пакля; раздавай их, проверив, и по справедливости своим
 командам.

По-русски подписано:

Иван Белобородов. Апреля 27 дня 1774 года.

Я, войсковой писарь Исмаил Иманов сын, руку свою приложил.

Иван Белобородов

Подписал этот указ я, Ишмат Маматкулиев сын, во уверении тамгу
 свою приложил / ... /

Я, Алмухаммад. написав, руку свою приложил.

л. 199 об.

* Написано другим почерком.

Г. Ф. БЛАГОВА

АНДИЖАНСКИЙ ГОВОР ПО МАТЕРИАЛАМ «БАБУР-НАМЕ» (РУБЕЖ XV-XVI ВЕКОВ) И СОВРЕМЕННЫМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИМ ОПИСАНИЯМ

В настоящее время в связи с развертыванием работы над сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков возрастает актуальность комплексных исследований, построенных на использовании как историко-языкового материала, так и современных диалектных данных¹. В подобных комплексных исследованиях целесообразным оказывается применение методических приемов лингвогеографии к современному материалу и методов ареальной лингвистики к историко-языковым данным². Нами принята методика синхронических срезов — исторических и современных — и их сопоставления на базе принципов типологии близкородственных языков; это сопоставление осуществляется при помощи процедуры наложения выделенных морфологических подсистем на каждый срез.

Вместе с тем чрезвычайно важно осуществлять такие комплексные ареально-типологические исследования с учетом имеющихся показаний истории и исторической этнографии. В этом смысле бесценны весьма редкие показания современников изучаемого исторического периода о языковой ситуации в их время.

Для рубежа XV—XVI веков мы располагаем уникальным свидетельством, как мы сказали бы теперь, об «опорном диалекте средневекового среднеазиатского тюркского письменно-литературного языка», о его «диалектной базе». Наследник Ферганского удела, смолоду княживший в Андижане, а впоследствии ставший основателем династии Великих Моголов в Индии, Захир эд-Дин Мухаммед Бабур в своих «Записках», констатируя, что в Андижане «в городе и на городском базаре» говорили по-тюркски, подчеркнул особо: «речь населения Андижана согласна с письмом, в силу чего произведения Мир Алишера Навои, хотя он вырос и воспитывался в Герате, [писаны] на этом языке»³.

Это высказывание, всегда привлекавшее внимание специалистов⁴, интересно тем, что именно с литературно-лингвистической деятельностью

¹ «Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет». — «Советская тюркология», 1972, № 6, стр. 16.

² Об ареальной лингвистике в данном понимании см.: Э. А. Макаев. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М., 1964, стр. 16 и след.; Д. И. Эдельман. Основные вопросы лингвистической географии. М., 1968, стр. 3—4 и след.

³ См.: «Бабур-наме. Записки Бабура». Ташкент, 1958 (далее в тексте — БН Т), стр. 12.

⁴ См., например: В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир и поэтическая жизнь. — В сб.: «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 106; А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. — В сб.: «Алишер Навои». М.—Л., 1946, стр. 98—99.

Алишера Навои связана коренная реформа среднеазиатско-тюркского письменно-литературного языка XV века. Общеизвестным является положение о том, что в сочинениях Навои представлен качественно совершенно новый язык⁵; Навои утвердил окончательную победу *й*-языка над *д*-языком⁶.

Навои и Бабур — его единомышленник и последователь в вопросах языка⁷ — не могли не видеть возросший социальный престиж родного тюркского языка в тимуридских государствах. Оба они отчетливо сознавали его основное грамматическое ядро, которое и стремились внедрить в языковую структуру своих, прежде всего прозаических, произведений. Разумеется, и тот, и другой — один в большей, другой в меньшей степени — воздавали дань письменно-литературной традиции, продолжавшей сохранять силу своего воздействия и известную жизнеспособность.

Наперекор этой традиции, в морфологию прозаического варианта тюрки при Навои и Бабуре внедряется «карлукский» (современный уйгурско-узбекский) тип склонения — без формативного различия именной и посессивно-именной парадигмы и с тенденциями аналогического выравнивания местоименной парадигмы.

При сопоставлении падежного склонения и других звеньев морфологической системы, как они представлены в языке «Бабур-наме» и в современном андижанском говоре узбекского языка, мы пользуемся описанием этого говора, выполненным С. Ибрагимовым⁸. В трактовке падежных форм современного андижанского говора мы придерживаемся принципа противопоставления типов тюркского склонения на основе неодинаковых по языкам результатов перекрещивания категорий падежа и принадлежности⁹. Исходя из такого понимания, в современном андижанском говоре можно отметить преобладание уйгурско-узбекского типа склонения, которое, однако, не является абсолютным. Дело в том, что присущее этому типу склонения правило формального неразличения всех трех парадигм (именной, посессивно-именной, местоименной) и обуславливающее это неразличение употребление падежных показателей только с консонантическим началом действует в андижанском говоре с ограничениями. Ограничения эти касаются лишь одного падежа — родительного — в посессивно-именной и местоименной парадигмах, при-

⁵ См.: Э. Н. Наджип. О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 89.

⁶ С. Е. Малов. Мир Алишер Навои в истории тюркских языков Средней и Центральной Азии. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1947, вып. 6, стр. 479.

⁷ Для Бабура «Алишер бек был человек бесподобный» — и как поэт, слагавший стихи на тюркском языке, и как покровитель науки и искусства (БН Т, стр. 198). В уже зрелом возрасте Бабур проанализировал «стихи и газели из четырех диванов Алишера бека, распределив их по размерам» (БН Т, стр. 288). В свою очередь Навои в «Суждении о двух языках» признавал у юного Бабура «высокий дар» поэтического слова [Алишер Навои. Сочинения в десяти томах, т. X. Ташкент, 1970 (далее — Н СДЯ), стр. 133] и пытался завязать с ним переписку. Об этом Бабур сообщает: «Когда я в этот раз вторично взял Самарканд (906 г. х. / 1500—1501 гг. — Г. Б.), Алишер бек был еще жив. Ко мне однажды даже пришло от него письмо. Я тоже послал ему письмо и написал на обороте сочиненный мною тюркский стих; раньше, чем успел прийти ответ, начались неурядицы и смуты» (БН Т, стр. 103).

⁸ С. Иброхимов. Узбек тилининг Андижон шеvasи. Тошкент, 1967 (далее — АШ). Любопытно отметить, что среди информантов покойного диалектолога двое были из рода «тюрк» — «тюрк уруғидан» (АШ, стр. 255, 256). Как известно, «тюрками» себя называли и Навои (он был из рода «барлас»), и Бабур.

⁹ См.: Г. Ф. Благова. О типах и структурных разновидностях падежного склонения в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 1.

чем исключительно в тех частях, которые охватывают первые два лица единственного и множественного числа. Здесь представлены оба варианта падежного показателя — с консонантическим началом и без него, то есть -*ni* и -*i*. Так, в местоименной парадигме отмечается: *бъз-нъ* | *бъз-дъ* | *бъз-ъ* 'нас', 'наш', *съз-дъ* | *съз-ъ* 'вас', 'ваш', но *улар-дъ* | *улан-нъ* 'их'. Примерно та же картина в посессивно-именной парадигме: *эт-ъйъз-ъ* | *эт-ъйъз-дъ* 'ваше имя' (ср. склоняющееся по той же парадигме местоимение *бъз* 'сам': *бъз-ум-ъ-къ* 'принадлежащий мне самому', *бъз-ъмъз-ъ-къ* 'принадлежащий нам самим'; правда, здесь из этой вариативности оказалось исключенным и 2-е лицо единственного числа, при показателе которого используется обычный аффикс -*ni*: *към-ъй-нъ* 'кого (-то) твоего', *нъме-й-нъ* 'чего (-то) твоего'; тот же самый -*ni* (без возможности вокалических вариантов) наблюдается при аффиксах принадлежности 3-го лица: *бъз-ъ-нъ* 'его самого', *към-ъ-нъ* 'кого (-то) его', *э:злардън онъ-съ-нъ* 'десятерых из членов' (АШ, стр. 147, 149, 152, 155, 168, 174). В других падежах отклонений от уйгурско-узбекского типа склонения не отмечено.

Перед нами — неокончательный результат влияния именно кыпчакского, а не огузского типа склонения, потому что как раз в кыпчакском типе различие показателя вокалического и показателя с консонантическим началом носит характер не фонетический, а грамматический, — иными словами, это различие не тотально, оно не распространяется на все три парадигмы, как в огузском типе, а затрагивает посессивно-именную парадигму и частично — местоименную (в объеме охвата различия есть, например, в казахских говорах), не касаясь именной парадигмы. Примерно таким же распределением характеризуется вибрация показателей родительно-винительного падежа -*i* ~ -*ni* в андижанском говоре.

Еще более значительны несходства в области глаголизменения. Здесь, прежде всего, заметно не совпадают наборы временных форм в языке Навои и Бабура, с одной стороны, и в современном андижанском говоре, с другой. В языке Навои и Бабура не встречаются, например, такие современные формы, как настоящее конкретное на -*йън* (*бърйънпън*, *бърйънсън*, *бърйънтъ*, *бърйънпъз*, *бърйънсъз*, *бъръйънтъ*) и прошедшее конкретное на -*връдъ* (< -*ъб* *йъвръдъ*: *кетвърдъм*, *кетвърдънг*, *кетвърдъ*), которые в говоре употребляются регулярно (АШ, стр. 200, 204). В качестве прошедшего длительного здесь зафиксированы, наряду с известной Навои и Бабуру формой на -*а:рдъ*, еще и не употребляемая ими форма на -*а:ттъ* и -*а:сдъ* (*бъра:ръдънг* | *бъра:ттънг* | *бъра:сдънг* — АШ, стр. 210, 211). В качестве одного из будущих времен в говоре стало регулярно спрягаться отмеченное у Навои и Бабура причастие на -*а-дур-ган* (> -*адъгън*/-*адъгън*: *йъзадъгъммън* | *йъзадъгъммън*, *йъзадъгънсън* | *йъзадъгънсън*), а также столь же регулярно выступать с модальными показателями *эди*, *экан*, *эмши*, переводящими его в план прошедшего времени (АШ, стр. 214, 215). Эти отпричастные временные формы можно истолковывать как последующее развитие причастия в аспекте укоренения его в предикативном использовании.

Из форм, используемых Навои и Бабуром, в современном говоре не отмечены прежде весьма частотные времена: будущее на -*yusi dug*, будущее желательное на -*yaĭ* и желательное в прошедшем на -*yaĭ e(r)di*, а также ограниченно встречающееся прошедшее данного момента на -*a dug e(r)di*.

Отмечаются семантические несоответствия некоторых из материально совпадающих временных форм: так, например, у Навои и Бабура имеется настоящее-будущее на -*иг*, тогда как в современном говоре — это будущее время. В качестве настоящего оно используется только с модальным показателем *экан* (АШ, стр. 199, 212).

Показательной для сопоставления чертой является выражение множественного числа в глагольной форме 3-го лица и характер согласования подлежащего со сказуемым во множественном числе. Наряду со случаями нулевого показателя множественного числа в глагольной форме 3-го лица, а, следовательно, и отсутствия согласования в числе, в «Бабур-наме» в глаголе 3-го лица множественное число передается показателем *-lag*; им же чаще всего оформляется и именное подлежащее, то есть налицо четкое согласование во множественном числе посредством аффикса *-lag*. Возможно, что четкость такого согласования обеспечивалась именно книжно-письменным воздействием, причем не только собственно тюркским, но и иранским. Между тем для современного андижанского говора характерен принципиально иной способ выражения множественности в глаголе 3-го лица: для этого используется показатель взаимно-совместного залога *-š-*. Например: *улар бэр-ыш-эр* 'они пойдут'. И этот способ пронизывает парадигмы всех временных форм, всех наклонений.

Следует сказать, что подобное использование аффикса *-š-* не было чуждо и языку Бабура и Навои, однако там этот аффикс никоим образом не мог претендовать на роль выразителя глагольной множественности уже потому, что эта роль была занята иным регулярным средством — аффиксом *-lag*. Собственно, именно на взаимно-совместное значение аффикса *-š-*, указывал Навои, приравнивая его к значению арабской породы «муфа'ала» в своем «Суждении о двух языках» (Н СДЯ, стр. 120).

Аффикс *-š-* в значении глагольной множественности представляет собой явление ареальное: его изоглосса объединяет андижанский говор узбекского языка с киргизским языком и его северными и северо-западными говорами. Ареальный подход к этой черте андижанского говора выявляет ее происхождение: она воспринята от соседнего киргизского языка и его говоров. Это подтверждается и данными этнографии: компактными группами киргиз-кыпчаки на теперешней территории Узбекской ССР жили главным образом в Андижанской области¹⁰.

Перечень несочств может быть продолжен на примере такой частной глагольной подсистемы, как имена действия. В языке Бабура и Навои здесь ведущую роль играло имя действия на *-taq*, располагавшее большим числом производных времен, в том числе и регулярно спрягаемых, как, например, настоящее длительное на *-taq-ta*, прошедшее длительное на *-taq-ta e(r)di* и ряд перифрастических конструкций с *-taq*. Конструкции долженствования — необходимости — возможности с предикативно-модальными словами *lâzim* — *kerak* — *mümkin* имели в качестве смыслового компонента имя действия на *-taq*. Заметное место занимали также производные от старого имени действия на *-yu*. Форма на *-(i)š* тяготела скорее к отглагольным именам, чем к именам действия.

В современном андижанском говоре картина совершенно иная. Ведущее место в подсистеме имен действия занимает имя действия на *-(i)š* — не только по частотности, но также и по тем ключевым позициям, в которых оно выступает. Оно сочетается с модально-предикативными словами *mümkin*, *kerak* (*чыкышъ мумкън* 'ему можно выйти'). Оно же выполняет функции инфинитива, оформляясь дателью-направительным падежом и обозначая цель (причину) главного действия: *съз(н)ъ коръшкә келдѣм* 'Я пришел Вас повидать'. Имя действия на *-(i)š* в дателью-направительном падеже проникло также в начинательную конструкцию:

¹⁰ К. Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974, стр. 113.

бэр-ъш-кэ бэшладъ 'начал ходить' (АШ, стр. 152, 153, 222, 236). В андижанской начинательной конструкции закреплена кыпчакская модель; сравните принципиально иную модель, построенную на сочетании с де-епричастием на -а, у Бабур: *bar-a kirišti* и у Навои: *bar-a bašladi*.

Между тем имя действия на -тоқ в андижанском говоре самостоятельно не употребляется, и его можно найти лишь в приводимых С. Ибрагимовым формах настоящего-будущего времени на -тохта (*бэрмэхтэ-мэн* 'я похаживаю') и будущего желательного на -тохси (*бэрмэхчэ-мэн, бэрмэхчэсэн, бэрмэхчэ*) — из них последнее спрягается регулярно и употребляется чаще, чем первая форма (АШ, стр. 199, 214). Производных имени действия на -уи в говоре не отмечено; имеется производное -ишси — от кыпчакского имени действия на -иш.

Итак, и в этой области расхождения могут быть объяснены не только эволюцией, но и инодиалектным, кыпчакским, воздействием (начинательная конструкция по кыпчакской модели).

Таким образом, представляется возможным говорить о значительной проницаемости морфологии андижанского говора для воздействия близкородственных грамматических систем. В этой связи должны быть учтены неоднократные миграции в среднеазиатское Междуречье — Мавераннахр — кочевых племен, в числе которых были кыпчаки. Наиболее интенсивных миграций насчитывается две. Одна из них происходила еще при Бабуре, в начале XVI века; другая относится к началу XVIII века. В результате этих миграций в Ферганской долине и в бассейне Зеравшана расселились компактные группы новых степных племен, среди которых количественно выделялись кыпчаки¹¹, причем именно в Андижанской области было сосредоточено более 80% ферганских кыпчаков, проживающих компактными группировками¹².

Этнографы подчеркивают, что пребывание компактных групп кыпчаков среди узбеков в течение четырех веков не могло не повлиять на жизнь и быт последних¹³. Это влияние не замедлило сказаться и в сфере языка. При значительной проницаемости андижанского говора естественно предположить появление в нем и других морфологических инноваций наряду с рассмотренными.

Таким образом, выясняется одна из причин отличия современного андижанского говора от средневекового говора населения Андижана, представленного в «Бабур-наме» и в прозе Навои. Эти два среза не могут быть идентичными не только по причинам, так сказать, внутреннеэволюционным, но еще и потому, что современный андижанский говор несет в себе заметные следы массивированных и разновременных воздействий кыпчакской языковой среды. Установлено к тому же, что «в наши дни „диалект“ имеет мало общего со средневековым...»¹⁴. Действительно, при наложении морфологической системы современного говора на ее, казалось бы, ретроспективный срез явственно положительные результаты не получаются.

¹¹ К. Ш. Шаниязов. Указ. раб., стр. 337.

¹² Там же, стр. 113.

¹³ Там же, стр. 337.

¹⁴ М. А. Бородина. Проблемы лингвистической географии. М.—Л., 1966, стр. 205. Подобные утверждения, разумеется, не исключают возможности ряда разрозненных схождений и совпадений на двух исследуемых срезах. Можно, например, привести случаи сохранения конструктивных архаизмов в современном андижанском говоре. Как и в языке Бабур и Навои, в сложных формах прошедшего времени вопросительная частица *ти* вклинивается перед спрягаемой связкой прошедшего времени: *бэрар-мъ-дъ-и, кегам-мъ-кэн* (АШ, стр. 211, 245). Среди нескольких способов выражения числительных приблизительного счета два в андижанском говоре совпадают с теми, что

Другую причину несовпадений следует видеть в том, что Навои и Бабур сохраняли жизнеспособные компоненты книжно-письменной традиции предшествующей эпохи. Эти две причины (интенсивное кыпчакское воздействие, которое испытывал на себе андижанский говор с начала XVI века и сохранение ряда компонентов книжно-письменной традиции в прозаическом и особенно в поэтическом языке Навои и Бабура) гарантируют невозможность полного совпадения при наложении изучаемых срезов по всем параметрам.

Третью причину этого следует видеть в условности самого понятия единой диалектной базы средневекового письменно-литературного языка. Как установлено многочисленными новейшими исследованиями на материале многих разноструктурных языков, письменно-литературный язык обычно представляет собой продукт известного отвлечения от той или иной, хотя бы и доминирующей диалектной основы и не сводится к совокупности специфических признаков и черт данного территориального диалекта, на который этот письменно-литературный язык ориентирован¹⁵.

Тот качественно новый письменно-литературный язык, на котором писали свои прозаические сочинения Навои и Бабур, в отношении своей «диалектной базы» требует весьма осмотрительного и осторожного подхода. Во всяком случае, решению проблемы мало способствует положение с тем, что этот язык «отражал особенности живой речи XV века... ряда тюркоязычных племен Средней Азии»¹⁶; то же самое можно сказать и об утверждениях, что «узбекский литературный письменный язык... за последние 400 лет имел своей опорой ...ферганский диалект»¹⁷. Как нам представляется, ближе к истине А. М. Щербак, когда он пишет, что Навои и Бабур, как и другие литераторы, жившие в различных районах Мавераннахра, «сознательно ориентировались на некий общий, наддиалектный язык, стоявший ближе всего к диалектам Ферганы, но безусловно отличавшийся от любого из них»¹⁸ (разрядка наша. — Г. Б.). Автор разделяет так-

представлены в языке «Бабур-наме»: 1) присоединение аффикса -са непосредственно к количественному числительному (*бешча къишъ* 'человек пять', *къръг-еллъча* 'около сорока — пятидесяти'); 2) сочетание количественного числительного с послелогом *сойлиу* (*он чоғлығ* 'приблизительно десять', *беш-он чоғлығ къишъ* 'приблизительно пять — десять человек') (АШ, стр. 195). Склоняемые образования типа *сен-дақа-ләр-нъ* 'таких, как ты' в говоре (АШ, стр. 241) могут быть сопоставлены со случаями склонения местоимений и имен вместе с присоединившимся к ним аффиксом-послелогом *dek*: *sen-u tep-dek-lär-gä* 'таким, как ты и я' в «Диване» Навои (рукопись, принадлежавшая В. М. Насилову, стр. 15₁₇ № 38) и *bu aq penig-dek-din* 'от того, что подобно белому сыру' (БН 370; = БН 2856а). Аффикс -liq, -liу, образующий на обоих срезах прилагательные, в андижанском говоре, как и в языке «Бабур-наме», может присоединяться к каждому из компонентов парного словосочетания, перевода, однако, при этом словосочетание в разряд прилагательных: *уй-лэйг-жэй-лэг эдам* 'человек, имеющий дом (жилище) и семью' (АШ, стр. 184). В «Бабур-наме» парное словосочетание, оснащенное аффиксом -liq, остается в сфере существительного: *yalaba jamanliqlar bu ata-liq-u oуul-liq-tip zuhūrqa keldi* БН 97₁₃ 'много дурных дел произошло от этих отца и сына'. то есть здесь -liq выступает только как средство «синтаксического словообразования» (термин Н. К. Дмитриева).

Сохранение этих и подобных разрозненных конструктивных архаизмов в современном андижанском (как, впрочем, в любом другом говоре) вовсе не обязательно объяснять на генетической основе.

¹⁵ См., например: С. А. Миронов. Становление современной нормы литературного нидерландского языка. М., 1973, стр. 290.

¹⁶ И. А. Батманов. Вопросы формирования киргизского литературного языка. — «Труды Института языка, литературы и истории [Киргизского филиала АН СССР]». т. III, 1952, стр. 16.

¹⁷ «Вопросы диалектологии тюркских языков». Баку, 1958, стр. 166.

¹⁸ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 222—223.

же концепцию Э. Р. Тенишева о выдающейся роли тюркских книжно-письменных койне в истории формирования и развития тюркских письменно-литературных языков средневековья¹⁹.

Какой же могла быть природа такого общего, наддиалектного языка? При решении этого вопроса надо иметь в виду в равной степени как собственно лингвистические факторы, так и социальные²⁰. В этом аспекте в цитированном высказывании Бабура привлекает внимание ссылка на то, что так по-тюркски говорили *šahar-u bazarisida* 'в городе и на городском базаре Андижана'. Это выражение, не однажды употребляемое применительно к Андижану, оказывается своего рода клише. В этой связи любопытны сведения о достаточно широком участии мастеров Ферганы (наряду с самаркандскими, бухарскими, хорезмскими ремесленниками) в торговле, связывавшей их и с кыпчаками-кочевниками²¹. Примечательно также, что, как указывает В. И. Асланов, в «*Fārhaṇ-i tūrki*» Мухаммеда Таги имеется такое сообщение: «люди казакские, узбекские и туркестанские называют людей Мавераннахра арапīš, то есть *bazarī* 'базарные'». Ремесленники Мавераннахра в XV — начале XVI века составляли столь значительный социальный слой, что специально для них писались поэтические сочинения. Бабур, перечисляя везирей султана Хусейна Байкары, сразу после Алишера Навои привел имя Сейфи Бухари — он тоже писал стихи, и им был составлен «диван, который он сочинил для всяких ремесленников»²².

Исходя из этих сведений и учитывая еще и то, что А. Ю. Якубовский характеризовал XV век как «расцвет феодального способа производства» в Средней Азии и связанной с ней экономически, политически и культурно восточной половине Ирана²³, можно судить о значительном развитии торговли в средневековом Мавераннахре и, в частности, на востоке его — в Андижане. Как указывал К. Маркс, «Занятие земледелием сохраняет старую племенную основу нации, она меняется в городах, где селятся чужеземные купцы и промышленники, так же как и коренное население тянется туда, где есть приманка наживы»²⁴. Растущие торговые связи способствовали расширению языковых контактов тюрков Мавераннахра.

Языковые данные о степени диалектной дифференциации рубежа XV—XVI веков в Мавераннахре историки языка извлекают из средневековых текстов по крупницам. Нельзя не учитывать свидетельства Навои и Бабура по этому поводу. Бабур, например, не раз упоминает «оседлые и кочевые племена, живущие в горах и степях к востоку и югу от Андижана» (БН Т, стр. 122, см. также стр. 44, 77), по-видимому, иноязычные или инодиалектные. Недвусмысленно высказался об этом и Навои: «В каждом селении люди говорят по-своему, у них есть свои обороты речи и выражения, которых нет у других» (Н СДЯ, стр. 108). Эти высказывания, как и историко-лингвистические данные, позволяют предположить до-

¹⁹ См.: Э. Р. Тенишев. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. — «*Turcologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова». Л., 1976.

²⁰ См.: Н. А. Катагощина. Роль социальных факторов в процессе формирования и развития письменно-литературных языков. М., 1970 («Советская социалистическая ассоциация. Советский оргкомитет по подготовке VII Международного социологического конгресса»), стр. 12.

²¹ К. Ш. Шаниязов. Указ. раб., стр. 99.

²² «Бабур-наме». Ташкент, 1958, стр. 209.

²³ А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры [АН СССР]», XXVIII. М.—Л., 1949, стр. 43.

²⁴ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 12.

статочно ощутимую диалектную разобщенность тюрков Мавераннахра. В таком случае их торговые, деловые контакты обусловили формирование некоего культурного городского интердиалекта, который, по словам В. М. Жирмунского, «развивается путем последовательного устранения из местного диалекта его наиболее резких, первичных признаков, которые в первую очередь могли бы служить препятствием для языкового общения»²⁵.

Подобный интердиалект в известной мере, возможно, отражен в уникальном памятнике деловой речи Ферганы — в документе государя Ферганы султана Омар-Шейха, отца Бабура и современника Навои. Документ этот, опубликованный П. М. Мелиоранским исходил из андижанской канцелярии и датируется 1469 годом²⁶. По своей структуре язык его близок к языку «Бабур-наме». Если учесть, что даже в позднейшее время во многих среднеазиатских ханствах делопроизводство велось на персидском языке, то по документу Омар-Шейха, выполненному на тюрки, можно судить о том, как велик был престиж этого языка в тимуридских государствах XV века.

Допущение существования развитого делового и культурного собственно тюркского интердиалекта «в городе и на городском базаре Андижана» ставит также немаловажный в социолингвистическом отношении вопрос: почему именно андижанский интердиалект был взят за ориентир преобразователем письменно-литературного языка Алишером Навои, прожившим всю свою жизнь, в основном, в Герате и никогда не бывавшим в Андижане? Известно, что политический вес и престиж Самарканда был во всяком случае значительно выше, чем у Андижана: «Пока существует столица, подобная Самарканду, что может заставить человека губить время ради такого места, как Андижан?» — восклицал Бабур (БН Т, стр. 93). По тем временам Самарканд был крупным промышленным и ремесленным центром²⁷ с великолепными архитектурными сооружениями времен Тимура и Улугбека; между тем, Андижан, этот первый город среди городов Ферганы и третья по своей мощи крепость в Мавераннахре (после Самарканда и Кеша), «был основан, без всяких дворцовых сооружений, исключительно в интересах населения»²⁸. Как писал Бабур, «лучшая бумага в мире получается из Самарканда», а другой самаркандский товар — малиновый бархат — «вывозят во все края и страны» (БН Т, стр. 62). Показательно, что уже тогда у этого города была одна особенность, которая свидетельствует о высоком уровне развития торговли и «которая редко встречается в других городах: для каждого промысла отведен отдельный базар и они не смешиваются друг с другом» (БН Т, стр. 62). По словам В. В. Бартольда, в этот период в культурном отношении город претерпел знаменательное «превращение Самарканда Улугбека в Самарканд ходжи Ахрара»²⁹ и утратил прежний престиж. Во всяком случае, характерен следующий факт, сообщаемый Абд-ар-Раззаком Самарканди: гератский поэт Ариф в стихотворении, посвященном шейх-уль-исламу Бурхан эд-Дину, отъезжающему в Самарканд, писал, что «такого рода сладости трудно найти в Самарканде и Бухаре»,

²⁵ В. М. Жирмунский. *Немецкая диалектология*. М.—Л., 1956, стр. 571, см. также стр. 547, 550, 554, 555.

²⁶ П. М. Мелиоранский. *Документы уйгурского письма Султана Омар-Шейха*. — «ЗВОРАО», т. XVI, вып. I. СПб., 1905, стр. 5.

²⁷ См.: «История народов Узбекистана», т. 2. Ташкент, 1947, стр. 43.

²⁸ В. В. Бартольд. *Указ. раб.*, стр. 105.

²⁹ Там же, стр. 103.

подразумеваемая под сладостями стихи³⁰. Тем не менее, все еще «естественно было ездить в Самарканд учиться из Андижана»³¹.

Навои бывал в Самарканде: во времена правления Абу-Саида он был вынужден покинуть Герат и поселиться в Самарканде³². В Андижане поэт не был, однако, в связи со своим пребыванием в Самарканде, упоминал двух учившихся в этом городе андижанцев³³. Нельзя согласиться с А. К. Боровковым, что для Навои это были всего лишь «случайные встречи с андижанцами»³⁴, этому противоречит и утверждение ученого о том, что поэт «затратил колоссальный труд на вдумчивое изучение родной речи своего народа»³⁵.

По-видимому, как раз собственно лингвистические факторы и определили выбор именно наречия городского населения Андижана. Отмечая, что жители Андижана — все тюрки, Бабур не зря подчеркивал, что в городе и на городском базаре «нет человека, который не знал бы по-тюркски» (БН Т, стр. 12). Между тем, по наблюдению Б. В. Чобанзаде, у аристократии тюркских народов с древних времен наблюдалась склонность к усвоению чужих культов и языков, поэтому тюркский язык в прошлом не стал господствующим в городах³⁶. Скорее всего, именно так обстояло дело с тюркским языком в Самарканде, где таджики жили большими группами, продолжая сохранять свой язык и свои этнические особенности³⁷. О широко распространенном двуязычии тюрков Мавераннахра, обусловленном тем фактом, что «эти два племени (тюрки и сарты. — Г. Б.) во всех своих поколениях сильно перемешаны друг с другом», писал Навои (Н СДЯ, стр. 110); последствия языковой интерференции в современных узбекских говорах, в том числе и Самарканда, исследовали Е. Д. Поливанов и А. К. Боровков. Опираясь на замечания Навои о том, что «у тюрков от мала до велика, от нукера до бека все пользуются сартским языком»³⁸ и, напротив, «среди сартского народа от подлого [сословия] до благородного и от невежественного до ученого никто не понимает тюркского языка и не может говорить на нем» (Н СДЯ, стр. 110), можно предположить, что интердиалектом часто служил «сартский язык». Между тем, с давних пор для средневековых тюркских филологов были характерны четко выраженные пуристские позиции. Так, еще в XI веке Махмуд Кашгарский, классифицируя тюркские языки по признаку их «чистоты» и смешанности, категорически заявлял: «Язык тех, кто водится со знающими два языка горожанами, — порченный»³⁹.

Точно так же и Алишеру Навои, по-видимому, не могли быть чуждыми в известной мере пуристские устремления: в поисках ориентира для

³⁰ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 361.

³¹ В. В. Бартольд. Указ. раб., стр. 125.

³² «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, стр. 365.

³³ В. В. Бартольд. Указ. раб., стр. 106.

³⁴ А. К. Боровков. Указ. раб., стр. 99. Кстати, с уроженцами Андижана поэт, видимо, общался не только в Самарканде, но и в Герате, — к примеру, садр Султан Хусейна Мирзы — Мир Сар-и барахна, был уроженцем одной из деревень Андижана, причем это был даровитый и красноречивый человек, не чуждый литературной деятельности, а «среди людей науки и поэтов Хорасана его суждения и слово имели значение и считались основательными» (БН Т, стр. 204). Из Ферганской области происходил Юсуф Бади, недурно сочинявший касыды и принадлежавший к гератскому культурному кругу (БН Т, стр. 210).

³⁵ А. К. Боровков. Указ. раб., стр. 97.

³⁶ Цитируется по работе: А. Самойлович. [Рец. на кн.] «Неваи. Сборник Азербайджанского литературного общества». — В сб.: «Мир-Али-Шир», стр. 168.

³⁷ Ср.: «История народов Узбекистана», т. 2. Ташкент, 1947, стр. 49.

³⁸ «Сартским языком» (sart tili) Навои именует устную речь иранцев, в том числе и таджиков; их письменно-литературный язык он называет «farsi».

³⁹ Цитируется по работе: А. Н. Кононов. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугатит-турк». — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 14.

макроструктуры обновляемого им письменно-литературного языка он отбирал именно «чистый тюркй». В своих размышлениях о тюркской речи он говорит: «И явился мне цветник, в котором цветы блистали ярче небесных светил. В тайник этот не ступал никто, и он был чист, а россыпи сокровищ его были защищены от прикосновения чужих рук» (Н СДЯ, стр. 124). Сравните у Махмуда Кашгарского: «Самым чистым и правильным языком является язык тех, кто знает только один язык, кто не смешивается с говорящими на иранских языках, кто не бывал в чужих краях»⁴⁰. Таким «защищенным от прикосновения чужих рук» «чистым тюркй» мог быть признан избежавший явных смешений с «сартским языком» собственно тюркский интердиалект города Андижана.

Для пояснения всех этих весьма сложных вопросов было бы чрезвычайно важно найти другие деловые документы XV — начала XVI века на тюркй. Лингвистическое изучение подобных документов в сопоставлении с прозаическими сочинениями Бабур и Навои могло бы поставить гипотезу об андижанском городском интердиалекте на реальную почву⁴¹.

Но одно ясно уже и сейчас: языковая реформа, произведенная Навои и Бабуром, отражала, с одной стороны, возросший социальный авторитет обиходного и делового тюркй, а с другой — тенденцию к концентрации местных диалектов⁴², в результате чего достаточно четко обозначилось их грамматическое ядро. Одну из существенных составляющих этого грамматического ядра — падежное склонение карлукского (современного уйгурско-узбекского) типа — можно установить, воспользовавшись методом наложения и квалифицируя грамматически ограниченную вибрацию родительно-винительного падежа -i ~ -pi как явление более позднего, кыпчакского происхождения. Можно с уверенностью утверждать, что склонение этого типа было присуще средневековым городским говорам и объединявшему их интердиалекту оседлых тюрков Мавераннахра.

Итак, совокупность методических приемов изучения памятников литературно-письменного языка в сочетании с корректировкой их данных диалектными показаниями позволяет получить ценные сведения для исторической грамматики.

⁴⁰ Цитируется по работе: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 14.

⁴¹ Возможно, указание на существование интердиалекта (или: одного из интердиалектов) содержится в сообщении о том, что перу Сейфи Бухари принадлежит «диван, который он сочинил для всяких ремесленников» (БН Т, стр. 209). Можно думать, что предназначение этого дивана сказалось не только на его содержании и системе образов, но также и на его языке.

⁴² См.: В. М. Жирмунский. Указ. раб., стр. 29.

Д. М. НАСИЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ АЛТАИСТИКИ*

Алтаистика как отрасль сравнительно-исторического языкознания возникла в XIX веке¹.

Один из основателей сравнительно-исторического метода Рasmus Раск (1787—1832) указывал на важность анализа грамматического строя языка при установлении его родственных связей. Развивая идеи о разрушении грамматики по мере развития языка, Р. Раск сравнивал грамматические черты различных языков, тем самым он в какой-то степени подступил к типологическим сопоставлениям. В этом плане примечателен его «Трактат о финском языковом классе», написанный в период его пребывания в Петербурге, с использованием русских материалов по финно-угорским языкам². Для сравнения автор привлек и чувашский язык как находящийся в непосредственном контакте с финно-угорскими языками. Указанные языки вместе с кавказскими и некоторыми другими Р. Раск относил к роду «скифских языков». В другой своей работе «Разыскания о связи древнескандинавского или исландского языка с языками азиатскими» ученый обратился также к турецкому (сопоставляется склонение, спряжение, некоторые показатели заголов, лексика) и маньчжурскому (лексические сопоставления) языкам³. Р. Раск считал, что на основе общих черт грамматического строя — агглютинативного характера языка — можно объединить несколько языков Азии.

Известный немецкий ориенталист Генрих Юлиус Клапрот (1783—1835) своей обобщающей работой «Asia Polyglotta» («Многоязычная Азия»)⁴ продолжил традиции «Митридата» И. Хр. Аделунга. Однако этот труд и приложенный к нему Атлас языков (Sprachatlas) выгодно отличаются от справочника И. Хр. Аделунга тем, что Г.-Ю. Клапроту удалось лично проверить многие лингвистические материалы по восточным языкам. Клапрот использовал также материалы Д. Г. Мессер-

* Статья первая.

¹ Настоящая статья является непосредственным продолжением публикации: Д. М. Насилов. Об алтайской языковой общности (к истории проблемы). — В кн.: «Тюркологический сборник. 1974». М., 1977, стр. 90—108.

² R. K. Rask. Samlede tildels forhen utrykte Afhandlinger. Første del. København, 1834, стр. 1—46.

³ Там же, стр. 153—187. О лингвистических взглядах Р. Раска см.: P. Diderichsen. Rasmus Rask og den grammatiske tradition. — «Historisk-filosofiske Meddelelser», B. 38, nr. 2. København, 1960.

⁴ J. Klaproth. Asia Polyglotta. Paris, 1823; 2-е изд. — 1831 + Sprachatlas. — Там же, LIX табл.

шмидта и другие хранящиеся в архивах записи, которые он проверял во время своих путешествий по России, хотя, конечно, и он не избежал многочисленных ошибок⁵. Г.-Ю. Клапрот считал, что родство языков следует выводить из совпадения корней, хотя допустимо также использовать и данные грамматики, однако последние рекомендовал применять главным образом при определении ближайшего родства языков. Он различал всеобщее родство языков (*allgemeine Verwandschaft*), проявляющееся в совпадении слов по звучанию и по значению у самых различных народов, и родство языков одного племени (*Stammverwandschaft*), когда у родственных народов имеется не только значительное количество совпадающих слов, но обнаруживается несомненное подобие и в грамматическом строе (как, например, в «индо-германской» семье)⁶. Поэтому в его сопоставительных таблицах приводились сравнения каждого языка с самыми различными азиатскими и неазиатскими языками, а также и с родственными языками для подтверждения ближайшего («племенного») родства. Г.-Ю. Клапрот считал, что тунгусские, монгольские и тюркские диалекты показывают удивительную связь между собой, например, все монгольские диалекты имеют много общего и в корнях, и в грамматическом строе с языками тюркскими и тунгусскими, из чего можно сделать вывод, это эти три народа, с давних времен находившиеся в контакте друг с другом, могли смешаться между собой⁷. Языковые материалы Г.-Ю. Клапрота широко использовались в современной ему литературе.

В 1820 году французский востоковед Жан Пьер Абель-Ремюза (1788—1832), профессор китайского и маньчжурского языков в *Collège de France*⁸, издал «Исследования о тартарских языках...», из которых он избрал маньчжурский, монгольский, восточно-тюркский или уйгурский, тибетский⁹. Его целью было обобщить имевшиеся по этим языкам исторические и лингвистические материалы, а также сопоставить между собой и с другими восточными письменностями системы письма маньчжуров, монголов, уйгуров и тибетцев, проследив для первых трех видоизменение сирийской графики, которая, по мнению Ж. П. Абеля-Ремюза, являлась для них исходной и была принесена в Азию несторианскими миссионерами. В семи главах его работы были рассмотрены последовательно следующие вопросы: «Тартары вообще и происхождение их различных наименований», «Сиро-тартарский алфавит», «Некоторые письменности, употребляемые ранее у тартар», «К орфографии, грамматике и этимологии маньчжурского языка», «О языке монгольском и его диалектах», «Восточные тюрки, называемые обыкновенно уйгурами» (автор использовал уйгурописьменные рукописи, в частности, уйгурский список «Бахтияр-наме» и «Мирадж-наме» из парижской коллекции), «Язык тибетцев». Несмотря на указанную тематику, данная работа фактически не была специально лингвистической; значительное

⁵ См.: А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, стр. 96—98; ср.: N. Porre. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965, стр. 3.

⁶ J. Klaproth. Указ. раб., стр. IX—X, 35—42.

⁷ Там же, стр. 273, 295.

⁸ О работах этого автора см.: S. de Sacy. Notice historique sur la vie et les ouvrages De M. Abel Rémusat. — «Mémoires de L'Institut R. de France Académie des inscriptions et belles-lettres», т. XII, pt. 1. Paris, 1839, стр. 375—400.

⁹ Abel-Rémusat. Recherches sur les langues tartares, ou Mémoires sur différents points de la grammaire et de la littérature des Mandchous, des Mongols, des Ouigours et des Tibétains, т. I. Paris, 1820. (Автор считал, что в качестве обобщающего термина удобнее употреблять именно «тартарские языки», а не «татарские»).

место в ней уделялось истории народов и истории той или иной письменности. Затрагивая проблему взаимоотношений указанных языков между собой, Ж. П. Абель-Ремюза исходил из того, что наиболее верным признаком родства языков является общность корней и слов, обозначающих самые важные и необходимые понятия (степени родства, продукты питания, явления природы и т. п.). Поскольку такие слова в данных языках почти не совпадают, а сравнение их грамматики указывает на некоторое сходство, то Ж. П. Абель-Ремюза пришел к заключению, что все их родство состоит в аналогии грамматических признаков, то есть является родством «логическим» (в плане логики построения грамматических форм). На основании этого он устанавливал некоторые общие признаки языков: агглютинация, стабильность корня, последовательность присоединения морфем, особенности спряжения глагола, место сказуемого, порядок определяемого и определения и т. п. Однако в этих языках встречаются и общие слова, но они обозначают второстепенные понятия, связанные с торговлей, религией и т. п., что свидетельствует об их переходе из одного языка в другой в результате многосторонних контактов (войны, политические связи, торговля, религия) и еще раз опровергает мнение о действительном родстве маньчжурского, монгольского, тюркского и тибетского языков¹⁰. Это было одним из первых указаний на типологическое сходство алтайских языков, лексические связи между которыми могли быть объяснены взаимным заимствованием слов. Специальная методика сопоставительного изучения языков в работе не использовалась.

Дальнейшее становление алтайской теории, то есть системы взглядов на отношения между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками как языками, объединенными общностью происхождения, а также и урало-алтайской теории, согласно которой родственными считаются не только указанные семьи языков, но и, кроме того, угро-финские и самодийские языки, связано с именами нескольких ученых, чьи научные работы появились в середине XIX века. Как уже указывалось, в этот период алтайская теория была неотделима от урало-алтайской, причем нередко большее внимание уделялось установлению связей между уральскими и алтайскими языками, чем доказательству родства внутри этих двух групп языков¹¹. Уже в этот период отмечаются также попытки еще более расширить число членов алтайской (~ урало-алтайской) семьи за счет включения прежде всего японского языка, а также языков других семей. Следует сказать, что увеличение членов языковой общности не влияет на решение принципиального вопроса о характере их связей внутри данной общности и не меняет системы приемов, применяемых для оправдания объединения всех членов этой общности на основе неких критериев. Поэтому независимо от того, какие языки объединяются в языковую общность на основе генетических принципов, важно обратить внимание на отношение того или иного ученого к двум вопросам — как устанавливается и доказывается принадлежность языков к группе родственных и как устанавливается степень родства языков внутри этой группы. Такая постановка вопросов наметилась в языкознании уже в середине прошлого века, и с этих же позиций начала высказываться критика в адрес сто-

¹⁰ См.: *Abel-Rémusat*. Указ. раб., стр. I—LI, 394—398.

¹¹ В настоящей статье, естественно, не рассматривается развитие финно-угроведения и уралоистики, о чем см.: «Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков)». М., 1974; *Gy. Décsy*. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.

ронников установления родственных связей между широким кругом языков, в том числе и алтайских. По существу речь шла об использовании методов сравнительно-исторического изучения языков, но в области алтаистики в этом уже тогда наметилось отставание. И если финно-угорское языкознание заметно прогрессировало в данном направлении, то алтайское языкознание фактически оставалось почти до конца XIX века вне столбовой дороги прогресса сравнительно-исторического метода. Для целого поколения ученых типологические схождения между алтайскими языками представлялись решающими и достаточными для рассуждений о родственных связях между этими языками.

Например, именно с таких позиций в своей ранней небольшой работе¹² рассматривал отношения между алтайскими и финно-угорскими языками эстонский ученый академик Ф. И. Видеман (1805—1887)¹³, чье имя следует упомянуть в связи с первым этапом становления урало-алтаистики. Сравнивая грамматический строй чудских (то есть финно-угорских), монгольских, маньчжурского и татарских (то есть тюркских) языков, он отметил «древнее и глубокое родство» между этими языками, имеющими присущие только им, отличные от других языков Европы, особенности. Таких основных черт, общих для финно-угорских и алтайских языков, Ф. И. Видеман устанавливал пятнадцать, среди них — гармония гласных, отсутствие грамматического рода, постпозиция аффиксов и служебных слов, единообразие склонения и спряжения, наличие посессивных показателей и т. п. С современной точки зрения, эти черты определяются как типологические признаки языков.

Можно также указать на исследование Г. Чельгрена (Кельгрена)¹⁴, в котором автор сравнивал «внутренние законы» финского языка с венгерским, маньчжурским, тюркскими и монгольскими языками с целью выявления «древнего родства» всех этих языков. Г. Чельгрэн широко использовал материалы Ж. П. Абель-Ремюза, монгольскую грамматику Я. Шмидта, а также алтаистические работы В. Шотта (о них см. ниже). В фонетике он кратко анализировал гармонию звуков, их длительность, ударение, ритмику слогов; в морфологии — склонение имен существительных, формы прилагательных, местоимения, отдельные глагольные формы, выражение множественности и сами показатели плюральности. Он считал, что разделение этих языков произошло очень давно, когда грамматика была слабо развита, бедна формами.

Здесь же можно упомянуть и небольшую работу Ф. Рериха¹⁵ о некоторых особенностях урало-алтайских языков, носящую характер не всегда удачной компиляции¹⁶. Ф. Рерих рассматривает принципы гармонизации гласных и ее значение в этих языках (случай типа ма. *ама-эме* 'отец' — 'мать' он связывает с дуалистической философией мужского и женского начала или противопоставления большого и малого),

¹² F. I. Wiedemann. Über die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandschaft mit den Völkern Mitteleuropas. Reval, 1838, 16 стр.

¹³ О научной деятельности Ф. И. Видемана см.: Д. В. Бубрих. Финно-угорское языкознание в СССР. — «Финно-угорский сборник». Л., 1928, стр. 100—104; Д. М. Насилов. Взгляды акад. Ф. И. Видемана и М. П. Веске на урало-алтайскую проблему. — В кн.: «Финно-угорские народы и Восток». Тезисы конференции. Тарту, 1975, стр. 56—58.

¹⁴ H. Kellgren. Die Grundzüge der finnischen Sprache mit Rücksicht auf den ural-altaischen Sprachstamm. Berlin, 1847.

¹⁵ F. L. O. Røhrig. Eclaircissements sur quelques particularités des langues tatares et finnoises. Paris, 1845.

¹⁶ Ср.: О. Böttlingk. Über die Sprache der Jakuten. СПб., 1851 (или О. Бётлингк. О языке якутов. — «Ученые записки императорской Академии наук», т. I, вып. 4, 1853, стр. 422.

местоимение *kim* и союз *ki* в турецком языке (вопросительные и неопределенные местоимения во многих языках выступают как относительные), а также девять лексических соответствий.

Конечно, подобный подход к решению проблемы родства языков был следствием господствовавших тогда взглядов на общую структуру языка. Между тем все выше сказанное отнюдь не означает, что в алтаистике середины XIX века не было никакого прогресса. Шло накопление материалов и вовлечение их в научный обиход, было сделано много полезных типологических наблюдений, наконец, применение сравнительно-исторической методики давало все же свои положительные результаты.

Первых успехов в этом направлении добился немецкий ориенталист-синолог Вильгельм Шотт (1802—1889), занимавшийся более пятидесяти лет урало-алтайскими языками. Первой его лингвистической работой в данной области явился «Опыт исследования татарских языков»¹⁷, к которым он относил языки монгольские, тюркские и тунгусо-маньчжурские (из них он широко использовал маньчжурский как наиболее изученный). В своей работе В. Шотт пытался глубже проникнуть в существо этих языков (он предложил называть их центрально-азиатскими — *Hochasiatischen*), обратив внимание на грамматические формы, общность которых лучше всего должна свидетельствовать о близком родстве языков. В. Шотт различал духовное родство языков, которое Абель-Ремюза в своей работе называл аналогическим, или логическим (типологическая общность языков), а также их генетическое родство (*leibliche Verwandtschaft, Blutsverwandtschaft*), когда языки имеют общий лексический материал и общие грамматические формы, благодаря чему предстают как дивергирующие ветви одного корня. Относятся ли татарские (алтайские) языки к последнему типу? В. Шотт полагал, что на этот сложный вопрос можно ответить, в отличие от Абель-Ремюза, положительно, поскольку сравнение корней (именно корней!) и грамматических форм показывает их большое сходство по языкам.

Уже в этой работе В. Шотт высказал интересные мысли об особенностях исследования алтайских языков, которые получили в дальнейшем свое развитие. Так, возражая Абель-Ремюза, он писал, что несовпадение слов, выражающих самые необходимые понятия, еще не свидетельствует об отсутствии близкого родства между языками, так как и в родственных языках некоторые термины родства, названия частей тела, явлений природы, наименования продуктов питания и т. п. могут обозначаться разными словами (он приводил примеры¹⁸ из индоевропейских и семитских языков со значениями: «сын», «дочь», «сестра», «жена», «небо», «земля», «солнце», «голова», «рот», «камень», «дерево» и др.). Поэтому следует, допуская динамику значений и фонетические переходы, сопоставлять не понятия и их обозначения, а искать в языках соответствия во всем их лексическом составе, особенно на уровне корней. Это положение, высказанное уже более полутора

¹⁷ W. Schott. Versuch über die Tatarischen Sprachen. Berlin, 1836.

¹⁸ Следует учесть, что приводимые в данной статье примеры взяты непосредственно из рассматриваемых работ, чем и объясняется в ряде случаев неверная, с точки зрения современной науки, транскрипция, неточные значения, необычные грамматические формы или ложные этимологии. Мы отказались от попыток вносить в эти примеры значительные исправления (хотя орфография обычно приближена нами к современной), чтобы избежать интерполяции современных взглядов в прошлое знание о предмете, а также их оценочного анализа. Все это требует, естественно, критического подхода к приводимому здесь фактическому материалу.

веков тому назад, не утратило своей актуальности еще и сейчас, поскольку нередко антиалтаистические возражения базируются на сопоставлении подобных слов¹⁹. Говоря о выделении заимствованных слов, В. Шотт указывал на необходимость комплексного изучения отдельного слова в конкретном языке: если оно в комплексе словоформ и значений проявляет себя закономерно в одном языке, а в другом выглядит исключением, то, вероятно, оно заимствовано из первого. Однако и здесь следует учитывать, что при наличии общего корня в двух этих языках в один из них может быть заимствован какой-либо дериват данного корня. В качестве примера приводилось слово *elci* 'посол' как заимствованное из тюркского в монгольский — *элч(и)* 'нарочный, голец', хотя и в монгольском языке можно выделить общий для обоих языков корень **el/il* ~ **ele/ile* (ср.: письм. мо. *ilege-*, монг. *илгээх*, бурят. *эльгэхэ* 'посылать, направлять')²⁰. В. Шотт считал, что алтайские языки более далеки друг от друга, нежели известные в то время индоевропейские (или индогерманские в терминологии В. Шотта); это не позволяет последовательно выводить одни языки из других (например, тюркские из монгольских), однако не исключает возможности считать, что некогда эти языки были близки к давно исчезнувшему центрально-азиатскому праязыку (*hochasiatische Ursprache*). Вообще, В. Шотт категорически возражал против допущения, что родство алтайских языков могло возникнуть в результате длительных контактов алтайских народов: «Совершенно невозможно, чтобы данные обстоятельства обусловили родство языков, которые до этого были неродственными».

В указанной работе были рассмотрены также нижеследующие конкретные особенности алтайских языков. В области вокализма — явление гармонии гласных и отдельные свойства гласных по языкам — давалась лишь их краткая характеристика. Шире представлялся раздел о согласных звуках: здесь приводились некоторые соответствия их по языкам, в частности, маньч., мо. *n-* ~ тюрк. *j-/ø-*: маньч. *надан* ~ тюрк. *jedi* 'семь', мо. *нэн(г)* ~ тюрк. *eñ* 'очень', мо. *насун* ~ тюрк. *jaş* 'год', мо. *нар[ан]* 'солище' ~ тюрк. *jaz* 'лето', мо. *навч* ~ тюрк. *jargaq* 'лист', рассматривались сонанты в разной позиции в слове, переходы звуков внутри языков, поведение шумных *k* ~ *q* и т. п. Специальный раздел посвящен корню слова и производным словам. Здесь автор обращает внимание на сложность установления морфологической границы между корнем и его деривативными распространителями или даже присоединенными к нему другими корнями. Из всех дериватов можно выделить некие примитивные, или простые корни, но трудно, а иногда и невозможно доказать обоснованность такого членения слова, тем более, что в алтайских языках наблюдается синкретизм частей речи. Из морфологии алтайских языков в работе рассматривались формы выражения множественности (**r* принималось за праязыковый показатель множественности, давший позднее рефлексy *s, z* ~ *t/d* ~ *k*) и падежных отношений, местоимения (соотношение форм по лицам и числам), числительные (хотя они не имеют особого значения для определения родст-

¹⁹ См.: W. Schott. Указ. раб., стр. 2—21; ср. соответствующие статьи в сб.: «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971.

²⁰ Ср.: Т. А. Бертагаев. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках. — В кн.: «Проблема общности алтайских языков», стр. 96—97. Ниже автор пишет: «Слово, сводимое к корневому элементу, общему для сравниваемых языков, может быть иногда заимствовано родственным языком в оформлении, присущем тому языку, из которого взято» (стр. 104).

венности языков). Таким образом, уже в первом «Опыте» В. Шотт затронул важные теоретические проблемы алтаистики, а также дал на их основе конкретные примеры языковых сопоставлений.

Десять лет спустя В. Шотт, глубже изучив финно-угорские языки, пришел к выводу, что алтайскую общность следует расширить за счет родственной семьи финно-угорских языков (при этом им учитывалась упоминавшаяся выше работа Г. Чельгрена). Он писал, что при изучении «взаимных отношений тюркских, монгольских и тунгусских языков речь должна идти не о простой аналогии, которая видна даже поверхностному наблюдателю, и еще менее об обычных заимствованиях, но о действительном родстве звуковой системы, корней и грамматических форм... Финские языки должны быть названы идеалом урало-алтайских языков»²¹. Обоснованию этих положений было посвящено новое исследование В. Шотта «Об алтайской или финно-татарской семье языков»²², где впервые широко употребляются термины «алтайская семья языков», «алтайские языки». Основное внимание во вводной части работы было уделено характеристике финно-угорских языков в сравнении с другими «татарскими» языками. Сама же работа носит в целом фонетический характер, ее можно даже назвать подобием первой сравнительной фонетики алтайских (в понимании В. Шотта), то есть урало-алтайских языков, причем объем используемого по языкам материала всецело зависел от состояния изученности этих языков (В. Шотт не располагал сведениями по многим тюркским, самодийским и тунгусским языкам). В этой работе автор шире, чем прежде, сопоставлял лексику урало-алтайских и тибетского, китайского, японского языков, а также индоевропейских; позднее такие сопоставления занимают значительное место во всех историко-лингвистических исследованиях В. Шотта²³. Общее содержание основной части данного исследования раскрывается в названии одного из его разделов — «Родство финно-татарских корней с учетом звуковых превращений». Автор устанавливал ряд межъязыковых и внутриязыковых звуковых соответствий и чередований в корнях слов, общих для всех языков, или только для некоторых из них. Гласным и согласным звукам посвящено почти по пятидесяти страниц, заполненных десятками примеров лексических соответствий. Приведем некоторые примеры из области «превращений» гласных звуков. В. Шотт обращал внимание прежде всего на наличие во всех алтайских языках слов-дублетов, отличающихся лишь различной огласовкой при разных степенях модификации значений (например, мо, аба 'отец' ~ ебү-ге 'дед'; ма, ата 'отец' ~ ете 'мать'; тюрк қаға- 'смотреть' ~ көг- 'видеть' — здесь противопоставление твердоядных и мягкоядных слов, или слов с сильными и слабыми гласными, используется для различения смысла слов). Далее рассматриваются гласные во всех позициях в корне. Сюда же отнесены и случаи соответствий с гласным в анлауте и с согласным (типа тунг. -ма. хутэ ~ хитэ ~ үтэ 'ребенок', нинакин ~ индахун ~

²¹ W. Schott. Über Nationalität und Abkunft der Finnen. — «Allgemeine Zeitschrift für Geschichte», Bd. VIII. Berlin, 1847, стр. 463—464.

²² W. Schott. Über das Altai'sche oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht. — «Abhandlungen der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse» (APAW), 1847, стр. 281—427; Отдельный оттиск. Berlin, 1849; *его же*. Zusätze und Berichtigungen. — «Monatsbericht des Preuss. Akademie der Wissenschaften zu Berlin» (MBPAW), 1851, стр. 433—445.

²³ W. Schott. Über mongolische und indischeuropäische Sprachwurzeln. — MBPAW, 1851, стр. 199—208. Корейский язык В. Шотт считал совершенно изолированным и не связывал его с другими алтайскими языками. — См.: W. Schott. Über linguistische und ethnographische Fehler in geographischen Lehrbücher. — MBPAW, 1879, стр. 801.

мо. *poschai* ~ яп. *indu* ~ тюрк. *it* 'собака'; тюрк. *йығач* ~ *ағач* 'дерево'). В разделе о согласных представлены «превращения» следующих звуков в разных позициях: 1) гортанные и нёбные (*h, ch, k, gh, g, j, ng*), 2) язычные (*г, l, n, t/d*), 3) зубные, или свистящие (*ʃ, s, s', sch, ds, ts, ds'*), 4) губные (*f, w, b, p*). Еще три примера сопоставлений у В. Шотта (в транскрипции автора): 1) тюрк. *japrak, ds'afrak*, якут. *sibirdach*; письм. мо. *paɓg'in*; ма. *afacha*, тунг. *abda-nda, awda-ппа* 'лист'; 2) ма. *chorgi* 'кружиться, вращаться', *chorgi-kû* 'ось, вертлюг' ~ мо. *chorija* 'огороженное место', *chorijan* 'ограда, двор', *chorig-ghol* 'загородка, ограда', *choga-ghan* 'внутренний двор', *chorig* 'запирать, окружать', *chorigh* 'запрещение', *chorigim* 'пир, празднество' (совр. монг. *хурим* 'свадьба, пир'), *chogal* 'собрание, место сбора' (совр. *хурал* 'то же') ~ тюрк. *kuga* 'двор, скотный двор', *kug-ук* 'заказник'; ма. *chergi* 'кружить, окружать' ~ мо. *eggi* 'кружиться, вертеться, вращаться'; ма. *chorgi* ~ мо. *ortschi* 'кружиться, вращаться, перерождаться'; *ordu* 'дворец, лагерь, орда' ~ тюрк. *orta* 'середина'; ма. *gug(un)* 'страна, государство' ~ мо. *kür-dü* 'колесо, круг, круг перерождений'; мо. *ger* 'дом, жилище, юрта, семейство' ~ ма. *ger-en* 'все, совокупность'; ма. *chergi* ~ мо. *ter* 'кружиться' ~ мо. *ter-gen* 'телега, повозка' ~ мо. *tügür-ük* 'круг, кружок' ~ тюрк. *teker* 'вращаться', *degirmen* 'мельница' (здесь в группе корней со значением «круг, вращение по кругу» показаны, кроме различной их огласовки и по ряду, и по качеству, «превращения» согласных *ch ~ g ~ k ~ t/d ~ ø*); 3) мо. *cham-tu* 'совместно, сообща, воедино', *cham-sa* 'объединяться', *cham-uk* 'все' (корень *cham-* со значением 'совместность, соединение') ~ ма. *kam-ni/kam-tsi* 'соединять', *gem-un* 'город', *gemu* 'все' ~ тюрк. *kamı* 'все'²⁴.

Указанные положения В. Шотта получили дальнейшее развитие в серии из пяти статей, объединенных общим названием «Алтайские штудии»²⁵; статьи печатались в течение двенадцати лет, с 1859 по 1871 год, в трудах берлинской академии, членом которой В. Шотт являлся с 1841 года. В этих работах ученый рассматривал некоторые грамматические формы (например, падежные аффиксы, разряды местоимений, формы притяжательности, личные аффиксы спряжений, формы диминутива), сопоставлял их по всем языкам, но основное место отводил корневому сопоставлению в пределах определенных семантических групп слов. Исходя из того, что в алтайских языках возможны сложные, или составные слова (*zusammengesetztes Wort*), а также присоединение к словам (~ корням) видоизмененных слов в качестве образующих элементов (*Bildungszusatz*), В. Шотт возводил некоторые грамматические показатели к самостоятельным словам или разлагал слова на составные части, сопоставляя их тоже с отдельными словами. Хотя В. Шотт и не высказал категорического мнения о происхождении всех аффиксов из самостоятельных слов, но, по-видимому, сочувственно относился к этой теории. Примерами сложных слов для него были тюрк. *печіп* 'почему?', *bügün* 'сегодня', письм. мо. *jagakikü* 'как делать?', ма. *aba* < *ai-bi* 'где?', а также числительные, поскольку они обычно после числа 3 представляют собой производные от более простых числовых понятий (например, $4 = 2 + 2$, $6 = 3 + 3 = 3 \cdot 2$, $8 = 10 - 2$ и т. п.). Кстати, анализу

²⁴ Ср.: И. В. Кормушин. Лексико-семантическое развитие корня *qa в алтайских языках. — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971, стр. 9—29.

²⁵ W. Schott. Altajische Studien oder Untersuchungen auf dem Gebiete der Altai-Sprachen. I. [Heft]. «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», phil.-hist. Kl., Berlin. (APAW), 1859 (1860); II. Heft. Там же, 1861; его же. Altajische Studien oder Untersuchungen auf dem Gebiete der tatarischen (turanischen) Sprachen. III. Heft. Там же, 1866 (1867); IV. Heft. Там же, 1869 (1870); V. Heft. Там же, 1871 (1872).

алтайских числительных В. Шотт посвятил специальную работу²⁶; она перекликается с аналогичным исследованием А. Потта, выполненным на материале самых различных языков, где также чувствуется увлечение автора излишним разложением корней²⁷. Ко второй группе образований В. Шотт относил, например, показатели диминутива тюрк. *ç(V)q* ~ мо. *üçken* 'маленький'; тюрк., монг. *-k(V)n* ~ тунг. *kan*, тюрк. *-gine* < *kiçik* 'маленький'; показатель совместности ма. *-ça/-çe* < *aça* 'соединяться' ~ монг. *-l-ča-* ~ тюрк. *-ş-*; показатель транзитива монг. *-gig* ~ *-ger* ~ *-giz* ~ монг. *-guł* < тюрк. *qol* ~ мо. *ghar* 'рука' ~ тюрк. *qil* 'делать'; показатель глагольного имени тюрк. *-g'aq* ~ *-g'a* < тюрк. *çaq* 'отрезок времени' и т. п.

Как уже упоминалось, В. Шотт стремился к корнезому анализу слов в алтайских языках. Он пытался выделить звуковой комплекс, который во всех языках несет определенное единое стержневое значение; последнее модифицировалось в зависимости от огласовки корня и «превращений» согласных звуков. Так возникали большие гнезда слов, связанных весьма обобщенными значениями²⁸. В качестве примеров укажем такие группы значений: 1) «огонь», «тепло», «гореть», «дымить», «курить» — исходный звукокомплекс *t/d-(V)-l*; 2) «вращаться», «вертеться» — *k/ch-(V)-г* (примеры см. выше); 3) «делать знаки, штрихи», «писать», «рисовать» — *k-(V)-г*; 4) «видеть», «смотреть», «наблюдать» — *k-(V)-г*; 5) «сжимать», «сдавливать» — *b-(V)-k*; 6) «тащить», «тянуть» — *t/d-(V)-t* (~ *m*, *n*, *п*, *г*).

Несмотря на то, что работы В. Шотта были заметным шагом вперед в алтаистических исследованиях (поэтому ученого можно считать одним из зачинателей собственно алтаистики, опиравшимся на первые достижения сравнительно-исторического метода), они в то же время отразили, с одной стороны, бедность фактической базы, на которой строились эти исследования, и, с другой — слабые стороны начального этапа развития сравнительно-исторического метода в языкознании. Выше этого уровня В. Шотт, к сожалению, не сумел подняться в своих многолетних алтаистических штудиях. С фактологической стороны это был еще период накопления самого необходимого материала (ведь тогда только начали появляться работы М. А. Кастрена и В. В. Радлова — величайшая в XIX веке сокровищница языковых фактов), причем положительным явлением была наметившаяся систематическая его обработка. В своих лексико-грамматических сопоставлениях В. Шотт, по всей видимости, опирался на теорию корня, как она была представлена в работах Ф. Боппа, А. Потта и их последователей²⁹. Согласно ей все слова восходят к односложным корневым элементам или просто к корням, корни же, выявляющиеся как многосложные, представляют собой позднейшее сложение тех же первичных корней. Корни некогда существовали самостоятельно, но теперь они часто выделяются как смысловые, или «идейные» единицы, входящие в круг генетически связанных

²⁶ W. Schott. Das Zahlwort in der tschudischen Sprachenclasse, wie auch im Türkischen, Tungusischen und Mongolischen. Berlin, 1853.

²⁷ См.: A. F. Pott. Die quinare und vigesimale Zahlmethode bei Völkern aller Welttheile. Halle, 1847.

²⁸ См. также: W. Schott. Über einige Tiernamen. — APAW, 2. Abt. Berlin, 1875; *его же*. Einiges zur vergleichenden Etymologie von Wörtern des s. g. Altaischen Sprachengeschlechts im weitesten Sinne. — «Sitzungsberichte der Preuss. Akademie der Wissenschaften», phil.-hist. Kl. (SBPAW), Bd. 2, 1887.

²⁹ См.: А. В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков, М.—Л., 1955, стр. 31—184; В. Томсен. История языковедения до конца XIX века. М., 1938, стр. 51—89; Б. Дельбрюк. Введение в изучение языка. СПб., 1904, стр. 9—116.

между собой слов. Некогда существовавшие два класса корней порождали, с одной стороны, имена и глаголы, с другой — местоимения и частицы. Из этого следовало, что в именах и глаголах могли быть обнаружены одни и те же корни, причем необязательно должны быть представлены в них факты взаимной словообразовательной деривации. Поэтому и для В. Шотта было достаточно наличия обобщенного значения у целого ряда слов для признания их восходящими к одному корню, если при этом удавалось определить с учетом «звуковых превращений» его этимологический звукотип. В отношении этих «звуковых превращений» В. Шотт также стоял на уровне бопповского подхода к звуковым соответствиям. Для него, как и для Ф. Боппа, «всегда решающим было общее впечатление, что подвергнутые сравнению слова тождественны, и к этому общему впечатлению звуки должны были прилагиваться, проверку известного положения сопоставлением разных судеб того же самого звука, засвидетельствованных другими случаями, он допускал не в достаточном объеме»³⁰. Поэтому и В. Шотт «не пытался устанавливать таблицы звуковых соответствий, а только сравнивал между собой слова, казавшиеся ему тождественными, и старался разобрататься в звуковых переходах в отдельных данных случаях»³¹. Как известно, понятие о звуковом законе сложилось позже, и, начиная с трудов А. Шлейхера, стало ведущим в практике сравнительно-исторических исследований, равно как и стремление обязательно реконструировать праязыковую форму³².

Алтаистические работы В. Шотта получили широкую известность. Они часто использовались не только лингвистами смежных специальностей, но и авторами общетеоретических трудов по языкознанию, специалистами по общему языкознанию, а также этнографами и историками. С общезыковедческой точки зрения они использовались в связи с теорией агглютинации, а также при типологической классификации языков на основе их морфологической структуры (особенно после трудов Г. Штейнталя), этнографы и историки опирались на них при классификации племен и народов³³. Однако исследования В. Шотта подвергались и критике, часто весьма резкой, со стороны ученых в последующие периоды развития сравнительно-исторического языкознания. О. Бётлингк писал о методике его корневого анализа слов: «Я считаю совершенно превратным путем исследования, когда, подобно г. Шотту..., берутся за сравнение финско-татарских корней, не исследовав строго даже одной фамилии этого племени; когда отдельное слово, взятое из какого-либо члена одной фамилии, сличают со словом также из отдельного члена другой, не догадываясь, как мало может доказывать приобретенное таким образом сходство слов...; когда в словах, сходных между собой, различие некоторых звуков не заботятся объяснить определенными законами, действующими в целой фамилии, или в отдельном члене, но во всякой фамилии и в каждом члене считают легко возможным и совершенно естественным всякое видоизменение звука, в каком

³⁰ Б. Дельбрюк. Указ. раб., стр. 23.

³¹ Там же, стр. 24.

³² См.: А. В. Десницкая. О лингвистической теории Августа Шлейхера. — «Вопросы языкознания», 1971, № 6.

³³ См., например: A. Schleicher. Sprachvergleichende Untersuchungen. I—II, Bonn, 1848—1850; K. W. L. Heyse. System der Sprachwissenschaft. Berlin, 1856; J. G. Cuno. Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde. Bd. I, Berlin, 1871; T. de Pauly. Description ethnographique des peuples de la Russie. St.-Pét., 1862; A. Hovelacque. La Linguistique. Paris, 1877, стр. 57—60, 117—177.

бы языке оно ни встречалось; когда не находят ни малейшего затруднения выводить из сравниваемых слов корни... и корни эти сравнивают не только в области уральско-алтайских языков, но даже с китайским, тибетским и индогерманскими, и объявляют себя принужденными заключать об общем их происхождении; когда, наконец, берут для сравнения языки известные из скудных и неудовлетворительных реестров слов»³⁴. Сам О. Бётлингк рекомендовал тщательно исследовать каждый из языков, а затем уже на основе этого делать исторические сопоставления для восстановления «первобытных форм, корней и грамматических окончаний».

Следует также назвать финского ученого Матвея Александра Кастрена (1813—1852), энтузиаста науки, чья жизнь была поистине подвижнической³⁵. Его успешные этнолингвистические путешествия по Сибири в 1842—1844 годах и в 1845—1849 годах принесли науке новые материалы по финно-угорским, самодийским, тюркским, монгольским, тунгусским и палеоазиатским языкам. М. А. Кастрен весьма сочувственно относился к алтайской теории, особенно в связи с локализацией им прародинны финских народов в районах Алтайского хребта. Он писал: «Финские языки более или менее сродни с языками всех народов, живущих в Алтайских горах, или отсюда вышедших. Наш (финский. — Д. Н.) язык подходит ближе всего к самоедскому и тюркскому, но, вместе с тем, обнаруживает и решительное сродство с языками монгольскими и тунгусским. Из этого сродства языков можно вывести положительное заключение, что финны некогда жили на Алтае»³⁶. Исходя из этого, М. А. Кастрен объединял финно-угорские, самодийские, тюркские, монгольские и тунгусско-маньчжурские языки термином «алтайские»³⁷. Ранняя смерть помешала ему заняться доказательством родственных отношений между алтайскими языками: «...здесь я приду в соприкосновение с монголами и тюрками или татарами, которые особенно интересны, потому что мне страшно хочется доказать сходство между их языком и финским, а равно и самоедским. А что это родство действительно существует, в этом не может быть никакого сомнения, но чтобы доказать его вполне удовлетворительно, разумеется, нужны труд и время. Весьма вероятно, что моей жизни и не хватит на окончание этого дела...»³⁸. М. А. Кастрен, как лингвист, обладавший обширными познаниями в области разнообразного языкового материала, был весьма точен в своих выводах и требовал скрупулезной обработки данных по каждому из изучаемых языков. Он отмечал, что «...расширение исследований невозможно до тех пор, пока промежуточные языки (здесь имелись в виду тюркские и тунгусские. — Д. Н.) не будут подробно исследованы в грамматическом и лексическом отношении. А мы до сих пор не знаем еще даже ни характера, ни законов и коренного финского языка; как же тут сравнивать этот X с монгольским Z-ом»³⁹.

³⁴ О. Бётлингк. О языке якутов. — «Ученые записки Императорской Академии наук», т. I, вып. 4, 1853, стр. 423—424.

³⁵ См.: А. И. Шагрен. Очерк жизни и трудов Кастрена. — «Вестник Русского Географического общества», 1853, ч. 7, стр. 100—133; «Памяти М. А. Кастрена». Л., 1927; И. С. Вдовин, Н. М. Терещенко. Очерки истории изучения палеоазиатских и самодийских языков. Л., 1959, стр. 78—82; В. Б. Муравьев. Вехи забытых путей. М., 1961.

³⁶ М. А. Кастрен. Путешествие в Сибирь, 1845—1849. — В кн.: «Магазин земледения и путешествий», т. 6, ч. 2. М., 1860, стр. 437.

³⁷ См.: М. А. Castrén. Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojedischen Märchen und tatarischen Heldensagen. — «Nordische Reise und Forschungen», Bd. IV. St.-Ptb., 1857, стр. 14; *его же*. Über die Personalaffixe in den altaischen Sprachen. — Там же, Bd. V, 1862, стр. 152—153.

³⁸ М. А. Кастрен. Путешествие в Сибирь, стр. 274.

³⁹ Там же, стр. 291.

М. А. Кастрен считал необходимым различать две лингвистики; первую он называл «исторической», а вторую — «философской или спекулятивной»⁴⁰. Предметом изучения исторической лингвистики являются материально родственные между собой языки, принадлежащие одной семье (Stamm) и характеризующиеся также фонетическим родством (lautliche Verwandschaft); ее задачей является проникновение в глубь первоначальной сущности языка, установление законов развития конкретного языка. Философская лингвистика занимается общими закономерностями различных языков, а также ищет сходное во многих языках. М. А. Кастрен считал, что вопрос о генетических отношениях между алтайскими языками может быть решен лишь с помощью методов исторической лингвистики, сравнительно-исторического языкознания на базе детального изучения каждого из языков. Вот его кредо: «Все исследователи, которые до сих пор пытались разъяснить взаимное родство скифских языков, хотели этим путем разрешить вопрос о родстве народов. Языковое исследование не было для них главной задачей; они пользовались им как средством для исторического исследования и полагали, что в их целях достаточно сделать сопоставление отдельных слов и форм, оставляя в стороне языковые законы и весь грамматический строй. Но этим сравнительное языкознание не удовлетворяется. Оно ставит себе задачей сравнивать не только слова и формы, но и весь внутренний строй языков — законы, которые в них обнаруживаются. Ибо, если языки находятся в непрерывном развитии и притом подвергаются внешним воздействиям, то ясно, что они в разной обстановке в своем внешнем облике могут развиваться самым различным образом... Если, таким образом, сравнительное языкознание желает приносить плоды, то ему надо опираться главным образом на языковые законы... задачей филологии является разъяснить сравнительным и генеалогическим путем первоначальную природу языковых законов»⁴¹. Такой подход отразился и в его докторской диссертации «О личных аффиксах в алтайских языках» (1850 г.)⁴². М. А. Кастрен не ставил себе цель доказать этим сочинением родство алтайских языков, считая, что из всей грамматики личные аффиксы менее всего подходят для такой задачи, но тем не менее его выводы о значениях аффиксов, об их происхождении и развитии по группам алтайских языков сыграли большую роль в истории алтаистики, так как они основывались на богатом материале живых языков⁴³. С теоретической точки зрения, работа М. А. Кастрена была направлена на подтверждение восходящей к Ф. Боппу теории агглютинации личных глагольных показателей, развившихся из личных местоимений, как прочие грамматические показатели из самостоятельных слов или корней. Поскольку М. А. Кастрен опирался на живые языки, ему удалось показать соотношение личных аффиксов по всем алтайским языкам; особенно это было важно для тунгусских и монгольских языков (на базе бурятского), что в корне изменило представление о роли личных показателей в данных языках. В свою очередь, ука-

⁴⁰ См.: М. Castrén. Ethnologische Vorlesungen, стр. 5—12.

⁴¹ Цитируем по Д. В. Бубрих. Кастрен — исследователь финно-угорских народностей. — В кн.: «Памяти М. А. Кастрена», стр. 60—61.

⁴² М. A. Castrén. Über die Personalaffixe in den altaischen Sprachen. — «Nordische Reise und Forschungen», Bd. V, St.-Ptb., 1862, стр. 151—222. Латинский вариант: De affixis personalibus linguarum Altaicarum. Helsingfors, 1858.

⁴³ Изложение отдельных положений этой работы, а также оценка общего ее значения для алтаистики в целом и для отдельных отраслей последней см. в статьях Л. Я. Штернберга, Я. П. Кошкина в кн.: «Памяти М. А. Кастрена», стр. 41—48; 114—124.

занное обстоятельство способствовало пересмотру взглядов на место каждой группы алтайских языков в шкале агглютинирующих языков.

Общая оценка вклада М. А. Кастрена в алтайскую теорию, на наш взгляд, очень точно определена Л. Я. Штернбергом: «Среди мнений, высказываемых о Кастрене, как об алтаисте, иногда приходится слышать, что теория его сложилась чисто интуитивно. Что Кастрен, как всякий мыслитель его калибра, обладал в высшей степени тем, что принято называть даром интуиции, это, конечно, несомненно, но интуиция у него, как у всех крупных мыслителей, являлась отнюдь не априорно, а в результате долгой упорной подготовительной работы над собранным материалом. В действительности, вся история научных работ Кастрена показывает, что, будучи энтузиастом по натуре, он в научных вопросах тщательно избегал всяких предвзятых теорий»⁴⁴. В вопросе о степени родства между алтайскими языками М. А. Кастрен в целом, вероятно, опирался на свою интуицию исследователя. Отдельные моменты этих представлений уточнялись по мере его знакомства с новыми алтайскими языками (последний вариант: финно-угорские — самодийские — тюркские — тунгусские/монгольские). При составлении такой общей шкалы М. А. Кастрен все же исходил из степени развития агглютинации в этих языках, иными словами, это был в значительной мере подход с типологических позиций, с позиций именно «философской лингвистики», приверженцем которой сам М. А. Кастрен себя не считал. Но стоило ученому обратиться к конкретному сравнительному исследованию, как он становился адептом сравнительно-исторического метода, для которого «общие грамматические соответствия никак нельзя рассматривать как результат внутреннего родства языков»⁴⁵. Отсюда и его выводы о выяснении генетических связей между алтайскими языками: «... между всеми этими языками, и особенно между финскими, самоедскими и тюркскими — имеются многочисленные и формальные, и материальные соответствия... Так ли значительны эти соответствия, чтобы дать основание языковедам возводить указанные языки к одному общему корню (Stamm), — вот вопрос, ответить на который дело будущего»⁴⁶.

В середине прошлого века с серией алтаистических статей выступил также австрийский санскритолог Антон Боллер (1811—1869), поставивший перед собой цель уточнить место венгерского языка среди финно-угорских, а через них и среди других алтайских языков. Начав со сравнения фонетических явлений, а также склонения и спряжения внутри «финских» (финно-угорских) языков⁴⁷, он в последних работах широко привлекал уже материалы самодийских, тунгусских (преимущественно маньчжурского), монгольских и тюркских языков и, наконец, одним из первых сделал попытку доказать принадлежность японского языка к алтайским⁴⁸. Особый интерес представляют его статьи о корневых суффиксах и о показателях времен и наклонений в урало-алтай-

⁴⁴ Л. Я. Штернберг. Кастрен — алтаист и этнограф. — В кн.: «Памяти М. А. Кастрена», стр. 38—39.

⁴⁵ М. А. Castrén. Ethnologische Vorlesungen, стр. 96.

⁴⁶ М. А. Castrén. Über die Personalaffixe, стр. 152.

⁴⁷ См.: А. Boller. 1) Die finnischen Sprachen. — «Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften zu Wien», phil.-hist. Kl. (SBAAW), Bd. X, 1853, стр. 29—65; 279—307; 2) Die Declination in den finnischen Sprachen. — Там же, Bd. XII, 1853 (1854), стр. 953—986; Bd. XII, 1854, стр. 178—186; 3) Die Conjugation in den finnischen Sprachen. — Там же, Bd. XIII, 1854, стр. 494—539; Bd. XIV, 1854 (1855), стр. 299—355; 4) Die Objectiv-Conjugation in den finnischen Sprachen. — Там же, Bd. XV, 1855, стр. 75—347.

⁴⁸ А. Boller. Nachweis, dass das Japanische zum ural-altäischen Stamme gehört. — BAAW, Bd. XXIII, 1857, стр. 393—481.

ских языках⁴⁹, хотя они строятся на той же методике исследования языковых соответствий, что и названные выше работы. А. Боллер, следуя идеям Г. Штейнталя и В. Гумбольдта, особое внимание обращал на соотношение формальных показателей, считая, что единство материальных элементов, воплощающих сходные языковые представления, говорит о единстве и языков: «Те языки, которые обозначают сходные явления одинаковыми звуковыми комплексами, выражают отношения, исходя из единого взгляда на данное явление и используя для этого идентичные экспоненты, следует считать едиными при своем образовании, а совпадающие формы можно рассматривать как развитие некогда единой формы»⁵⁰. Элементарный урало-алтайский корень, по А. Боллеру, имеет структуру (С)ГС (часто исчезающий простой согласный + краткий гласный + гуттуральный или, реже, лабиальный согласный). Он обозначает весьма примитивное представление, поэтому может реализовываться только посредством присоединения производящих элементов (восходящих тоже некогда к самостоятельным корням), модифицирующих и расширяющих узкое значение корня. Указанные две работы А. Боллера и были посвящены выделению и идентификации таких производящих элементов, экспонирующих в разных алтайских языках сходные значения или представления, связанные с глагольными действиями. Если в работах В. Шотта рассматривались преимущественно сами корни, то здесь анализировались слово- и формообразовательные, а также словоизменительные показатели.

В статье о корневых аффиксах дана сводка показателей, связанных с глагольными представлениями. Глагольный корень в алтайских языках обычно обозначает единичное действие, исходящее от одного субъекта, направленное на один объект и уже законченное в единицу времени. Различные показатели позволяют передать число объектов и субъектов, повторяемость и длительность действия, время его начала и окончания и т. п.⁵¹. Далее в алфавитном порядке рассматривались деноминативные аффиксы, показатели диминутива, дезидератива, пассива, рефлексива, каузатива, инхоатива, инессива и др. Например, экспонент *d*, который мог фонетически переходить в *č*, *š*, *s*, *t* и так далее и сочетаться с другими экспонентами, является самым распространенным в урало-алтайских языках и передает значения множественности субъектов или отношений (повторение, совместность, учащность: в монгольском и маньчжурском языках *verba cooperativa* -*d*- + -*a*; *verba reciproca* -*d*- + -*u*, *verba frequentativa* -*d*- + -*a*), уменьшенности, каузативности (тюрк. -*t*-), желательности (тюрк. -*s*- (< *d*) + -*a*) и др.⁵² В другой статье таким же образом сопоставлялись по языкам показатели презенса, претерита и футурума, а также императива, оптатива, континктива. А. Боллер считал, что в урало-алтайских языках предикатив

⁴⁹ A. Boller. 1) Die Wurzelsuffixe in den ural-altäischen Sprachen. — SBAWW, B. XXII, 1857, стр. 91—180; 2) Die Übereinstimmung der Tempus- und Moduscharaktere in den ural-altäischen Sprachen. — Там же, стр. 223—263.

⁵⁰ A. Boller. Vergleichende Analyse des magyarischen Verbums. — SBAWW, Bd. XI, 1856, стр. 113. Ср. положения Г. Штейнталя: «... описание единства языков распадается ... на две части: единство словарного состава, материального элемента языка, единство формообразования... Сначала следует свести слова к их корням, причем с всей осторожностью нужно установить самую первоначальную звуковую форму корня и содержащееся в нем представление... Но наиболее важной задачей остается найти своеобразные принципы, по которым в языке посредством как словообразования, так и происходящего во времени развития духа развиваются основные значения» (В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. I, М., 1960, стр. 112).

⁵¹ См.: A. Boller. Die Wurzelsuffixe, стр. 96—97.

⁵² Там же, стр. 121—132.

ная часть глагольного высказывания состоит из имени деятеля или имени действия в сочетании с личными аффиксами. Интересно также его замечание о том, что обозначение времени связано с семантикой корня подобно тому, как в славянских языках перфективные и имперфективные глаголы тоже влияют на временные формы и что настоящее актуальное время и в алтайских языках может быть выражено лишь посредством специальных континуативных форм глагола⁵³. Это было первым указанием алтаиста на важность установления связи между реализацией временных значений и предельным или неопределенным характером глагольной основы, что стало привлекать к себе внимание алтаистов только в последние годы.

Специальную работу посвятил А. Боллер сопоставлению местоименных показателей; в ней рассматривались «субъектные» и «предикативные» аффиксы, присоединяющиеся к именам и глаголам в финно-угорских, самодийских (по М. А. Кастрену), монгольских, тунгусских, тюркских, а также в японском языках⁵⁴.

Эти исследования дали А. Боллеру возможность заключить, что все урало-алтайские языки не только имеют общий корневой состав, как показано в работах В. Шотта, но и грамматические отношения в них экспонируются одинаковыми средствами как у имени, так и у глагола, а это свидетельствует о единстве данных языков и о былой общности всех народов, говорящих на урало-алтайских языках⁵⁵.

Конечно, в работах А. Боллера было немало вольных сопоставлений; заявляя о важности звуковых законов для алтайских языков, он тем не менее допускал самые различные звуковые переходы⁵⁶; многие показатели А. Боллер возводил к самостоятельным словам, существующим в отдельных алтайских языках (например, *-d- ~ -t-* пассива из финского глагола *tek-* 'делать'). Однако в его работах содержались полезные сводки грамматических значений, находящих формальное выражение в алтайских языках; интересными были его межъязыковые сопоставления отдельных формантов по выявленным значениям; верной была выдвинутая им идея типологических сопоставлений «от формы к содержанию» или, наоборот, «от содержания к форме». Отдельные положения А. Боллера нашли в дальнейшем отражение в типологических работах Ф. Мюллера, Г. Винклера и в некоторых трудах В. Банга⁵⁷.

М. А. Кастрен писал, что в России он имел случай познакомиться с учеными, специально занимающимися вопросами родства алтайских языков, и что «они считают сродство между тюркским и монгольским племенем не подлежащим никакому сомнению»⁵⁸. Однако в XIX веке, несмотря на имевшиеся возможности (обилие фактического материала, легкость его пополнения и необходимой проверки, наличие научных учреждений и квалифицированных специалистов-языковедов), специальные алтаистические исследования в России не проводились. Основное внимание востоковеды уделяли изучению конкретных языков или пись-

⁵³ A. Boller. Die Übereinstimmung der Tempus- und Moduscharaktere, стр. 229—230.

⁵⁴ A. Boller. Die Pronominalaffixe des ural-altäischen Verbuns. — SBAWW, Bd. XXV, 1857, стр. 3—59.

⁵⁵ Там же, стр. 58—59.

⁵⁶ См.: A. Boller. Die Consonanten — Erweichung. — SBAWW, Bd. XII, 1854, стр. 441—466, 637—665; Bd. XIII, 1854, стр. 184—210.

⁵⁷ В настоящее время проявляется внимание к работам А. Боллера о японо-алтайских языковых связях: см., например: К. Н. Menges. Altajische Studien. II. Japanisch und Altajisch. Wiesbaden, 1975.

⁵⁸ М. А. Кастрен. Путешествия..., стр. 202—203.

менных памятников, алтаистические проблемы затрагивались лишь в самых общих чертах, а сравнительно-историческое изучение алтайских языков почти никого не интересовало.

Кроме уже упоминавшейся ранней работы Ф. И. Видемана, можно назвать исследование другого эстонского финно-угроведа М. П. Веске (1843—1890) по сравнительной морфологии финских языков⁵⁹, где обсуждались важные методологические вопросы изучения родственных связей между языками. М. П. Веске считал, что при выяснении степени родственных отношений финской семьи языков к другим языковым семьям, а также отношений между языками внутри одной семьи следует прежде всего пытаться установить для нее язык-основу; точно так же следует установить праязыки монгольский и тюркский.

Эти положения М. П. Веске перекликаются с точкой зрения В. Томсена, указывавшего, что родство финских языков с другими никоим образом нельзя рассматривать как вопрос решенный. Строгие доказательства этого не могут быть приведены, пока каждая из сравниваемых семей не будет досконально изучена в историческом отношении, а сопоставления между языками оправданы и продуктивны лишь тогда, когда языки приведены к «древнему облику»⁶⁰. Аналогичное мнение высказывал также известный финно-угровед Н. И. Андерсон, ставший преемником М. П. Веске в Казанском университете⁶¹.

Однако эти призывы ученого не нашли должного отклика у алтаистов, более того, к концу XIX века в связи с призывом младограмматиков «выйти из душной атмосферы праформ на свежий воздух языковой действительности» интерес к праязыковым построениям и реконструкциям в алтаистике заметно снизился.

Отечественные тюркологи признавали принадлежность тюркских языков к алтайской (или урало-алтайской) семье, но самой проблемой почти не занимались, хотя в практической работе часто и охотно привлекали для сопоставления монгольские языки, и, наоборот, монголисты нередко прибегали к тюркским сравнениям. По-видимому, даже О. Бётлингк, резко критикуя В. Шотта за технику языковых сопоставлений, не выступал против возможных глубинных связей между алтайскими языками, считая, что пока нет достаточных доказательств генетических отношений между этими языками, но с формальной стороны (или с точки зрения «физиологического деления») они, несомненно, принадлежат к одному классу⁶². Н. И. Ильминский в своих лекциях указывал, что тюркские языки «относятся к семейству урало-алтайскому, заключающему, кроме них, языки маньчжурские, монгольские, фин-

⁵⁹ M. Weske. Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik der finnischen Sprachstammes. Leipzig, 1873; М. П. Веске плодотворно работал в 1887—1890 годах в Казанском университете, куда был приглашен по инициативе И. А. Бодуэна де Куртене; о его деятельности см.: Д. В. Бубрих. Финно-угорское языкознание..., стр. 107—112; Д. М. Насилов. Взгляды акад. Ф. И. Видемана и М. П. Веске на урало-алтайскую проблему.

⁶⁰ W. Thomsen. Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die Finnisch-Lappischen. Halle, 1870, стр. 1—3. Ср. требование А. Шлейхера: «... прежде чем приступить к сравнению, нужно по возможности устранить эту разницу в возрасте; данные величины должны быть сперва приведены к одному общему выражению...» — цитируем по: Б. Дельбрюк. Введение, стр. 52.

⁶¹ N. Anderson. Studien zur Vergleichung der ugro-finnischen und indogermanischen Sprachen. Dorpat, 1891, стр. 25—26.

⁶² См.: О. Бётлингк. О языке якутов, стр. 394, 402, 411.

ские, ... но давно урало-алтайская семья разделилась на многие отрасли и широко раскинулась...»⁶³. Ближайшей же задачей тюркологии он считал монографическое описание отдельных тюркских наречий, «основательную обработку» фактического материала, на основе чего можно приступить к сопоставлениям или заниматься классификациями⁶⁴.

Особняком стоят отдельные работы выдающегося русского тюрколога XIX века В. В. Радлова, затрагивающие и проблемы алтаистики; они заслуживают специального разбора и анализа.

⁶³ Н. И. Ильминский. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. — «Ученые записки Казанского университета», кн. III, 1861, стр. 3.

⁶⁴ Там же, стр. 20—21.

Г. ЯРРИНГ

ТЮРКОЛОГИЯ В ШВЕЦИИ

Шведские контакты с различными тюркскими народами уходят своими корнями в глубокую древность. Еще в эпоху викингов существовали торговые связи с Южной Россией, районом излучины Волги и, несомненно, распространявшиеся еще далее на восток¹. Никаких документов об этом периоде не сохранилось, хотя у ряда восточных и античных авторов сообщаются отдельные более или менее достоверные сведения. С XVI века Швеция вступает в постоянные контакты с крымскими татарами. Первым свидетельством таких контактов² является прием шведским королем в Стокгольме (1579 г.) татарской миссии. Трудно установить, кто явился инициатором этих контактов, несомненно лишь то, что и шведы, и крымские татары преследовали общую цель: путем военно-политического сотрудничества создать противовес все более крепнущему русскому государству. Постепенно дипломатические связи между Швецией и Крымом становятся оживленными и обмен делегациями начинает носить довольно регулярный по тем временам характер.

В Шведском государственном архиве сохранился большой материал по дипломатической переписке с крымскими татарами³, относящийся к периоду с 1637 года вплоть до начала XVIII века. Шведско-татарское сотрудничество прекращается в 1709 году, после знаменитой Полтавской битвы. На протяжении XVIII столетия развиваются и крепнут контакты с Турцией. Особую известность получила миссия Роламба в Константинополе (1657—1658 годы) благодаря подробному дневнику, который вел этот шведский дипломат⁴.

Еще в XVI веке в университете города Упсала (основанном в 1477 году) преподавались различные восточные языки, в том числе древнееврейский, халдейский, сирийский и арабский, причем арабский изучался скорее как вспомогательный язык, в дополнение к древнееврейскому. В шведской ориенталистике того времени господствовало библейско-теологическое направление, поэтому изучению турецкого языка не придавалось того значения, которое он приобрел позднее. Лишь в 1730 году ставится вопрос о преподавании в упсальском университете турецкого языка, и, хотя формальное решение об этом и было принято, практически оно не реализовалось. В эти же годы интерес к турецкому языку возник и в университете города Лунда. Для университетской библиотеки были закуплены турецкие книги, а в 1742 году Свену Юхану Мюнте было поручено обучение студентов языкам, на которых говорили при «оттоманском дворе», то есть перед ним ставилась фактически задача подготовки переводчиков для шведской миссии в Констан-

тинополе. Пятилетнее пребывание Карла XII в Турции (1709—1714) после поражения под Полтавой соответствующим образом ориентировало и внешнюю политику Швеции, предусматривавшую развитие тесных связей с Турцией для создания антирусской коалиции. С учетом этой внешнеполитической ориентации Швеции и строилось преподавание университетского курса восточных языков. Целый ряд профессоров университетов в Упсале и Лунде, в том числе и такие известные ученые-востоковеды, как Якоб Юнас Бьёрнстол и Маттиас Нурберг, посвящают себя изучению турецкого языка. Я. Ю. Бьёрнстол, назначенный профессором восточных языков в Лунде, умер в 1779 году, и его преемником стал М. Нурберг, который в период работы в Лундском университете занимался изучением турецкой истории и филологии. Им переведен Джихан Нума (Gihan Numa) и издан сборник «Анналы турецкого государства»⁵.

Другой ориенталист из Лунда — арабист Карл Юхан Турнберг также занялся изучением Турции. Следует упомянуть и историка Свена Лагербринга, который в работе, несомненно, сенсационной для своего времени, установил элементы сходства шведского и турецкого языков⁶. Его сравнительные исследования в основном базировались на материале персидских заимствований в турецком языке, благодаря чему С. Лагербрингу и удалось обнаружить отмеченные им совпадения.

Пребывание Карла XII в Турции значительно обострило интерес шведов не только к этой стране, но и ко всему Ближнему Востоку. Штаб-квартира короля в Бендере стала центром организации шведских восточных экспедиций, собравших важный материал, по сей день полностью не обработанный и не изданный⁷. Еще более серьезной была исследовательская работа, проводившаяся шведами — военнопленными, которые после Полтавской битвы были сосланы в разные места Западной Сибири, прежде всего в Тобольск, ставший исходным пунктом их научных экспедиций. Наиболее известны имена таких исследователей, как Филипп Юханн Страленберг, Юханн Густав Ренат, И. Кр. Шнитшер и Петер Шёнстрём⁸. Их контакты с монгольскими народами, прежде всего с калмыками, позволили им собрать обширный материал о тюркских народах Центральной Азии — Ю. Т. Ренат дал подробную информацию о народах, населявших территории нынешней Китайской провинции Синьцзян, а Ф. Ю. Страленберг и П. Шёнстрём познакомили ученых Швеции и Европы того времени с исторической работой Абул Гази Бахадур Хана⁹. Ф. Ю. Страленберг в своих сравнительных языковых таблицах и большой работе «Северная и восточная часть Европы и Азии» (1730) описал и такие тюркские языки, как татарский, чувашский и якутский. Молодой сотрудник Ф. Ю. Страленберга Шарль Шульман в 1721 году снял копии с древнетюркских надписей на реке Бия, одном из притоков Оби.

Таким образом, шведская тюркология не ограничилась лишь изучением отдельных тюркских языков, объектом исследований шведских лингвистов стал весь тюркский языковой ареал.

Ф. Ю. Страленберг же должен быть признан первым шведским тюркологом¹⁰. Наряду со сравнительным изучением татарско-чувашско-якутского лексического материала ученый стремится в обширной своей работе установить черты сходства между тюркскими и различными европейскими языками, прежде всего немецким¹¹. Его выводам по последнему вопросу присуща значительная доля фантазии, поэтому они не представляют существенной научной ценности. Если же при оценке истории шведской тюркологии в качестве основного критерия брать преподавательскую деятельность, то титул первого тюрколога, как это

совершенно справедливо подчеркивает Л. Юхансон, должен быть присвоен Перингер-Лильебладу, преподававшему в Упсале с конца XVIII столетия¹².

Служившие в Константинополе шведские дипломаты (XVIII век) нередко занимались тюркологическими разысканиями, и ими был издан ряд небольших работ. Так, Хёпкен и Карлесон приложили немало стараний, чтобы снабдить шведские библиотеки первыми книгами, изданными в Турции Ибрагимом Мютеферрикой. Армянин Мурадга д'Охссон (Mouradgca d'Ohsson), работавший, начиная с 1768 года, толмачом в шведской миссии в Константинополе, в 1795 году принял шведское подданство и был назначен шведским посланником в Турции. Им издан знаменитый трехтомный труд «Всеобщая картина Османской империи» (*Tableau Général de L'Empire Othoman*) (1787—1820 годы), который, несомненно, также должен быть причислен к шведской тюркологии.

В конце 1870-х годов начал свои ориенталистические исследования Август Стриндберг, позднее крупнейший шведский драматург, служивший в то время в Королевской библиотеке Стокгольма. Эти исследования пробудили у А. Стриндберга интерес к проблемам тюркологии¹³. Его внимание привлекла научная и культурная деятельность шведских военнопленных в Сибири. От «Заметок о судьбе шведских пленных после битвы под Полтавой» он перешел к более глубокому изучению трудов Страленберга, Рената, Амбьерна Мулина и других. А. Стриндберг написал также небольшую работу об Абул-Гази Бахадур Хане и его историческом труде, посвятив свое произведение проходившему в 1889 году Стокгольмскому конгрессу ориенталистов¹⁴. Эта работа А. Стриндберга послужила поводом для острой полемики со Свенном Гединым, исследователем совершившим в конце столетия длительное путешествие по Центральной Азии. Трактовка С. Гединым проблемы Лопнор (Lop-nor) вызвала со стороны А. Стриндберга в 1910 году резкую критику¹⁵, побудившую С. Гедина заняться более глубоким изучением научных разысканий военнопленных шведов в России. Результаты осуществленных исследований он опубликовал в 1917 году в первой части большой работы «Южный Тибет». Этот труд содержит много интересного тюркологического материала¹⁶.

В 1924 году в связи с вновь пробудившимся интересом к Центральной Азии бывший врач-миссионер Густав Ракетт был назначен доцентом тюркологии при Лундском университете¹⁷, и с этого времени тюркология утвердилась как учебная дисциплина в шведской высшей школе.

Одним из ведущих ученых, активно содействовавших развитию шведской тюркологии, был иранист и индолог Ханнес Шёльд. В 1925 году в Лунде был создан Институт Центральной Азии, просуществовавший очень недолго из-за отсутствия средств. Тем не менее Шёльд сумел предпринять научную экспедицию на Памир для изучения там иранских диалектов¹⁸. Во время пребывания в Ташкенте он занялся исследованием узбекского языка, но его работы по этой проблеме до сих пор не опубликованы.

С 1933 года автор настоящей статьи, как и Ракетт, являлся доцентом кафедры тюркологии при Лундском университете. Таким образом, на протяжении четырех лет, вплоть до ухода Ракетта в 1937 г. на пенсию, Лундский университет располагал двумя исследователями, активно работавшими в области тюркологии. С началом второй мировой войны автору пришлось посвятить себя дипломатической службе. Таким образом, завершился двадцатилетний период проведения тюркологиче-

ских исследований в Лундском университете, и с этого времени научные изыскания в области тюркологии здесь прекратились.

При Упсальском университете преподавание турецкого языка вели отдельные семитологи, такие, как Херман Альмквист (1839—1904), К. В. Сеттерстеен (1866—1953), Фритьоф Рюндгрэн (род. в 1921 году), а также тюрколог Вальтер Бьёркман (род. в 1896 году). Начиная с 1971 года, Упсальский университет получил право на регулярное преподавание предмета «тюркология». В том же 1971 г. тюрколог Ларс Юхансон был назначен доцентом кафедры по этой специальности.

При Стокгольмском университете также в разное время читался начальный курс турецкого языка, однако экзамены студенты сдавали в Упсале.

Среди тюркологов Швеции следует выделить ученых, совмещающих обучение языкам с интенсивной исследовательской работой. Одним из таких ученых является Херман Альмквист — семитолог и арабист, посвятивший свои исследования (1880-е годы) османско-турецкой дипломатике и издавший две работы¹⁹. Его преемник К. В. Сеттерстеен также семитолог-арабист, занимался изучением османско-турецкой и татарской дипломатики. В сотрудничестве с турецким историком Акдесом Нимет Куратом (1903—1971) он издал крупную публикацию «Турецкие акты»²⁰. Однако наибольшую известность он приобрел благодаря изучению списков восточных рукописей в шведских коллекциях и своему подробному обзору османско-турецкой и новоуйгурской литературы²¹. Интересной филологической проблеме посвящена работа К. В. Сеттерстеена «Anasini babasini»²².

Юханнес Колмудин²³ (1884—1933) начал свою научную деятельность как семитолог. Затем он заинтересовался Турцией и прежде всего изучением шведско-турецких отношений в период Карла XII. Этими исследованиями Ю. Колмудин занимался на протяжении всего длительного периода своего пребывания в шведской миссии в Константинополе, изучая одновременно и турецкую литературу. Каких-либо значительных работ им не было опубликовано.

Вальтер Бьёркман, работающий с 1951 года в Упсале, помимо изучения шведско-турецких отношений, занимался и тюркологией. Им опубликована такая работа, как «Буда в турецкую эпоху» и ряд других²⁴.

Профессор семитских языков в Упсале Фритьоф Рюндгрэн посвятил свои труды сравнительным исследованиям²⁵, а также отдельным проблемам тюркологии²⁶. Профессор санскрита и сравнительного языкознания Стиг Викандер в двух своих работах²⁷ рассмотрел проблему алтайских заимствований и вопросы языкового родства. Кроме того, им был написан обзор османской литературы.

Бьёрн Коллиндер (род. в 1894 году) на протяжении многих лет был профессором финно-угорских языков в Упсале, занимался также тюркологией. В опубликованных им «Исследованиях по турецкой фонетике»²⁸ рассмотрены фонетические особенности турецкого языка. Его предшественник К. Б. Виклунд (1868—1934) в своей работе «Транскрипция географических названий Центральной Азии» обращался к отдельным проблемам тюркологии²⁹. Для полноты картины тюркологических исследований в Упсале (труды Ларса Юхансона рассматриваются ниже) можно упомянуть еще слависта Гюна Бергмана (1916—1971), занимавшегося также вопросами тюркологии и подвергнувшего анализу тюркизмы в одной из работ Иво Андрича³⁰.

Густав Ракетт в ранний период своей деятельности в качестве врача-миссионера в Восточном Туркестане занимался решением практических языковедческих задач: написанием учебников, переводом библии, изданием календарей, первых в Восточном Туркестане. Эта работа предусматривала основательное знакомство с новоуйгурским языком, на котором говорили в Кашгаре и Яркенде. Им были подготовлены сначала сборник текстов в фонетической транскрипции «К нашим сегодняшним знаниям восточно-туркестанского диалекта в его нынешней устной и письменной форме в районах Яркенда и Кашгара»³¹, а несколькими годами позже большая работа — «Восточно-тюркская (уйгурская) грамматика, практическая и теоретическая со словарем, 1—3»³². Затем вышел «Англо-тюркский (уйгурский) словарь», основанный на диалектах Кашгара и Яркенда³³. Хотя в этих работах Г. Ракетт и говорит о кашгарском и яркендском диалектах, приводимый им языковой материал скорее является нормализованным литературным языком всей южной части провинции Синьцзян. В своих текстах в фонетической транскрипции (Täji bilä Zohra³⁴) Г. Ракетт приводит ряд дополнительных сведений и фактов о новоуйгурском литературном языке. Опубликовав (также в фонетической транскрипции) исторический vaqf-документ из Кашгара, Г. Ракетт ввел в научный обиход сведения об исламской административной системе в Восточном Туркестане, до тех пор почти неизвестные³⁵.

Результатом исследовательской работы, проведенной Ракеттом в Стамбуле, явился его труд «Проблема акцента в турецком языке»³⁶. Приводя параллели из новоуйгурского языка, ученый рассматривает сложные проблемы акцента (ударения) в турецком языке. Далее, в ряде статей, написанных им на шведском языке, Г. Ракетт рассмотрел некоторые центрально-азиатские проблемы, в том числе восточно-тюркскую топонимику, историю Восточного Туркестана и в большом по объему исследовании — историю ислама³⁷.

Что касается собственных публикаций автора настоящей статьи, то в основу большинства из них лег материал полевых исследований, проводившихся в различных районах Центральной Азии на протяжении 1929—1930 и 1935 годов. Начало этих публикаций было положено докторской диссертацией (1933 год) «Изучение восточно-тюркской фонетики»³⁸. В работу «Материалы к изучению восточно-тюркского (уйгурского) языка»³⁹ нами был включен фольклорный и этнографический материал из Кашгара, Ташмалыка, Яркенда, Гумы, Куча и Хотана. Вслед за этим был опубликован фольклорный текст из Кашгара под названием «Сказка-небылица из Центральной Азии» (Лунд, 1973)⁴⁰. Изданный в 1964 году «Восточно-тюркско (уйгурско)-английский диалектологический словарь»⁴¹ следует рассматривать как завершающую часть названных выше нами работ. Среди небольших публикаций автора по восточно-тюркской зоне можно назвать «Соперничество плодов»⁴², муназару из Кашгара, а также «Термины кличек животных у уйгуров»⁴³ и исследование системы священных могил в Юго-Западном Такламане, связанной с Сатук Бугра Ханом⁴⁴.

Центрально-азиатская топонимика была рассмотрена нами в двух работах. В первой из них «Заметки о центрально-азиатских тюркских названиях мест»⁴⁵ особое внимание было уделено «названиям, образующим полное предложение». Во второй — «Индекс географических имен»⁴⁶, изданном совместно с Б. М. Фаркухаром и Е. Нурином, анализировались тюркские географические названия, приведенные в «Атласе Центральной Азии Свена Гедина», а во введении излагались не-

которые принципиальные взгляды на центрально-азиатскую топонимику.

По узбекскому языковому ареалу нами были обработаны и изданы тексты, обнаруженные в Киличе в Узбекистане⁴⁷, а также серия узбекских текстов из Северного Афганистана⁴⁸, найденных там в 1935 году. В одной из работ 1937 года нами была предпринята попытка дать картину расселения тюркского этнического элемента в Афганистане⁴⁹. Дополнением к названным текстам из Афганистана является небольшая работа «Отношение узбека к окружающей его среде и родному городу»⁵⁰.

Как уже нами выше отмечалось, история шведско-турецких отношений всегда находилась в центре внимания шведских тюркологов. Особенно много по этой проблеме работали Колмудин и Сеттерстеен. После смерти Колмудина автору этих строк было поручено пересмотреть и обработать собранный им исторический турецкий материал, что позволило нам некоторое время проработать в архивах Стамбула. Результаты этой работы были изложены нами в статье «Архивные исследования в Турции. Предварительный отчет»⁵¹.

Традиции шведских тюркологов ныне достойно продолжает Ларс Юхансон (род. в 1936 году), возглавляющий в настоящее время научную работу по тюркскому языкознанию в Государственном совете гуманитарных исследований. Наиболее крупной и важной из его работ является опубликованная в 1971 году монография «Вид в турецком языке»⁵², за которой последовал ряд статей, посвященных прежде всего проблемам синтаксиса, часто в структуральном плане⁵³. Целый ряд публикаций Л. Юхансон посвятил современной турецкой литературе⁵⁴.

Говоря о шведской тюркологии, нельзя не упомянуть о той работе, которая на протяжении многих лет велась в шведской миссионерской типографии Кашгара в Синьцзяне. Если исключить издававшуюся там чисто религиозную литературу, то следует признать, что целый ряд новоуйгурских публикаций этой типографии представляет несомненный научный интерес. Это различные учебники, в том числе языковедческого характера, а в последний год работы типографии (она закрылась в 1938 году) в ней печатались газеты и брошюры по заданию временного революционного правительства в Кашгаре⁵⁵. Из литературных сотрудников типографии, наряду с Г. Ракеттом, следует отдельно назвать Густава Альберта и Зигфрида Муена. Миссионером, внесшим большой вклад в изучение новоуйгурского языка, был Магнус Бэклунд (1866—1903). Известна его роль в разоблачении подделок Такламаканских документов⁵⁶.

В заключение отметим, что с 1962 года в Стамбуле функционирует Шведский научный институт, быть председателем правления которого поручено автору этой статьи. Сотрудники института занимаются изучением целого комплекса вопросов, в той или иной мере связанных с Турцией. Институт уже приступил к изданию собственных трудов⁵⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробный обзор состояния тюркологии в Швеции до 1940 года имеется в работе: K. V. Zetterstéen. *Turkiska studier i Sverige* (резюме на французском языке: *Sur les études turques en Suède*), напечатано в *Lychnos. Lärdomshistoriska samfundets årsbok*. 1941. Uppsala, 1941. Далее даются ссылки на: T. J. Arne. *De äldre förbindelserna mellan*

Sverige och Turkiet (Hävd och hembygd. 2. 1927); *Walther Björkman*. Die schwedisch-türkischen Beziehungen bis 1800. (Festschrift Georg Jacob ... 1932); «Schwedisch-türkische Beziehungen seit 1800» (Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. Jahrg. 35. Abt. 2. Berlin, 1932); «Die Beziehungen zwischen Schweden und der Türkei» (Orientalia Suecana 9. 1960); *G. Jarring*. Уйгуроведение в Швеции. (Исследования по уйгурскому языку. 2. Алма-Ата, 1970); *A. Dîlâçar*. Iskandinav yurtlarında türkoloji (Dil yazıları. 1.) Ankara, 1974; *Lars Johanson*. Turkiska språk. (Humanistisk forskning. Stockholm, 1975: 1); *G. Jarring*. Swedish Relations with Central Asia and Swedish Central Asian Research. (Asian Affairs. Vol. 61:3. London, 1974).

² *K. V. Zetterstéen*. De krimska tatarernas diplomatiska korrespondens med den svenska regeringen. (Kungl. Humanistiska Vetenskapssamfundet i Uppsala. Årsbok, 1952).

³ *K. V. Zetterstéen*. Türkische, tatarische und persische Urkunden im Schwedischen Reichsarchiv verzeichnet und beschrieben. Uppsala, 1945; *G. Jarring*. Gustaf II Adolf och tatarerna på Krim. (Ny militär tidskrift. 5. Stockholm, 1932).

⁴ *Claes Rålamb*. Diarium under resa till Konstantinopel 1657—1658. Utgivet ... genom Christian Callmer. Stockholm, 1963 (Historiska handlingar, 37 : 3).

⁵ «*Gihan Numa*, geographia orientalis, ex turcico in latinum versa a Matth». Norberg. P. 1—2. Lund, 1818; «Turkiska rikets annaler sammandragne ur dess egna urkunder». D. 1—4. Christianstad Hernösand, 1822.

⁶ Bref till Cancellie Rådet och Riddaren, Herr Joh. Ihre om Svenska och Turkiska Språkens likhet. Lund (1764).

⁷ *E. Wrangel*. Den första svenska Orientexpeditionen och Cornelius Loos' teckningar i Nationalmuseum. (Karolinska förbundets årsbok. 1932).

⁸ *G. Jarring*. Svenskt kulturarbete i Österled. (Svenska folket genom tiderna. Vårt lands kulturhistoria i skildringar och bilder. Band 5. 1939).

⁹ «Philologiae turcicae fundamenta». 2 (1964), стр. 385.

¹⁰ Это подчеркивает уже Дилачар в указанной работе (стр. 218).

¹¹ *Strahlenberg*. Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia, стр. 129 и след.

¹² *Johanson*. Turkiska språk, стр. 21.

¹³ *A. Strindberg*. Samlade skrifter. D. 4. (Kulturhistoriska studier) Stockholm, 1912; *W. A. Berendsohn*. Strindbergs östasiatiska studier. (Samfundet Örebro Stads — och Länsbiblioteksvänner. Meddelande Nr. 27, 1959); Перевод на английский язык Рудольфа Левенталья под названием: «The Oriental Studies of August Strindberg (1849—1912)» (Central Asian Collectanea. No. 5 Washington D. C. 1960).

¹⁴ «Notice sur le manuscrit de la première traduction de la Chronique d'Abul-Ghâsi-Behâder». Stockholm, 1889.

¹⁵ Strindbergsfejden. 465 debattinlägg och kommentarer utg. av Harry JÄRV. 1968.

¹⁶ См., в частности, стр. 246—261. The maps of Strahlenberg and Renat.

¹⁷ Краткая биография и библиографические сведения имеются в работе автора: «Gustaf Raquette and Qasim Akhun's letters to Kamil Efendi. Ethnological and folkloristic materials from Southern Sinkiang edited and translated with explanatory notes». Lund, 1975 (Scripta minora. 1975—1976 : 1).

¹⁸ *H. Sköld*. Materialien zu den iranischen Pamirsprachen. Lund, 1936 (Acta Reg. Societatis humaniorum litterarum Lundensis. 21).

¹⁹ H. Almquist. Ein türkisches Dragoman-Diplom aus dem vorigen Jahrhundert (Skrifter utg. af Humanistiska Vetenskaps-samfundet i Uppsala III : a); Nachträgliche Bemerkungen zum Türkischen Dragoman-Diplom. Uppsala, 1894—1895.

²⁰ Türkische Urkunden herausgegeben und übersetzt von A. N. Kurat und K. V. Zetterstéen. Uppsala, 1938. (Monografier utgivna av K. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala. 1.).

²¹ Zetterstéen. Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Universitätsbibliothek zu Uppsala verzeichnet und beschrieben. 1—2. Uppsala, 1930—1935.

²² «Le Monde Oriental». 14. 1920.

²³ Подробную биографию и библиографию см. в статье автора: «Johannes Kolmodin i Svenskt biografiskt lexikon». h. 103 (1976).

²⁴ «Ofen zur Türkenzeit» (Hamburgische Universität. Abhandlungen aus dem Gebiet der Auslandskunde. Bd. 3. Reihe B. Bd. 3. Hamburg, 1920); «Aus der altanatolischen Literatur» (Orientalia Suecana 10. 1965); «Die altosmanische Literatur. Die klassische-osmanische Literatur». («Philologicae turicae fundamenta». 2. 1964).

²⁵ См. библиографию к: Johanson. Aspekt im Türkischen (1971), 1959, 1960, 1961 b, 1963 och 1968 a.

²⁶ Teyze und Cičā. Bemerkungen zu den türkischen Verwandtschaftsnamen (Oriens. 15. 1962); «Turcica» (Orientalia Suecana. 16. 1967).

²⁷ Между прочим, Chichenitzá. An Altaic name (Studia linguistica 25, 1972; Вapзоxapa (Acta Orientalia 34. 1972); Maya and Altaic (Ethnos 1967, 1970, Orientalia Suecana 19—20, 1970—72); Turkisk litteratur (Utomeuropeiska litteraturer. Stockholm, 1966).

²⁸ Reichstürkische Lautstudien. Uppsala, 1939. (Uppsala Universitets årsskrift 1939 : 1).

²⁹ Transcription of Geographical Names in Central Asia. (Sven Hedin, Central Asia, 1899—1902, vol. 2, стр. 647—660).

³⁰ Gun Bergman. Turkisms in Ivo Andrić's Na Drini čuprija examined from the points of view of literary style and cultural history. Uppsala, 1969. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia slavica Upsaliensis. 11).

³¹ A Contribution to the Existing Knowledge of the Eastern-Turkestan Dialect as it is spoken and written at the present time in the Districts of Yarkand and Kashgar. (Journal de la Société finno-ougrienne 26 : 5. Helsingfors, 1909).

³² Eastern Turki Grammar. Practical and Theoretical with Vocabulary. (Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen. Jahrg. 15—17. Abt. 2. Berlin, 1912—1914).

³³ English-Turki Dictionary based on the Dialects of Kashgar and Yarkand. (Lunds Universitets årsskrift. N. F. Avd. 1. Bd. 23 : 4. Lund, 1927).

³⁴ Täji bilä Zohra. Eine osttürkische Variante der Sage von Tahir und Zohra. (Lunds Universitets årsskrift. N. F. Avd. 1 Bd. 26 : 6. Lund, 1930). См. также мою работу «Wörterverzeichnis zu G. Raquettes Ausgabe von Täji bilä Zohra (Lund, 1930). Lund, 1967. (Acta Universitatis Lundensis. Sectio 1 : 4).

³⁵ Eine kaschgarische Wakf-Urkunde aus der Khodscha-Zeit Ost-Turkestans. (Lunds Universitets årsskrift. N. F. Avd. 1. Bd. 26 : 2. Lund & Leipzig, 1930).

³⁶ The Accent Problem in Turkish. (Lunds Universitets årsskrift. N. F. Avd. 1. Bd. 24 : 4. Lund, 1929).

³⁷ Några turkiska geografiska namn i Centralasien (Svensk geografisk årsbok. Lund, 1928); ряд статей в сборнике «På obanade stigar». Stockholm, 1917; Muhammeds religion. Stockholm, 1935.

- ³⁸ Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund, 1933.
- ³⁹ Materials to the knowledge of Eastern Turki. Tales, Poetry, Proverbs, Riddles, Ethnological and Historical Texts from the Southern Parts of Eastern Turkestan with translation and notes. 1—4. Lund, 1946—1951. (Lunds Universitets årsskrift. N. F. Avd. 1. Bd. 43 : 4, 44 : 7, 47 : 3—4).
- ⁴⁰ A Tall Tale from Central Asia. (Scripta Minora Regiae Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis. 1972—1973 : 3).
- ⁴¹ An Eastern Turki-English Dialect Dictionary. (Lunds Universitets årsskrift. N. F. Avd. 1. Bd. 56. Nr. 4.).
- ⁴² The Contest of the Fruits. An Eastern Turki Allegory. Lund, 1936. (Lunds Universitets årsskrift. N. F. Avd. 1. Bd 32. Nr. 4.).
- ⁴³ Zurufe an Tiere bei den Osttürken. (Die Welt des Islams. Sonderband, 1941).
- ⁴⁴ The Ordam-Padishah-System of Eastern Turkistan Shrines. (Hyllningsskrift tillägnad Sven Hedin. Stockholm, 1935).
- ⁴⁵ Some Notes on Central Asian Turkic Place Names. (The Bulletin of the Geological Institutions of the University of Uppsala. Vol. 40. Uppsala, 1961).
- ⁴⁶ Index of Geographical Names. (Reports from the Scientific Expeditions to the North-Western Provinces of China under the leadership of Dr. Sven Hedin — The Sino-Swedish Expedition — Publication 49. I. Geography. 3. Sven Hedin Central Asia Atlas. Memoir on Maps. Vol. II. Stockholm, 1967).
- ⁴⁷ The Uzbek Dialect of Qilich (Russian Turkestan) with Texts and Glossary. Lund, 1937. (Lunds Universitets årsskrift. N. F. Avd. 1. Bd. 33 Nr. 3).
- ⁴⁸ Uzbek Texts from Afghan Turkestan with Glossary. Lund, 1938. (Lunds Universitets årsskrift. N. F. Avd. 1. Bd. 34. Nr. 2).
- ⁴⁹ On the Distribution of Turk Tribes in Afghanistan. An attempt at a Preliminary Classification. Lund, 1939. (Lunds Universitets årsskrift. N. F. Avd. 1. Bd. 35. Nr. 4).
- ⁵⁰ An Uzbek's View of his Native Town and its Circumstances. (Ethnos, 1939).
- ⁵¹ Arkivforskningar i Turkiet. En preliminär rapport. (Karolinska Förbundets årsbok, 1939).
- ⁵² Полное название: Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des Türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971. — См.: П. И. Кузнецов. Аспект и акционал в турецком языке (к выходу в свет монографии Л. Юхансона. — «Советская тюркология», 1975, № 3).
- ⁵³ Sprachbau und Inhaltssyntax am Beispiel des Türkischen (Orientalia Suecana 22. 1973); Zur Syntax der alttürkischen Kausativa (ZDMG, Suppl. 2, 1974); Some remarks on Turkic «Hypotaxis» (Ural-altaische Jahrbücher 47. 1975); Zum Präsens der nordwestlichen und mittelasiatischen Türksprachen (Acta Orientalia, Havniae 37. 1976); Das tschuwasische Aoristthema (Orientalia Suecana. 23—24, 1976).
- ⁵⁴ Например, «Om min penna hade kraften»... Aspekter på den samtida turkiska litteraturen (Artes. 1975 : 2. Stockholm).
- ⁵⁵ В настоящее время нами готовится библиография по изданиям типографии. См. статью автора: Swedish Relations with Central Asia and Swedish Central Asian Research, стр. 265.
- ⁵⁶ R. Hoernle. A Collection of Antiquities from Central Asia. (Journal of the Asiatic Society of Bengal. P. 1. Extra-Number 1. 1899).
- ⁵⁷ В конце 1976 года вышел из печати первый выпуск ежегодника института под названием «Meddelanden I».

РЕЦЕНЗИИ

«ВОПРОСЫ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

(УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КГПИ, ВЫП. 162. КАЗАНЬ, 1976, 143 стр.)

Рецензируемый сборник посвящен вопросам этногенеза и истории письменной и устной речи татарского народа, предполагаемого генетического родства между тюркскими языками и языками американских индейцев (майя и др.), топонимии, теоретической грамматики, теории перевода, просторечия и т. д.

Сборник открывается статьей М. З. Закиева «Общий взгляд на этноним татар, этногенез, историю письменного языка и устной речи». Автор подвергает обстоятельному научному анализу этноним татар, поддерживая мнение о происхождении данного этнонима от слова *тат*, обозначающего чужестранца (*та-та*) в древнетюркском и китайском языках: *тат* -*эр* → *та-тар*. На основе анализа многочисленных гипотез и соответствующих научных работ М. З. Закиев убедительно раскрывает историю этнонима татар.

Автор, справедливо считая, что вопросы глоттогенеза и этногенеза следует рассматривать в тесной взаимосвязи и на конкретных примерах из истории татарского языка и татарского народа, выдвигает ряд положений, имеющих принципиальное значение для их решения.

М. З. Закиев вполне обоснованно полагает, что в формировании казанских татар как этнической группы большую роль играли не столько кыпчаки, сколько булгары, и выступает против мнения о том, что единственными потомками булгар являются чуваш. В подтверждение своих выводов автор ссылается на археологические данные последних лет, исследования по языку булгарских эпитафий. Приведя убедительные факты из истории изучения этнонима татар, сделав анализ самоназваний и т. п., М. З. Закиев подтверждает высказанную еще К. Насыри мысль о том, что этноним татар стал самоназванием народа только в период формирования татарской нации.

Один из разделов статьи посвящен вопросу формирования литературного языка из общенародного, функционирующего в форме койне и реализованного как язык фольклора. Справедливо считается,

что дошедшее до нас устное народное творчество не сохранило всех исторических особенностей языка. Отражение следов общенародного языка М. З. Закиев с достаточным основанием видит в таких письменных памятниках, как словарь Махмуда Кашгари, «Кодекс Куманикус», эпитафиях.

Автор развивает высказанные им ранее суждения о развитии взаимоотношений между литературным и общенародным языком: литературный язык, хотя и сформировался на базе общенародного языка, в дальнейшем отошел от него, так как людей, владеющих письмом, было очень мало, и искусство письма считалось священным. Литературный язык развивается вне влияния общенародного языка, который постоянно обновлялся, обогащался, совершенствовался. Прогрессивные писатели, просветители стремились приблизить литературный язык к общенародному, сделать свои произведения доступными широкому кругу читателей.

Только в социалистическом обществе литературный и общенародный языки развиваются, взаимно обогащая друг друга, благодаря неуклонному повышению культурного уровня народа.

Представляют интерес высказывания автора об истории развития письменного языка у тюрков и татар. М. З. Закиев раскрывает причины общности письменного языка древних тюркоязычных народов, кроющиеся в общности религии, использовании арабской графики, тенденции сохранения «чистоты» литературного языка. Автор справедливо полагает, что тюркские памятники XI—XIV веков могут по праву занять место в ряду литературных и языковых памятников каждого из тюркоязычных народов; было бы ошибкой относить их только к определенному языку.

В сборник включены статьи М. Арибжанова и А. Каримуллина, посвященные вопросу возможной связи между языками американских индейцев и тюрков Азии и Европы. Как известно, изучение языков американских индейцев началось в России еще в XVIII веке. В этом отношении

интересно высказывание Дюпонсо, крупного лингвиста, вице-президента Американского философского общества, в письме к Ф. П. Аделунгу, автору очерка истории языкознания в России в XVIII — начале XIX века. Дюпонсо предлагает установить контакт в лингвистической работе и пишет: «Мне приятно думать, что ежели общими усилиями когда-либо совершенно достигнута будет цель сия, то это сделает честь народу, который преимущественно содействовал к таковому обогащению всеобщей словесности. И почему же бы вселенной не быть обязанною сим России»¹.

В статье «Некоторые лексические параллели в языке древних индейцев майя и тюркских языках» М. Арибжанов, используя книгу Диего де Ланда «Сообщение о делах в Юкатане» (перевод со староиспанского, вводная статья и примечания Ю. В. Кнорозова. М.—Л., 1955) проводит фонетическую и лексико-семантическую параллели между топонимическими названиями, отдельными словами древнего слоя в языках майя и тюркских языках. Представляет несомненный интерес интерпретация фактов, приведенных в календаре майя.

Этой же теме посвящена статья А. Г. Каримуллина «О возможном родстве отдельных индейских языков с тюркскими». Материалом для нее послужили публикации советского исследователя Ю. Кнорозова, зарубежных ученых О. Рерига, С. Викандера, Г. Дюмезеля.

Основной вывод автора статьи следующий: «Если признать, что заселение Америки произошло 10—25 (некоторые считают даже 100) тысяч лет тому назад и что после открытия Нового Света индейцы не имели контактов с тюркоязычными народами, то наличие сходства между их языками — явление феноменальное. Как было показано выше, в этих языках имеются сотни и сотни сходных по форме и значению слов, что невозможно объяснить лишь случайным совпадением. Более того, эти сходства распространяются и на фонетику, и на морфологию, и на синтаксис. Все это дает нам основание допустить, что в заселении Америки принимали участие и прапратюркские племена» (стр. 143).

Вопросам выяснения этнолингвистических и историко-этнографических связей аборигенов Сибири с другими народами, населяющими этот край, в частности, с русским, посвящена статья Ф. Т. Валеева и С. М. Исхаковой «Тюркские заимствования в русской топонимии Западной Сибири». Исследуя татарско-казахские заимствования в русской топонимии указанного

региона, авторы подвергают их этимологическому и структурно-грамматическому анализу. По мнению авторов, «тюркские географические названия изменились, приспособиваясь к фонетико-грамматическим нормам русского языка. Часть их передавалась путем калькированного перевода, некоторые — путем звукоподражания. Изменялись они и в результате воздействия на них русской народной этимологии» (стр. 128). Большинство этимологий дается на вполне высоком научном уровне, однако некоторые вызывают возражения. Например, «Кулик, Куликово» авторы считают образованным от слова *көлөккө* 'смех', в то время как можно было бы предположить, что оно произошло от слова *көллек* (бука. 'много золы'). Вероятно, село было расположено на месте сгоревшего леса...

В статье М. А. Сагитова исследуется неизученная еще в татарском языкознании проблема просторечия. Автор справедливо считает, что единых критериев для выделения просторечия еще не установлено. Существующие определения в татарском, а также в русском языкознании основаны либо на генетическом, либо на социальном и функционально-стилистических принципах (стр. 34). Автор отдельно характеризует просторечия, диалектизмы и жаргоны, случаи нелитературного словоупотребления, разграничивает литературное и нелитературное просторечие. В связи с этим автор весьма уместно ставит вопрос об изучении лексического состава просторечия и отношения его к литературному языку.

История изучения частей речи и классификации слов по частям речи рассматриваются в статьях З. М. Валиуллиной. Автор отмечает несколько этапов в истории изучения частей речи в татарском языкознании. Вплоть до 30-х годов XX века вопрос о частях речи в различных грамматиках решался по-разному. Так, в грамматиках И. Гиганова, А. Троянского, И. Хальфина, А. Казембека по образцу русских грамматик указывается 8—9 частей речи, а в грамматиках Г. Фаезханова, К. Насыри, Дж. Валиди по образцу арабских грамматик — 3—5 частей речи. Почти все грамматикки дают обстоятельную характеристику глагола и очень схематичную — имен. Во многих грамматиках в именах (существительных, прилагательных, числительных) указываются лишь категории числа и падежа. В некоторых (например, в грамматиках Г. Фаезханова, К. Насыри, Дж. Валиди) наряду со служебными частями речи рассматриваются не только слова, но и отдельные аффиксы: *-дин*, *-дән*; *-сыз*, *-сез*; *-лы*, *-ле* и др.

В истории изучения частей речи, по мнению автора, особое место занимают работы Г. Алпарова, В. А. Богородицкого, В. Н. Хангильдина и Д. Г. Тумашевой, написанные с учетом достижений советского языкознания в области изучения грамматической структуры языка.

¹ См. об этом: Е. Э. Бломквист. История изучения в России языков североамериканских индейцев (из архива Музея антропологии и этнографии). — В сб.: «Из культурного наследия народов Америки и Африки». Л., 1975.

Классификация частей речи — одна из актуальных проблем языкознания. З. М. Валиуллина подробно останавливается на семантических, морфологических и синтаксических принципах при выделении морфологических разрядов слов, отмечая при этом, что значение части речи (предметность, процесс и т. п.) — не лексического, а грамматического порядка и что большой интерес представляют типы словообразования, грамматическая сочетаемость слов.

В тюркологии, в том числе и в татарском языкознании, в последнее время были предложены иные принципы классификации морфологических единиц, основанные на их роли в образовании речи². К сожалению, эти принципы не нашли отражения в статьях З. М. Валиуллиной.

Статья Л. Л. Рахматуллиной «Придаточные времена в башкирском языке и способы выражения их в русском языке» охватывает вопросы сопоставительного изучения сложных предложений в башкирском и русском языках. На примере сложноподчиненных предложений с придаточным времени освещаются способы их выражения в русском языке. Однако, на наш взгляд, автор не до конца учитывает возможности передачи в русском языке башкирских предложений, где, по мнению Л. Л. Рахматуллиной, средствами связи являются слова *минут* 'минута', *сәғәт* 'час', *көн* 'день', *йыл* 'год', *дәүер* 'век'. Действительно, в тюркских языках эти полнзначные слова имеют тенденцию перехода в служебные, но Л. Л. Рахматуллина при переводе этих предложений не учитывает следующую особенность данных слов: они представлены как полнзначные слова, и тем самым автор ставит под сом-

нение возможность выполнения ими роли послеложных слов. В статье имеются примеры, которые следовало бы отнести к другому типу придаточных предложений, например, уточнительных (стр. 112). Представляется неправомерным рассмотрение отдельно взятых средств связи как лексических синонимов, следовало бы сопоставлять предложения в целом в виде синтаксических синонимов (стр. 111).

«Проявление общего и специфического в переводах» — так называется статья Р. А. Юсупова, в которой автор стремится «показать проявление в процессе перевода некоторых общих и специфических черт в лексико-фразеологических средствах русского и татарского языков и указать в связи с этим на случаи нарушения норм татарского языка, которые занимают значительное место в переводах с русского языка». Автор подвергает критике стремление некоторых литераторов и журналистов избегать русских заимствований наряду с неоправданным заимствованием слов из других языков, а также недооценку контекста, значения реалий, употребления диалектизмов в авторской речи и т. д.

Как известно, языковая специфика ярко проявляется при передаче идиом одного языка средствами другого, и переводчик часто в таких случаях обращается к адекватным средствам родного языка, а также к методу компенсации, поэтому нам представляется недостаточно оправданным негативное отношение автора статьи к подобному методу, считающему перевод фразеологизма более предпочтительным.

Статьи, помещенные в сборнике «Вопросы тюркского языкознания», несомненно, заинтересуют специалистов в области описательной грамматики, истории языка и теории перевода.

Ф. С. Сафиуллина, С. М. Ибрагимов

Ю. Д. ДЕШЕРИЕВ. ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СССР В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ (РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)

М., ИЗД-ВО «НАУКА», 1976, 431 стр.

Решензируемая монография Ю. Д. Дешериева представляет собой завершающий том четырехтомного одноименного труда, издававшегося в течение семи лет (1969—1976) под общей редакцией Ю. Д. Дешериева.

В первых трех томах, выполненных большим авторским коллективом известных советских лингвистов, анализируются основные процессы внутривидового

развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. В рецензируемой же монографии исследуются процессы расширения общественных функций литературных языков народов СССР. Монография включает предисловие и девятнадцать глав.

В первой главе говорится о значении функционирования русского языка и его роли в жизни советского общества; харак-

теризуется процесс развития общественных функций русского литературного языка как национального языка русского народа и как языка межнационального общения советских народов, а также одного из важных источников обогащения и развития языков народов СССР и, наконец, одного из языков и международного общения. В монографии указано, что роль русского языка как языка межнационального общения особенно возросла в условиях развитого социалистического общества.

За шестьдесят лет Советской власти в СССР сформировалась единая советская социалистическая культура, которая богаче любой из национальных культур. Однако только в русском языке она получила наиболее полное отражение.

При оценке роли русского языка в жизни новой исторической общности — советского народа — автор справедливо отмечает: «Социальная значимость русского языка для многонационального советского государства, а не правовые преимущества, ставит его в особое положение среди языков народов СССР» (стр. 7).

Во второй главе основное внимание уделяется теоретическим вопросам функционирования языков. В работе надлежащим образом интерпретируются такие понятия, как функция, функциональное развитие, коммуникативная и общественная функция языка. Раскрывается взаимоотношение функционального и внутривидового развития языка: «...внутривидовое развитие языка не обуславливает функционального развития, напротив, функциональное развитие языка во многом (но далеко не во всем) обуславливает внутривидовое развитие языка — особенно в области лексики, семантических процессов, синтаксических явлений и стилистических дифференциаций» (стр. 39).

Вопросам функционирования литературных языков в каждой союзной республике посвящена отдельная глава.

Известно, что Великая Октябрьская социалистическая революция создала широкие возможности для развития духовной жизни всех народов РСФСР. Быстрыми темпами растут общеобразовательный и культурный уровень народов Российской Федерации: «В 1970 г. на 1000 работающих в РСФСР имели высшее и среднее (полное и неполное) образование 656 человек» (стр. 46).

Терминология более тридцати основных отраслей наук и многочисленных ответвлений внутри каждой из них, интенсивно развивающаяся на основе русского языка в РСФСР, является яркой иллюстрацией расширения общественных функций русского языка в области науки и техники.

Четвертая глава посвящена развитию общественных функций украинского и других литературных языков в Украинской ССР. Достаточно привести лишь один пример: «До революции украинский язык не изучали в школах, вузах» (стр. 68). В на-

стоящее же время в средних, среднеспециальных школах и вузах Украинской ССР около семи миллионов человек обучается на украинском языке. В 1970 году на украинском языке изданы 8133 книги и брошюры, тиражом 121 506 тысяч экземпляров.

Вопросы развития и функционирования белорусского и других языков в Белоруссии освещаются в пятой главе. Из 22-х современных основных сфер общественно-политической, производственной, социальной, культурной и научной жизни в дореволюционной России только в семи второстепенных сферах использовался белорусский язык. В советское же время он функционирует в 20-ти основных сферах жизни белорусского народа (стр. 106).

Шестая глава посвящена Узбекской ССР. Большие изменения, произошедшие в социальной структуре узбекского народа, повлияли и на функционирование языков в республике. Два варианта национального литературного языка — устный и письменный, а также территориальные и профессиональные диалекты характеризуют формы функционирования современного узбекского языка (стр. 114). За годы Советской власти неизмеримо расширились функции литературного узбекского языка в сфере начального, среднего, средне-специального и высшего образования. В 1970/71 учебном году в 38 вузах Узбекской ССР обучалось 232 900 студентов, из них 70% на узбекском языке. В настоящее время ведущим языком основных сфер общественной жизни Узбекистана является литературный узбекский язык: «За сравнительно короткий период он превратился в один из немногих языков мира, в той или иной мере отражающий важнейшие достижения цивилизации, материального и духовного развития человеческого общества» (стр. 132).

Развитию общественных функций литературных языков в Казахской ССР посвящена седьмая глава. Казахский язык до революции функционировал только в устной форме: «Впервые в советский период казахский язык стал широко применяться в сферах делопроизводства и официальной переписки» (стр. 151). Однако Казахской ССР присуща некоторая специфика в сравнении с другими союзными республиками. Пестрота национального состава и преобладание русского населения (по данным 1970 года, в Казахской ССР проживает: русских — 5 521 917, казахов — 4 234 166) обусловили сравнительно широкое применение русского языка в ряде общественных сфер — в делопроизводстве, в области высшего образования и в науке. Технические науки в Казахстане развиваются на русском языке (стр. 161).

В восьмой главе освещаются вопросы развития общественных функций грузинского и других литературных языков Грузинской ССР. Функциональное развитие

грузинского языка в советский период с достаточной полнотой характеризует А. С. Чикобава: «Поливалентность грузинского литературного языка за все 15 веков его существования не проявлялась так восторженно, как за последние 40 лет, благодаря национальной политике Советской власти».

О развитии общественных функций азербайджанского и других литературных языков Азербайджанской ССР говорится в девятой главе. В дореволюционном Азербайджане функционировали различные литературные языки: азербайджанский, русский, арабский, персидский, армянский, грузинский; причем ведущая роль принадлежала русскому языку. За годы Советской власти резко расширились сферы общественных функций литературного азербайджанского языка. Если до революции он использовался в семи сферах общественной жизни, то в настоящее время функционирует в двадцати сферах. Во много раз увеличился и объем этих сфер. Так, например, в 1914/15 учебном году ни в одной школе Азербайджана не велось обучения на родном языке, а в 1974/75 учебном году — то есть ровно через 60 лет — в 3518 школах Азербайджана учащиеся обучались на азербайджанском языке.

В 1913 году в Азербайджане на родном языке было издано 89 книг общим тиражом 85 тысяч экземпляров (то есть вдвое меньше тиража одного учебника средней школы, изданного в 1977 году). А в 1974 году издано 925 книг общим тиражом 10 миллионов 370 тысяч экземпляров. Рост печатной продукции на азербайджанском языке увеличился в 122 раза.

В последующих главах детально описывается функционирование языков в Литовской, Молдавской, Латвийской, Киргизской, Таджикской, Армянской, Туркменской и Эстонской ССР. Главы, написанные по единой схеме, характеризуются яркими своеобразными специфическими особенностями. Обобщающими являются восемнадцатая и девятнадцатая главы. В них представлены исчерпывающие схемы форм существования и закономерностей функционирования языков народов СССР.

За годы Советской власти резко увеличились общественные функции литературных языков в области науки и техники. Однако физически трудно осуществим и в финансовом отношении не выгоден перевод мировой научно-технической литературы на все языки народов СССР: «Все это вызывает необходимость свободного владения русским языком всеми научными работни-

ками республик» (стр. 401). Сторонники создания замкнутых моделей национальных культур и языков подвергаются критике автора рецензируемой монографии. Ю. Д. Дешериев об этом, в частности, пишет: «В Советском Союзе трудно найти представителей какой-нибудь национальной культуры, которые рассуждали бы так: „Вот это наше, национальное, оно незыблемо, вечно, не смейте переходить границу национального. Своего вам не дадим и вашего нам не надо“» (стр. 419).

За шестьдесят лет Советской власти сложилась общесоветская социалистическая культура, неизмеримо более развитая и многообразная, нежели любая собственная национальная культура (стр. 420). Особое развитие в советскую эпоху получил русский язык, лексические богатства которого значительно превосходят другие национальные языки.

Функциональная классификация языков народов СССР, предложенная Ю. Д. Дешериевым, может служить основой планирования и прогнозирования языкового развития в перспективе.

На наш взгляд, в работе имеется ряд положений, требующих некоторого корректирования. Так, например, отмечая функционирование персидского языка в средневековом Азербайджане, только в сфере торговли автор несколько ограничивает его диапазон (стр. 188): богатое художественное наследие азербайджанских классиков, созданное на персидском языке и сохранившееся до наших дней, — факт общеизвестный.

Вызывает сомнение достоверность следующих цифр: в 1967/68 учебном году в Киргизии в 5—8-х классах на киргизском языке обучалось 1075, а в 9—10-х классах 29 745 человек; на русском в 5—8-х классах — 126 958, а в 9—10-х классах — 26 945 человек (стр. 285); как отмечается на стр. 198, число студентов в вузах Азербайджанской ССР в 1970/71 учебном году не достигало 192 тысяч. На страницах 5, 7 и 422 трижды повторяется сообщение о выпуске более 60 тысяч наименований продукции в 1930 году и свыше 11 млн. наименований в 1973 году.

Однако указанные частные недочеты не умаляют общей ценности работы.

Монография Ю. Д. Дешериева «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху» является достойным подарком к 60-летию Великого Октября.

А. М. Асланов

АШЫРГУЛЫ БОРЖАКОВ. ТҮРКИ ДИЛЛЕРИҢ ГҮНОРТА-ГҮНБАТАР ТОПАРЫНДА ИШ АТЛАРЫ,

«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ, АШГАБАТ, 1976, 174 стр.

Применение сравнительно-исторического метода изучения тюркских языков, получившее широкое развитие в последнее время, должно решить ряд общетюркологических задач, в том числе создать сравнительную грамматику тюркских языков и их отдельных групп. Поэтому выход в свет монографии туркменского ученого А. Боржакова, посвященной анализу категории имени действия в тюркских языках юго-западной группы: туркменском, азербайджанском, турецком и гагаузском, следует считать своевременным. До сих пор эта специфическая категория не была объектом специального сравнительного исследования.

В монографии обстоятельно говорится о лингвистической сущности данной категории в тюркских языках. По справедливому заключению автора, имена действия характеризуются глагольными и именными свойствами. С одной стороны, они сохраняют такие глагольные признаки, как переходность и непереходность, залоги, управление и т. д., с другой, как и имена существительные, — принимают аффиксы принадлежности, множественного числа и падежей. Вместе с тем эта категория выражает иные грамматические значения в глагольных номинативах. Поскольку имена действия совмещают в себе признаки и глагола, от которого они образуются, и имени существительного, следует признать целесообразным выявление признаков как сближающих их с глаголами и именами, так и дифференцирующих их. В первой главе монографии четко устанавливаются характерные особенности категории имени действия как функционально-грамматической формы глагола.

Исследуя слово- и формообразовательные функции имен действия, автор определяет и их место в грамматическом строе как в плане содержания, так и по степени употребительности в том или ином значении. В монографии А. Боржакова отдельно рассматриваются формы имени действия на *-мак, -мек, -ма, -ме, -ыш, -иш, -асы, -еси*, функционирующие во всех огузских языках с некоторыми фонетическими особенностями и имеющие как общие, так и специфические черты в анализируемых языках.

Форма *-мак, -мек* в тюркских языках юго-западной группы, за исключением гагаузского, в основном участвует в образовании имен действия, и данная грамматическая функция для нее является ведущей. Вместе с тем ряд образований на *-мак, -мек* имеет постоянное лексическое значение, что является показателем непродуктивности этой формы почти во всех тюркских языках, хотя она и встречается в них. Таким образом, в данной форме заключены два различных значения, проявляющиеся в разной степени. Подробному анализу подвергает автор

словоизменение имени действия на *-мак, -мек*, где ярко проявляется специфика сравниваемых языков. В азербайджанском и туркменском языках изменения охватывают все грамматические категории имени существительного: принадлежности, числа, падежа. В отличие от азербайджанского и туркменского в турецком и гагаузском языках словоизменение имени действия на *-мак, -мек* носит непоследовательный характер: в турецком имя действия на *-мак, -мек* не принимает аффиксов принадлежности, не имеет формы родительного падежа, хотя выступает во всех остальных падежах.

Вторая глава рецензируемой работы посвящена анализу формы имени действия на *-ма, -ме*, раскрытию ее этимологии, описанию употребления, словоизменения, лексикализации. Эта форма, генетически связанная с предыдущей на *-мак, -мек*, известна во многих тюркских языках, особенно широко употребляется в огузской группе, где она выступает в формообразовательной и словообразовательной функциях. Как формообразующий показатель *-ма, -ме* обозначает имя, название действия. Выступая в словообразовательной функции, *-ма, -ме* выражает постоянное лексическое значение, и такие слова составляют единую систему с остальными отглагольными именами, образованными при помощи различных аффиксов. Поэтому им не свойственны признаки имени действия. Интерпретация в работе этих и других значений на основе сравнительных данных огузских языков представляет определенный интерес.

В третьей главе рассматриваются имена действия на *-ыш, -иш*, обладающие как специфическими, так и общими с другими формами данной грамматической категории особенностями. Однако в отличие от имен действия на *-мак, -мек* и *-ма, -ме* имена действия на *-ыш, -иш* обозначают имя, название и характер протекания процесса действия. Иными словами, грамматическое значение процессуальности в этой форме является преобладающим. В работе далее отмечается ограниченность употребления имени действия на *-ыш, -иш* в отрицательной форме по сравнению с положительной, особенно в азербайджанском и гагаузском языках.

При описании формы на *-асы, -еси*, образующей в туркменском языке имена действия, а в азербайджанском — необходимое наклонение глагола, автор строго придерживается традиций в области изучения грамматики, сложившихся в туркменском и азербайджанском языкознании. Кроме того, им учитываются и категориальные грамматические признаки образований на *-асы, -еси*, выступающих в туркменском языке в определенном лице категории при-

надлежности, тогда как в азербайджанском они принимают личные аффиксы. Данные категории имеют первостепенное значение при определении их грамматических значений и отнесении образований на *-асы, -еси* к той или иной форме глагола в целом. Поэтому, на наш взгляд, А. Боржаков, безусловно, прав, когда утверждает, что *-асы, -еси* в туркменском языке является формой имени действия, а в азербайджанском языке — образует необходимостное наклонение глагола.

При рассмотрении каждой формы имени действия автор раскрывает этимологию соответствующего аффикса, что, несомненно, весьма важно.

Анализ широкого круга вопросов, связанных с научной сущностью имен действия, произведен в монографии с учетом достижений современной тюркологии. В процессе исследования проблемы автор опирался не только на факты огузской группы языков, но и широко привлекал данные других тюркских языков, а также материалы исторических памятников.

Монография А. Боржакова значительно обогащает наши знания о грамматической структуре тюркских языков юго-западной группы.

Г. К. Кулиев

«ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬ-ДЕМОКРАТ КАЮМ НАСЫРИ»

КАЗАНЬ, 1976, 216 стр.

Рецензируемый сборник статей подготовлен Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР на основе материалов научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения выдающегося татарского просветителя-демократа, ученого, педагога и писателя Каюма Насыри (1825—1902).

Сборник открывается предисловием А. Н. Кононова, кратко характеризующим основные направления деятельности К. Насыри. В статье М. К. Мухарямова на обширном материале показаны социально-экономические условия эпохи, в которую жил и творил К. Насыри.

О значении научной и просветительской деятельности К. Насыри говорится в статьях М. Ф. Валеева и М. Х. Гайнуллина. В статье «Глашатай дружбы народов» К. Ф. Фасеев пишет о необходимости дать объективную оценку влиянию трудов татарских просветителей на общественную мысль и культуру других тюркоязычных народов: казахов, узбеков, киргизов и др. Этой же теме посвятил свое выступление «Каюм Насыри и Абусуфьян Акаев» С. М. Акбиев (Махачкала).

В сборнике отмечается, что мировоззрение большинства татарских просветителей, в том числе и К. Насыри, неся в себе черты религиозно-этического гуманизма, было исторически ограниченным. Татарские про-

светители, высказывавшие в своих трудах критическое отношение к догмам мусульманской религии, феодальной идеологии, способствовали сближению народов окраин Российской империи в их борьбе против феодальных устоев, немало сделав также для развития передовой общественной мысли. Поэтому обвинение некоторых из них в так называемом «пантюркизме» зачастую не имело под собой сколько-нибудь реальной почвы.

Ряд статей в сборнике посвящен отдельным сторонам многогранной деятельности Каюма Насыри: в области общественной мысли (Я. Г. Абдуллин), востоковедения (С. М. Михайлова), языкознания (М. З. Закиев, И. А. Абдуллин, Ф. С. Фасеев, Я. С. Ахметгалеева, Ш. С. Ханбикова, В. Х. Хаков, А. Ш. Асадуллин), художественной литературы (М. В. Гайнутдинов), фольклористики (Х. Ш. Махмутов), истории и археологии (Р. Г. Фахрутдинов), этнографии (Р. К. Уразманова, Р. М. Шарфутдинов, А. Н. Хайруллин), организации издательского дела (А. Г. Каримуллин).

В сборнике помещена также статья А. Н. Кононова о выдающемся татарском языковеде XVIII века И. Гиганове и его «Татарской грамматике» (1802 г.).

Р. Г. Ахметьянов

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебrenников (Москва). Ареальная лингвистика и проблема восстановления некоторых черт исчезнувших языков 3

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Ф. Урманчеев (Елабуга). Героическое сказание «Ак Кубек» 13

ОНОМАСТИКА

- Г. Ф. Саттаров (Казань). Лексико-семантические и тематические группы и ряды татарских лично-индивидуальных и семейно-родовых прозвищ 26

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- О. П. Анжиганова (Абакан). Адъективные словосочетания в хакасском языке 36
И. М. Отаров (Нальчик). К изучению профессиональной лексики карачаево-балкарского языка 45
Д. Г. Тумашева, М. А. Усманов, Ф. М. Хисамова (Казань). Об особенностях развития старотатарской деловой письменности 51
Г. Ф. Благова (Москва). Андижанский говор по материалам «Бабур-наме» (рубеж XV—XVI веков) и современным диалектологическим описаниям 67
Д. М. Насилов (Ленинград). Из истории алтаистики 77
Г. Ярринг (Стокгольм). Тюркология в Швеции 94

РЕЦЕНЗИИ

- Ф. С. Сафиуллина, С. М. Ибрагимов (Казань). «Вопросы тюркского языкознания» 103
А. М. Асланов (Кировабад). Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху 105
Г. К. Кулиев (Баку). Ашыргулы Боржаков. Турки диллериң гүнорта-гүнбатар топарында иш атлары 108
Р. Г. Ахметьянов (Казань). «Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри» 109

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- N. Z. Gadjiyeva, B. A. Serebrennikov* (Moscow). Areal linguistics and the problem of reconstruction of some features of extinct languages 3

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS AND FOLKLORISTICS

- F. Urmancheev* (Yelabuga). The heroic legend «Ak Kubek» 13

ONOMASTICS

- G. F. Sattarov* (Kazan). Lexical semantic and thematic groups and categories of Tatar personal-individual and domestic-patrimonial nicknames 26

REPORTS, SURVEYS

- O. P. Anjiganova* (Abakan). Adjectival word-combinations in the Khakass language 36
- I. M. Otarov* (Nalchik). On the study of professional vocabulary of the Karachai-Balkar language 45
- D. G. Tumasheva, M. A. Usmanov, F. M. Khisamova* (Kazan). On the peculiarities of development of old-Tatar business written language 51
- G. F. Blagova* (Moscow). Andijan subdialect on materials «Babur-name» XV—XVI-th centuries) and modern dialectological descriptions 67
- D. M. Nasilov* (Leningrad). From the history of Altaistics 77
- G. Yarring* (Stockholm). Turkology in Sweden 94

REVIEWS

- F. S. Safiullina, S. M. Ibraghimov* (Kazan). «Вопросы тюркского языкознания» 103
- A. M. Aslanov* (Kirovabad). Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху 105
- G. K. Kuliyeu* (Baku). Ашыргулы Боржаков. Турки диллерин гүнорта-гүнбатар топарында иш атлары 108
- R. G. Akhmetyanov* (Kazan). «Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри» 109

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Э. Я. Алиева, Ф. М. Джавадова.*

Сдано в набор 29/VIII-1977 г. Подписано к печати 23/XI-1977 г. ФГ 19396.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10.
Заказ 5491. Тираж 3020. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал